

Элино́р Порте́р Просто́ Дави́д

Почти детективная
повесть от автора
знаменитых книг
о Поллианне

Элино́р
Порте́р

Просто Дави́д

...после внезапной смерти отца сирота не может
вспомнить ни собственной фамилии, ни каких-
либо иных родственников. Он — «просто Давид».

Автор книги — популярная американская писательница Элино́р Портер, известная в России благодаря своим повестям о Поллианне.

Давид (параллель с царем-пастухом Давидом, играющем на арфе, лежит в самой основе книги) — 10-летний мальчик. Он живет в идиллической горной местности со своим отцом, который обучает его виртуозной игре на скрипке. После внезапной смерти отца сирота не может вспомнить ни собственной фамилии, ни каких-либо иных родственников. Он — «просто Давид». Его усыновляет пожилая супружеская пара. Нравственная незамутненность и музыкальный талант Давида привлекают к нему жителей деревни. Он обладает поразительной способностью при любых обстоятельствах радоваться жизни, видеть во всем и во всех лучшие стороны.

Почти детективные повороты сюжета, психологическая точность, с которой автор создает образы, — все это неизменно привлекает к книге внимание читателей на протяжении вот уже нескольких поколений.

МОСКВА

12+

Элинон Портер

Просто Давид

Москва
2021

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-44

П60

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р21-107-0160)

Портер Э.

П60 Просто Давид / Элинон Портер ; [перевод. Т. Мамедова]. – М. : Благовест, 2021. – 320 с.

ISBN 978-5-9968-0669-0

«Просто Давид» впервые издается на русском языке. Её автор — популярная американская писательница Элинон Портер, известная в России благодаря своим повестям о Поллианне.

Давид (параллель с царем-пастухом Давидом, играющем на арфе, лежит в самой основе книги) — 10-летний мальчик. Он живет в идиллической горной местности со своим отцом, который обучает его виртуозной игре на скрипке. После внезапной смерти отца сирота не может вспомнить ни собственной фамилии, ни каких-либо иных родственников. Он — «просто Давид». Его усыновляет пожилая супружеская пара. Нравственная незамутненность и музыкальный талант Давида привлекают к нему жителей деревни. Он обладает поразительной способностью при любых обстоятельствах радоваться жизни, видеть во всем и во всех лучшие стороны.

Почти детективные повороты сюжета, психологическая точность, с которой автор создает образы, — все это неизменно привлекает к книге внимание читателей на протяжении вот уже нескольких поколений.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-9968-0669-0

© Мамедова Т.Ф., перевод, 2021

© Издательство «Благовест», 2021

Глава I

Дом в горах

Высоко, на склоне горы, на поляне стоял одинокий домик, построенный грубо, но надежно. Позади него зубчатые скалы рассекали северный ветер. Серо-белые на ярком солнце, они высились, словно башни. Перед домом была полого опускавшаяся крошечная зеленая лужайка, заканчивавшаяся еще одним крутым склоном с невысокими елями и соснами. Слева тропинка уводила в прохладные глубины леса. Справа гора вновь становилась пологой, открывая любимый вид Давида: уходящую вдаль долину, серебряное озеро с далеко отброшенной от него лентой реки и над ними — серые, зеленые и пурпурные горы, забиравшиеся друг другу на плечи, самые верхние упирались в огромный купол неба.

Рядом с домом не было дороги, только тропинка, ближайшим жильем были дома да-

леко внизу, на берегу реки, казавшиеся отсюда белыми пятнышками.

Внутри хижины большую часть боковой стены занимал камин. Был июнь, и в очаге лежал холодный пепел, но из крошечной кухни в задней пристройке доносился запах бекона, шкворчавшего на сковороде. Обстановка была простая и в то же время капельку необычная. Две койки, несколько грубых, но удобных стульев, стол, два пюпитра, две скрипки с футлярами и повсюду книги и разбросанные нотные листы. Не было подушек, занавесок или безделушек, говорящих о присутствии женщины. Но не было и ружья, звериной шкуры или рогатой головы — свидетельств мужской силы и искусства. Украшениями служили прекрасная репродукция «Сикстинской Мадонны», несколько фотографий, подписанных людьми, хорошо известными в большом мире за горами, и гирлянда из сосновых шишек, какую мог собрать ребенок.

Внезапно шкворчанье в кухоньке-пристройке прекратилось, и в дверях показалась пара мечтательных темных глаз.

— Папочка! — позвал обладатель глаз.

Ответа не последовало.

— Папочка, ты там?

На одной из коек что-то слегка пошевелилось и, кажется, произнесло несколько едва слышных слов. Мальчик прыгнул через порог и почти побежал к кровати в углу. Это был стройный паренек с короткими крутыми кудрями до ушей и ярким здоровым румянцем. Он нетерпеливо протянул длинные тонкие руки с изящными, как у девочки, пальцами.

— Папочка, иди же! Я сам, один, приготовил бекон и картошку, и кофе тоже. Быстрее, а то все остынет!

С помощью сильных рук мальчика мужчина приподнялся на кровати. Как и у сына, у него на щеках был румянец, но явно нездоровый. Глаза странно сияли, но низкий голос был нежным, как ласковое прикосновение.

— Давид! Это мой сынок Давид!

— Конечно, это Давид! Кто же еще? — засмеялся мальчик. — Пойдем! — И он потянул отца за руки.

Тогда мужчина поднялся, пошатываясь, усилием воли заставил себя выпрямиться. Его глаза уже не горели, и румянец сошел. Лицо вдруг стало старым и осунувшимся. Однако он довольно твердым шагом пересек комнату и вошел в кухню.

Половина бекона почернела, другая стала прозрачной и похожей на твердое желе. Картошка размокла и имела явный вкус пищи, которую варили, пока не выкипела вся вода. Кофе был чуть теплым и мутным. Даже молоко было кислое.

Давид грустно засмеялся.

— У тебя гораздо лучше получается, папа, — извиняющимся голосом сказал он. — Боюсь, сегодня я — диссонанс в этом оркестре! Почему-то половина плиты была горячее, чем другая, и кое-где бекон подгорел. А вся вода из картошки выкипела, хотя это было неважно, ведь я просто долил холодной воды. И еще я забыл молоко на солнце — теперь у него плохой вкус. Но в следующий раз точно получится лучше — все будет лучше.

Мужчина улыбнулся, но печально покачал головой.

— Следующему разу не бывать, Давид.

— Почему? Что ты имеешь в виду? Разве, — с беспокойством спросил мальчик, — ты больше не разрешишь мне попробовать?

Мужчина заколебался. Его губы дрогнули, будто с них готов был сорваться целый поток слов, но быстро сжались, и эти слова

остались произнесенными. Вместо этого он сказал:

— Ну, сынок, не очень-то хорошо так говорить о своем ужине, да? А сейчас, с твоего позволения, съем-ка я бекону. Кажется, ко мне возвращается аппетит.

Если аппетит-прогульщик и вернулся, то оставался весьма недолго: мужчина съел очень мало. И нахмурился, увидев, как мало съел мальчик. Отец сидел молча, пока сын убирал остатки еды и посуду, и продолжал молчать, когда вместе с мальчиком вышел из дома и направился к скамеечке, обращенной на запад.

Если не было совсем уж сильной непогоды, Давид никогда не ложился спать, не взглянув последний раз на «Серебряное озеро». Так он называл маленький лоскут воды внизу в долине.

— Папочка, сегодня оно золотое — все золотое от солнца! — вскричал мальчик, бросив взгляд на свое сокровище. — О, папочка!

Это был долгий крик восторга, и, услышав его, отец вздрогнул, будто от внезапной боли.

— Папочка, я это сыграю. Мне нужно это сыграть! — воскликнул мальчик и побежал в

хижину. Через несколько секунд он вернулся, держа скрипку наготове.

Мужчина смотрел и слушал. И пока он смотрел и слушал, его лицо было полем битвы, где боролись гордость и страх, надежда и отчаяние, радость и горе.

Давид далеко не впервые «играл» закат. Он всегда брался за скрипку, если что-то трогало его сердце. И всегда трепещущие струны могли сказать то, что не способен был выразить язык.

На другой стороне долины все голубые и серые горы стали пурпурными. Широкое небо, загоревшееся алым и золотым, походило на море расплавленного металла, по которому плыли нежно-розовые корабли-облака. Долина внизу с розово-золотым озером и такой же рекой на фоне тенистой зелени полей и лесов казалась зачарованной землей, где царила истинная красота.

И обо всем этом рассказывала скрипка Давида, и все это было на его обращенном вверх восторженном лице.

Когда последний розовый отблеск угас и последняя нота, подрагивая, утихла, мужчина заговорил. Его голос был почти грубым от напряжения.

— Давид, время пришло. Нам придется все это оставить — тебе и мне.

Мальчик обернулся. Его лицо все еще сияло мягким светом.

— Что оставить?

— Все — все это.

— Все это! Почему, папа? О чем ты? Это наш дом!

Мужчина устало кивнул.

— Это и вправду наш дом, но, Давид, ты же не думал, что мы сможем жить здесь всегда?

Давид тихо засмеялся и снова обратил взгляд к далекому горизонту.

— А почему не сможем? — спросил он мечтательно. — Разве найдется место лучше этого? Мне оно нравится, папочка.

Мужчина тревожно вздохнул и поежился. Этим вечером ноющая боль в боку была очень сильной, и перемена позы совсем не давала облегчения. Он был болен, очень болен, и знал об этом. Но он также знал, что болезнь, боль и смерть ничего не значили для Давида. Самое большее — это были слова, которых они всегда легко и почти бессознательно избегали. В первый раз отец задумался, мудрыми ли, в итоге, были некоторые его методы воспитания.

Шесть лет только он ухаживал за мальчиком и воспитывал его. Шесть лет мальчик получал пищу, одежду и книги по выбору отца. Шесть лет этот отец думал, строил планы, дышал, двигался и жил ради сына. Они были одни в маленькой хижине, и лишь изредка ходили через лес в маленький городок на склоне за одеждой и едой.

Отец мальчика тщательно это спланировал. Он хотел, чтобы в детстве и отрочестве Давид знал только добро и красоту. Его цель была не в том, чтобы мальчик не знал определений зла, несчастья и смерти — он намеревался лишить их определенности. Добро и красота должны были настолько заполнить мысли мальчика, чтобы не осталось места ни для чего другого. Таков был план. И пока отцу Давида удавалось его воплотить — так замечательно, что теперь, перед лицом собственной болезни и ее исхода, которого он страшился, он начал сомневаться в мудрости своего плана.

Глядя на восторженное лицо сына, он вспомнил, как Давид с удивлением расспрашивал его, когда в первый раз нашел в лесу мертвую белочку. Тогда мальчику было шесть лет.

— Что случилось, папа? Она спит и не хочет просыпаться! — воскликнул он. А потом, прикоснувшись к тельцу, сказал: — Она такая холодная! Ох, какая холодная!

В тот раз отец поторопился увести сына, уклонившись от ответа, и Давид, казалось, был доволен. Но на следующий день мальчик вернулся к теме. Его глаза были широко открыты и в них, кажется, был страх.

— Папа, что значит — быть мертвым?

— О чем ты, Давид?

— Мальчик, который приносит молоко, был сегодня с этой белочкой. Он сказал, она не уснула. Она... умерла.

— Это значит, что белочка, настоящая белочка, ушла.

— Куда?

— Возможно, в далекую страну.

— А она вернется?

— Нет.

— Ей хотелось уйти?

— Будем надеяться.

— Но она оставила свою меховую шубку. Разве шубка больше не нужна?

— Нет. Иначе белочка взяла бы ее с собой.

Услышав это, Давид замолчал и оставался странно молчаливым еще несколько дней.

Однажды утром, когда они с отцом были в лесу, мальчик радостно вскрикнул. Он стоял у покрытого льдом ручья и смотрел на маленькую черную проталину, в которой была хорошо видна торопливая вода.

— Папочка, папочка! Теперь я знаю, что это такое — что значит быть... мертвым.

— Как... Давид!

— Знаешь, это как вода в ручье. Она уходит в далекие края и больше не возвращается. А холодную ледяную шубку оставляет позади, точно как белочка. Шубка больше не нужна. Вода обойдется без нее. Понимаешь? И она поет — послушай! Она поет, удаляясь. Она хочет уйти!

— Да, Давид. — И отец мальчика вздохнул с облегчением, потому что сын сам нашел разгадку тайны, причем вполне удовлетворительную.

Позже Давид вновь столкнулся со смертью— в книгах. На сей раз речь шла о человеке. Мальчик поднял голову, глаза были испуганные.

— А люди, настоящие люди, как мы с тобой, тоже бывают мертвыми? Они уходят в далекую страну?

— Да, сын, когда приходит время, они уходят в далекую страну. Говорят, ею правит великий и добрый Король.

Сказав это, отец Давида содрогнулся и стал со страхом ждать итога разговора. Но Давид только счастливо улыбнулся:

— Но они уходят с песней, папа, как тот ручеек. Ты же знаешь, я его слышал!

На этом дело разрешилось. Теперь Давиду было десять, и в его глазах смерть все еще не была чем-то ужасным. Это приносило отцу мальчика облегчение, однако именно это и пугало его.

— Давид, — сказал он мягко. — Послушай меня.

Мальчик обернулся с долгим вздохом.

— Да, папа.

— Мы должны уйти. В большом мире тебя ждут люди — мужчины, женщины, дети. Тебе предстоит сделать много прекрасной работы. А на вершине горы работать не получится.

— Почему? Мне здесь нравится. Я здесь жил всегда.

— Не всегда, Давид. Шесть лет. Тебе было четыре, когда мы переехали. Возможно, ты не помнишь.

Давид покачал головой. Он вновь мечтательно смотрел на небо.

— Я думаю, я хотел бы — хотел бы уйти — если бы мог уплыть на этом кораблике-облаке, — пробормотал он.

Отец вздохнул и покачал головой.

— Мы не можем уплыть на корабликах-облаках. Мы должны идти пешком, Давид, довольно долго, и выходить надо очень скоро, — добавил он с жаром. — Я должен вернуть тебя — вернуть к друзьям, пока не...

Он поднялся, шатаясь, и попытался сделать несколько шагов. Руки и ноги его дрожали, кровь била в виски. Эта слабость была ему отвратительна. С яростью, рожденной ужасом, он повернулся к сидящему рядом мальчику.

— Давид, надо идти! Мы уйдем завтра!

— Отец!

— Да, да, идем! — Он спотыкался, словно слепой, но все же смог добраться до двери хижины.

Давид тихо сидел, после встал и пошел за отцом.

Глава II

Тропинка

Казалось, к мужчине вернулись силы. Руками почти перестали дрожать. Он снял фотографии и «Сикстинскую Мадонну» и аккуратно сложил их в коробку, чтобы оставить в доме. Из-под кровати вытащил большую, пыльную дорожную сумку, сунул в нее немного еды, одежду и большую часть разбросанных нот.

Давид стоял в дверном проеме и с изумлением смотрел на него. Потом в его глазах мелькнуло странное выражение.

— Папа, куда мы идем? — спросил он дрожащим голосом, медленно входя.

— Назад, сын. Мы возвращаемся.

— В деревню, где мы берем яйца и бекон?

— Нет-нет, дружок. В другую сторону. На этот раз мы спустимся в долину.

— В долину? В мою долину, где Серебряное озеро?

— Да, сын, и еще дальше — гораздо дальше. — Мужчина говорил мечтательно, глядя на фотографию, которую он держал в руках. Она оказалась между нотными листами и не была отложена вместе с другими фотографиями. Это был портрет красивой женщины.

Давид неуверенно взглянул на отца.

— Папочка, кто это? Чьи это фотографии? Ты никогда не рассказывал об этих портретах, кроме того кругленького, что ты носишь в кармане.

Вместо ответа отец обратил к нему отсутствующий взгляд и задумчиво улыбнулся.

— Ах, Давид, мальчик, как они тебя любят! Как любят! Но не разрешай себя баловать, сын. Смотри, запомни — запомни все, что я тебе говорю.

Давид снова задал свой вопрос, но на этот раз мужчина повернулся к фотографии спиной и пробормотал что-то, непонятное мальчику.

И Давид больше не задавал вопросов. Он был слишком потрясен, слишком обеспокоен. Никогда еще мальчик не видел отца в таком состоянии. В нервной спешке тот на-

водил порядок, часть вещей положил в сумку, другую в старый чемодан, чтобы оставить его в доме. Щеки отца сильно покраснелись, глаза ярко сияли. И он говорил почти без остановки, но Давид почти ничего не понимал. Потом мужчина схватил скрипку и заиграл. Никогда раньше Давид не слышал, чтобы отец играл так. Глаза мальчика наполнились слезами, а сердце охватила тупая, тянущая боль — но почему, мальчик не знал и сам. Еще позже мужчина оставил скрипку и устало опустился на стул. Тогда Давид, утомленный и напуганный, побрел к своей койке, лег и уснул.

Почти перед рассветом он проснулся в другом мире. Отец ласково звал его к завтраку. Комнатка, лишенная украшений, казалось голой и холодной. Закрытая и перевязанная ремнями сумка стояла у двери на полу вместе с двумя скрипками в футлярах, готовыми к отбытию.

— Мы должны торопиться, сын. До поезда идти далеко.

— До поезда? Настоящего поезда? Мы поедem на нем? — теперь Давид окончательно проснулся.

— Да.

— И это все, что мы берем?

— Да. Поторопись, сынок.

— Но мы вернемся — когда-нибудь?

Ответа не последовало.

— Папа, мы вернемся — когда-нибудь? —
голос Давида стал настойчивым.

Мужчина остановился и подтянул на сумке ремень, который и так был туго затянут. Затем беззаботно рассмеялся.

— Ну, конечно, ты когда-нибудь вернешься, Давид. Только подумай, сколько всего мы здесь оставим!

Когда последняя тарелка была отложена в сторону, последний предмет одежды поправлен и комнатка окинута последним взглядом, путники взяли сумку и скрипки и вышли в сладостную свежесть утра. Заперев дверь, мужчина тяжело вздохнул, но Давид этого не заметил. Его лицо было обращено на восток — Давид всегда смотрел в сторону солнца.

— Папочка, все же давай никуда не пойдем! Давай останемся здесь! — воскликнул он с жаром, впитывая красоту утра.

— Нужно идти, Давид. Пойдем, — и отец мальчика устремился на запад, пересекая зеленый склон.

Тропа была едва различима, но мужчина нашел ее и уверенно зашагал вперед. Время от времени он останавливался, чтобы упрочить не слишком устойчивый шаг или поудобнее взять сумку. Очень скоро путники оказались в глубине леса, и птички пели у них над головами, а бесчисленные крошечные ножки сновали в подлеске со всех сторон. Где-то рядом ручей громко бормотал о радости жизни, а высоко в вершинах деревьев утреннее солнце играло в прятки с танцующими листьями.

И Давид прыгал и смеялся — он так любил все это и так хорошо знал. Птицы, деревья, солнце, ручей, маленькие хлопотливые зверушки — все они были его друзьями. Но мужчина не прыгал и не смеялся, хотя тоже очень все это любил. Мужчина боялся.

Теперь он знал, что взялся за дело, которое было ему не по плечу. С каждым шагом сумка становилась тяжелее, и с каждым часом настойчивая, тянущая боль в боку усиливалась, пока, наконец, не стала пыткой. Он забыл, какой длинной была долина, и не осознавал, что потратил почти все силы еще до начала спуска по тропе. В голове мужчины пульсировал вопрос: что, если, в конце концов, он не сумеет...

В полдень они остановились, чтобы перекусить, а на ночь устроились у спокойного омута с темной водой, где говорливый ручеек остановился отдохнуть. На следующее утро вновь вышли на тропу, но уже без сумки. Мужчина спрятал ее под листьями в небольшой впадине и деланно небрежно сказал:

— Думаю, не стоит ее тащить. Знаешь, ничего такого необходимого в ней нет, а коробку с обедом я взял. К ночи мы уже будем в долине.

— Конечно! — засмеялся Давид. — Она нам не нужна. — И он снова расхохотался. Давид не видел особой нужды в сумках и прочей поклаже.

Они преодолели уже больше половины спуска и вскоре достигли поросшей травой дороги. По ней редко ходили, но все же это была дорога. Потом они дошли до перекрестка четырех путей, два из которых были покрыты следами бесчисленных колес. К закату текущий вдоль тропы ручеек тихонько забормotal о мирных полях и лугах, и Давид понял, что они спустились в долину.

Теперь мальчик не смеялся. Он испуганно смотрел на отца. Давид не знал, что такое беспокойство, и столкнулся с ним в первый раз.

Несколько времени отец говорил очень мало, притом хриплым, неестественным голосом. Он шел быстро, но Давид заметил, что каждый шаг давался ему с трудом, а дыхание было прерывистым. Сияющими глазами он неотрывно смотрел на лежащую впереди дорогу, как будто даже такая спешка казалась ему недостаточной. Дважды Давид обращался к нему, но отец не отвечал, и мальчику оставалось с трудом перебирать усталыми ножками и вздыхать по дорожному дому на вершине горы.

На пути им попало очень мало других путников, почти не обращавших внимания на мальчика и мужчину со скрипками. И вышло так, что никого не оказалось рядом, когда мужчина, шедший по траве на обочине дороги, споткнулся и грузно упал.

Давид бросился к нему.

— Папа, что случилось? Что случилось?

Ответа не было.

— Папочка, почему ты со мной не разговариваешь? Посмотри, это Давид!

Сделав болезненное усилие, мужчина поднялся и сел. Мгновение он отрешенно смотрел в лицо мальчика, а потом нечто полузабытое, казалось, побудило его к лихорадочным дей-

ствиям. Дрожащими руками он передал Давиду часы и миниатюру из слоновой кости. Затем обшарил карманы и вывалил на землю перед собой кучу золотых монет — Давиду показалось, что их было не меньше сотни.

— Возьми их... спрячь... сохрани их, Давид, пока они... не понадобятся, — выдохнул мужчина. — А теперь... иди. Я не могу.

— Один? Без тебя? — возразил потрясенный мальчик. — Как это, папа, я не могу! Я не знаю дороги. Кроме того, я бы лучше остался с тобой, — добавил он, засовывая в карман часы и миниатюру. — И он опустил на землю рядом с отцом.

Мужчина слабо покачал головой и снова указал на монеты.

— Возьми их, Давид... спрячь, — проговорил он бледными губами.

Мальчик принялся собирать деньги и рассовывать по карманам.

— Но, папа, без тебя я не пойду, — заявил он решительно, когда последний золотой исчез из виду, а из-за поворота идущий сверху дороги слышался грохот фургона и стук лошадиных копыт.

Возница неодобрительно посмотрел на мужчину и мальчика у дороги и не остановил-

ся. Когда он проехал, мальчик повернулся к отцу. Тот опять принялся рыться в карманах. На этот раз он вытащил из куртки карандаш и небольшую записную книжку, выдрал из нее листок и начал с усилием писать.

Давид вздохнул и осмотрелся. Он устал, проголодался и совсем ничего не понимал. Должно быть, с его отцом было что-то очень дурное. Здесь уже почти стемнело, но им было некуда идти и нечего есть на ужин, в то время как далеко и высоко на склоне горы был их дорогой дом. И там, конечно, еще сияло солнце — по крайней мере, закатным светом, и было Серебряное озеро, на которое можно было смотреть, а здесь не было видно ничего — ничего, кроме серых теней, длинной пугающей дороги и пары домов. Сверху долина могла казаться прелестной сказочной страной, но на деле она была гнетущей, мрачной пустошью, решил Давид.

Его отец вырвал из книжки вторую страницу и начал опять писать, когда мальчик вдруг вскочил на ноги. Один из домов стоял у дороги, где они сидели, и в голову Давида пришла идея. Он быстрым шагом устремился к двери дома и постучал. На пороге появи-

лась высокая женщина и, не улыбнувшись, сказала:

— Ну?

Давид снял шапку, отец учил его делать так, когда какая-нибудь женщина на горе заговаривала с ним.

— Добрый вечер, госпожа, я Давид, — начал он прямо. — Мой папа так устал, что упал вон там, и мы бы очень хотели остаться у вас на ночь, если вы не возражаете.

Женщина в дверном проеме уставилась на мальчика, и, кажется, онемела от изумления. Глаза ее пробежались по простой и довольно грубой одежде, а затем перешли к фигуре мужчины, полулежащего у дороги. Она гневно вздернула подбородок.

— Да неужели! Что ты говоришь! — отрезала она. — Хм! Мы здесь бродяг не принимаем. — И она с грохотом захлопнула дверь.

Настал черед Давида таращиться в недоумении. Кто такие эти бродяги, он знать не знал, но никогда еще ему с такой злобой не отказывали. В нем поднялось нечто яростное — нечто новое и яростное, и кровь прилила к шее и лбу. Он решительно поднял руку к дверной ручке, вдруг дверь открылась.

— Послушай, мальчик, — сказала женщина, глядя на него немного мягче, — если ты голоден, я дам тебе молока и хлеба. Подойди к заднему крыльцу. — И она опять захлопнула дверь.

Рука Давида опустилась. Но лицо и шея оставались красными, и новое яростное чувство побуждало отказаться от пищи, предложенной этой женщиной... Но ведь был отец — бедный отец, который так устал, да и его собственный желудок урчал от голода. Нет, он не мог отказаться. И, повесив голову, Давид медленно обошел угол дома.

Когда в его руках оказались полбуханки хлеба и ведро с молоком, он вдруг вспомнил, что в деревенской лавке на горе отец расплачивался за пищу деньгами. Теперь он был рад, что у него в кармане лежали золотые монеты — ведь ими можно было заплатить. Мальчик тут же поднял голову. К нему вернулось самоуважение, и он выпрямился, взял ведро и буханку одной рукой, залез другой в карман и протянул женщине золотой диск.

— Пожалуйста, будьте любезны, возьмите это за хлеб и молоко, — гордо сказал он.

Женщина начала была качать головой, но, взглянув на монету, вздрогнула и наклони-

лась, чтобы получше рассмотреть. В следующую секунду она резко выпрямилась и гневно воскликнула:

— Это золото! Десять долларов золотом! Так ты еще и вор, а не только бродяга? Хм! Тогда, думаю, это тебе не нужно, — резко закончила она и выхватила у мальчика хлеб и ведро.

Давид остался на пороге один, и звук быстро запертого засова звучал у него в ушах.

Вор! Давид мало что знал о ворах, но представлял, кто они такие. Всего месяц назад один человек пытался украсть скрипки из хижины, и мальчик-молочник сказал, что это вор. Давид снова ощутил гнев и покраснел, но не стал мешкать. Он повернулся и побежал к отцу.

— Папа, уходи скорее! Ты должен уйти, — задыхаясь, сказал он.

Голос мальчика был таким настойчивым, что мужчина почти бессознательно поднялся. Дрожащими руками он сунул свои записи в карман. Записная книжка, из которой он выдирал листы, упала в траву.

— Да, сын, мы пойдем, — пробормотал мужчина. — Я чувствую себя лучше. Я могу... идти.

И он действительно пошел, хотя и очень медленно, — десять, двенадцать, двадцать шагов. Сзади послышался скрип колес — и тут же затих, когда повозка остановилась прямо за спинами путников.

— Приветствую! В город идете? — раздался голос из повозки.

— Да, сэр, — ответил Давид, не мешкая ни секунды. Он не знал, где находился «город» — только думал, что он, должно быть, далеко от женщины, назвавшей его вором. И этого было достаточно.

— Я сам почти дотуда еду. Хотите, подвезу? — спросил мужчина добрым голосом.

— Да, сэр! — радостно закричал мальчик. — Спасибо! — Вместе они помогли отцу взобраться в просторную телегу.

Путники говорили мало. Мужчина на козлах гнал и обращал внимание только на лошадей. Больной задремал. Мальчик сидел тихо и задумчиво смотрел, как мимо неслись дома и деревья. Солнце давно зашло, но темно не было, потому что полная луна ярко светила на безоблачном небе. Достигнув крутой развилки, возница остановил лошадей.

— Уж простите, любезные, но я гляжу, что вам тут слезать. Мне направо надо, но до го-

рода вам четверть мили осталось, не больше, — закончил он весело, указывая концом кнута на горстку мигающих огней.

— Спасибо, сэр, спасибо! — благодарно выдохнул Дэвид, помогая отцу идти. — Вы очень нам помогли. Спасибо!

В глубине души Дэвид страстно желал бросить к ногам этого человека все свои золотые монеты, чтобы заплатить за своевременную помощь. Но осторожность удержала его: оказалось, деньгами можно было платить только в лавках, а в других местах за них тебя клеймили вором!

Оставшись наедине с отцом, он вновь столкнулся со своей проблемой. Где им ночевать? Отец просто никуда бы не дошел. Он вновь начал говорить — тихо, отрывочными и непонятными Давиду предложениями, и это смутно тревожило мальчика. Рядом стоял дом, а у дороги к городку было еще несколько, но на сегодня Давиду хватило переживаний со странными домами и странными женщинами. Ближе всего был большой амбар, и мальчик направил отца к нему.

— Мы пойдем туда, папочка, — тихо предложил он. — И если сможем войти, останемся на ночь и отдохнем.

Глава III

Долина

Долгие сумерки июньского дня сменились ночью, которая едва ли была темнее, — так ярко светила луна. Сидевшим у дома амбар и низкие постройки за ним казались нереальными. На боковом крыльце Симеон Холли и его жена отдыхали телом и душой после целого дня добросовестной работы.

В тот самый момент, когда Симеон поднялся, чтобы войти в дом, они услышали долгую скрипичную ноту.

— Симеон! — воскликнула женщина. — Что это было?

Мужчина не ответил. Он не отводил взгляда от амбара.

— Симеон, это скрипка! — вскрикнула миссис Холли, когда второй звук затрепетал воздухе.

Симеон сжал зубы. С гневным возгласом он пересек крыльцо и вошел в комнату.

Мгновение спустя он вернулся, держа в руке зажженный фонарь.

— Симеон, не... не... не ходи, — взмолилась женщина дрожащим голосом. — Ты... ты не знаешь, что там.

— На скрипке без рук не сыграешь, Элен, — резко возразил мужчина. — Хочешь, чтобы я в постель пошел и оставил наш амбар к услугам пьяного охальника-музыкантишки? Я сегодня шел домой и чудесную парочку видел — валялись у дороги. Мужчина и мальчик с двумя скрипками. Видно, они и хулиганят, но как сюда добрались, ума не приложу. Думаешь, я свой амбар таким бродягам оставляю?

— Н-нет, думаю, нет, — заикаясь, ответила женщина и поднялась. Дрожа, она пересекла двор, следуя за тенью мужа.

Войдя в амбар, Симеон Холли и его жена невольно остановились. Теперь музыка была повсюду, наполняя воздух руладами, трелями и зажигательными пассажами. Издав возмущенное восклицание, мужчина повернул к узкой лестнице и стал карабкаться на сеновал. Жена карабкалась по пятам, и поэтому почти одновременно с мужем увидела мужчи-

ну, лежащего на сене. Его лицо было залито лунным светом. Музыка моментально сменилась шепотом: тихий голос слышался из темноты за квадратом лунного света от чердачного окна.

— Будьте любезны, сэр, пожалуйста, не шумите. Видите ли, он уснул. А он так устал, — сказал голос.

На секунду мужчина и женщина на лестнице застыли в изумлении, а потом мужчина поднял фонарь и пошел на голос.

— Кто ты? И что здесь делаешь? — резко сказал он.

Из темноты вынырнуло круглое, загорелое и немного озабоченное лицо мальчика.

— О, пожалуйста, сэр, не могли бы вы говорить потише? — взмолился мальчик. — Он так устал! Я Давид, сэр, а это папа. Мы зашли, чтобы отдохнуть и поспать.

Симеон Холли перевел пристальный взгляд с лица мальчика на мужчину, лежавшего на сене, и тут же опустил фонарь. Он наклонился ниже, осторожно протянул руку и тотчас выпрямился, пробормотав себе под нос грубое слово. Потом он повернулся к мальчику.

— Мальчик, с какой это стати, — гневно проговорил он, — ты играешь джигу в такой час?

— Как же, это папа попросил сыграть, — радостно ответил паренек. — Он сказал, что тогда сможет прогуляться в зеленом лесу и услышать, как журчат ручейки, а птички и белочки...

— Так, мальчик, говори, кто ты! — резко прервал его Симеон Холли. — Откуда ты явился?

— Из дома, сэр.

— Где это?

— Ну как же, дом, сэр, — это место, где я живу. В горах, высоко-высоко — очень высоко! И там такое большое-большое небо, гораздо красивее, чем здесь. — Голос мальчика дрожал и почти срывался, а глаза постоянно возвращались к белому лицу лежавшего на сене мужчины.

В этот момент Симеон Холли очнулся, вдруг осознав, что пришло время действовать. Он повернулся к жене.

— Отведи мальчика в дом, — резко сказал он ей. — Думаю, сегодня придется оставить его у нас. Я схожу за Хиггинсом. Конечно, надо, чтобы он сразу этим занялся. Ты здесь ничего не сделаешь, — сказал он, поймав вопросительный взгляд жены. — Оставь все как есть. Мужчина мертв.

— Мертв? — громко вскрикнул мальчик — но скорее с удивлением, чем с ужасом. — Вы хотите сказать, он ушел, как вода из ручья, — в далекую страну? — дрогнувшим голосом спросил он.

Симеон пристально посмотрел на ребенка. И повторил еще четче:

— Мальчик, твой отец умер.

— И он больше не вернется? — все же голос его сорвался.

Ответа не последовало. Миссис Холли судорожно вздохнула и отвернулась. Даже Симеон Холли не мог смотреть в умоляющие глаза мальчика.

Вскрикнув, Давид бросился к отцу.

— Но он же здесь — вот здесь, — возразил он пронзительным голосом. — Папа, папочка, поговори со мной! Это Давид! — Он протянул руку и прикоснулся к лицу отца. И сразу же отпрянул с ужасом в глазах. — Его здесь нет! Он... ушел, — мальчик принялся бормотать, словно безумный. — Это не та часть папы, которая знает. Это другая, которую оставляют. Он бросил ее, как белочка и вода в ручье.

Вдруг лицо ребенка переменялось. Оно осветилось восторгом, и мальчик вскочил с радостным криком:

— Но папа попросил меня сыграть, а значит, ушел с песней — с песней, как и все они. Он сам сказал! И я сделал так, чтобы он пошел по зеленым лесам, слушая журчанье ручейков! Послушайте — вот так! — И вновь мальчик поднял скрипку к подбородку, и вновь музыка переливчатыми трелями полилась в уши изумленного Симеона Холли и его жены.

На несколько секунд мужчина и женщина лишились дара речи. Их рутинная, привычно текущая жизнь — работа на земле и возня с посудой — никак не подготовила их к такой сцене: залитый лунным светом сарай, странный мертвец и его сын, болтающий о ручьях и белках и играющий джигу на скрипочке.

— Мальчик, мальчик, прекрати! — прогремел Симеон. — Ты что, совсем с ума сошел? Ступай в дом! — И ошеломленный, но послушный мальчик поднял свою скрипку и последовал за женщиной, спускавшейся по лестнице со слезами, застилавшими ей глаза.

Миссис Холли была напугана, но в то же время странным образом тронута. Из далекой поры к ней вернулся звук другой скрипки, на которой тоже играли руки мальчика. Но об этом миссис Холли думать не любила.

На кухне она, наконец, повернулась к юному гостю и посмотрела ему в лицо.

— Ты голоден, малыш?

Давид колебался — он еще не забыл женщину, молоко и золотую монету.

— Ты голоден, дорогой? — запинаясь, повторила миссис Холли, и на этот раз у мальчика громко заурчало в желудке, а с его губ сорвалось неохотное «да». Услышав, миссис Холли сразу побежала в кладовую за хлебом, молоком и полной тарелкой пончиков, каких Давид никогда еще не видел.

Он ел как обычный голодный ребенок, и миссис Холли, вздохнув свободнее, решила подумать, что, возможно, этот странный мальчик не был таким уж странным. Тогда она отложила вилку и спросила:

— Как тебя зовут?

— Давид.

— А фамилия?

— Просто Давид.

— А у отца? — почти спросила миссис Холли, но успела вовремя остановиться, не желая говорить о нем. Вместо этого она поинтересовалась:

— Где ты живешь?

— На горе, высоко-высоко на горе, где,

знаете, каждый день видно Серебряное озеро.

— Но ты же был там не один?

— О нет, с папой — пока он не... ушел, — сказал мальчик, запнувшись.

Женщина покраснела и закусила губу.

— Нет-нет, я хотела узнать — там что, не было других домов? Только ваш? — уточнила она с заминкой.

— Нет, мэм.

— Но разве мамы не было поблизости? Где-нибудь?

— О да, мама была. В кармане у папы.

— Твоя мама — у папы в кармане!

Собеседница Давида была так потрясена этим ответом, что и сам он выглядел удивленным, объясняя:

— Вы не понимаете. Она мама-ангел, а у мам-ангелов внизу, где живем мы, есть только портреты, и папа всегда носил его в кармане.

— О... ох, — выдохнула миссис Холли, и на ее глаза быстро навернулись слезы. — А ты всегда жил там — на горе?

— Папа сказал, шесть лет.

— Но что ты делал целыми днями? Ты никогда не чувствовал себя... одиноким?

— Одиноким? — взгляд мальчика стал озадаченным.

— Ну да. Ты не скучал по разным вещам — по людям, другим домам, своим ровесникам — и всему такому?

Глаза Давида расширились.

— Как же я мог? — воскликнул он. — Ведь у меня был папа, и моя скрипка, и мое Серебряное озеро, и великие большие леса, в которых со всем можно было разговаривать — и все говорило со мной?

— Леса, в которых все говорило с тобой!

— Ну да. Тот ручеек, знаете, после белочки, который рассказал мне, что значит «умереть», и...

— Да-да, но сейчас не будем об этом, милый, — заикаясь, сказала женщина и торопливо поднялась. Все же, подумала она, мальчик немного не в себе. — Тебе... тебе надо в кровать. Ты не принес с собой сумки или... чего-нибудь такого?

— Нет, мэм, мы ее оставили, — Давид смущенно улыбнулся. — Знаете, там столько всего было, и нести стало слишком тяжело. Так что мы ее бросили.

— О да, так много всего, что вы ее бросили! — пробормотала миссис Холли и в отчаянии вскинула руки.

— Кто же ты такой, мальчик?

Это не было вопросом, но, к удивлению женщины, мальчик открыто и просто ответил:

— Папа говорит, что я маленький инструмент в большом Оркестре Жизни и что я должен всегда играть чисто, не отставать от темпа и не брать фальшивых нот.

— Мать моя! — выдохнула женщина, вновь опускаясь на стул и не отрывая глаз от мальчика. Затем она с усилием поднялась.

— Идем, пора в постель, — произнесла она с запинкой. — Уверена, для тебя сейчас это лучшее место. Кажется, у меня есть то... что тебе нужно, — закончила она слабым голосом.

Несколько минут спустя Давид наконец-то остался один в уютной комнатке над кухней. Хотя комната когда-то принадлежала мальчику его возраста, Давиду она казалось очень странной. На полу лежал лоскутный коврик — он еще такого не видел. На стенах висели удочка, игрушечное ружье и стеклянный ящик, полный жуков и мотыльков, наколотых на булавки, что заставило Давида содрогнуться от ужаса. У кровати были четыре высоких столбика по углам и такая пышная перина, что Давид не понимал, как на нее взобраться, — или удержаться там, если все

же получится. Поперек стула лежала длинная желтоватая ночная сорочка для мальчика, которую оставила добрая госпожа, торопливо вытерев глаза краем подола. В круге света от свечи был лишь один предмет, знакомый глазу стосковавшегося по дому Давида, — длинный черный футляр, который принес он сам и в котором лежала его возлюбленная скрипка.

Осторожно повернувшись спиной к проколотым жучкам и мотылькам на стене, Давид разделся, скользнул в желтоватую сорочку и с благодарностью ее понюхал — таким похожим на аромат соснового леса был запах, оставшийся в складках. Потом задул свечу и на ощупь пробрался к единственному окну в комнатке.

Луна все еще светила, но сквозь густую листву дерева у дома видно было немного. Со двора доносился шум колес и взволнованные мужские голоса. Там мигали фонари, которые куда-то несли второпях, и слышались тяжелые шаркающие шаги. У окна Давид задрожал. Больше не было ни величественной горы, холма и долины, ни Серебряного озера, ни благостной тишины, ни папы — ничего из Прекрасного, которое Было. Оста-

лась только пугающая, пустая насмешка Того, что Стало.

После Давид со скрипкой в руках улегся на ковер и в первый раз со времен младенчества принялся рыдать, пока не уснул, но забытие не давало ему отдыха: мальчику снилось, что он большой белокрылый мотылек, которого звездой прикололи к чернильно-черному небу.

Глава IV

Два письма

Еще до рассвета Давид проснулся и сразу почувствовал, что все тело затекло и онемело после ночи на твердом полу.

— Ох, папа, — начал он, приподнимаясь, — я всю ночь спал на... — мальчик внезапно остановился и потер глаза. — Как же, папа, где... — И тут Давид окончательно проснулся.

Тихо ахнув, он вскочил на ноги и бросился к окну. Сквозь деревья виднелось предрасветное сияние в восточной части неба. Внизу во дворе никого не было, двери амбара открыты настежь, и, быстро втянув носом воздух, Давид отвернулся и начал торопливо натягивать одежду.

Золото в набитых карманах мелодично звенело и постукивало, полдесятка монет даже высыпалось на пол. Мальчик какое-то

время смотрел на них, словно собираясь остаться на полу. Но в следующую секунду быстро собрал монеты и засунул глубоко в карман, приглушив звон носовым платком.

Одевшись, он взял скрипку и тихо вышел в коридор. Сначала ничего не услышал, потом из кухни внизу донеслись торопливые шаги и лязг посуды. Сжав скрипку еще сильнее, Давид осторожно проскользнул на черную лестницу, выбрался во двор. Уже через несколько секунд он торопливо вошел в открытую дверь амбара и поднялся по узкой лестнице наверх.

Однако наверху он резко остановился и негромко вскрикнул. После, обернувшись, увидел мужчину, показавшегося ему добрым, смотревшего на него, стоя у нижней ступеньки.

— О сэр, пожалуйста, прошу вас, скажите, где он? Что вы с ним сделали? — взмолился мальчик и побежал вниз.

На обветренном лице мужчины отразилось искреннее, но немного неуклюжее сочувствие.

— Привет, сынок! Так ты и есть тот мальчуган, верно? — начал он смущенно.

— Да, я Давид. Но где он — мой папа? Вы знаете? Я хочу сказать, часть, которую он

оставил? — спросил мальчик, задыхаясь. — Та, что как ледяная шубка?

Мужчина уставился на ребенка. Затем, сам того не осознавая, сделал шаг назад.

— Да это самое, я... я...

— Может, вы не знаете, — с жаром перебил его Давид, — вы не тот человек, который был здесь вчера ночью. Кто вы? Где тот, другой? Скажите, пожалуйста!

— Не, надясь меня тута... не было, поначалу-то, — быстро заговорил мужчина, продолжая неосознанно пятиться. — Я-то Ларсон, Перри Ларсон, это самое. Так ты ж мистера Холли вчера видал — а я работник евойный.

— Тогда, пожалуйста, скажите, где мистер Холли, — запинаясь, попросил мальчик, торопясь выйти из амбара. — Может, он скажет... что с папой. Ой, вот и он! — Давид выбежал наружу и бросился через двор к кухонному крыльцу.

Там он провел весьма несчастливые десять минут. Кроме мистера Холли, у крыльца были миссис Холли и тот человек, Перри Ларсон. И все они говорили. Но Давид мало что понимал. И не мог получить удовлетворительный ответ ни на один свой вопрос.

С другой стороны, и сам он не мог ответить ни на один вопрос так, чтобы это их обрадовало.

Потом они пошли завтракать — мистер и миссис Холли и тот человек, Перри Ларсон. Они пригласили с собой Давида — по крайней мере, миссис Холли позвала. Но Давид покачал головой:

— Нет-нет, спасибо большое, если можно, не сейчас. — И мальчик опустился на ступеньки, чтобы подумать. Как будто он мог есть — с огромным и душившим его комком в горле, который никак не получалось проглотить!

Давид был совершенно сбит с толку, напуган и угнетен. Теперь он знал, что никогда больше в этом мире не увидит любимого папу и не услышит его слов. Мальчик ясно понял все это за последние десять минут. Но почему так оно вышло или чего отец хотел бы теперь от сына — на это, казалось, не было ответа. Только сейчас мальчик осознал, что для него значил уход отца. Этого не может быть! Но, даже не договорив фразы, Давид понял — все уже случилось, ничего не изменишь.

Тогда Давид страстно захотел вернуться в дом на горе. По крайней мере, там у него будет любимый лес с птичками, белочками и

дружелюбными ручейками. И Серебряное озеро, чтобы на него любоваться. И все они будут говорить с ним о папе. Он действительно верил, что там, наверху, будет почти казаться, что отец действительно рядом. И, как бы там ни было, если папа когда-нибудь вернется, он будет искать Давида именно там — в милом домике на горе, которым они так дорожат. Значит, он отправится прямо в родную хижину. Да, именно так он и поступит!

С решительным выражением лица Давид встал, бормоча что-то себе под нос, подхватил скрипку и уверенно зашагал по подъездной дорожке. Потом он вышел на большую дорогу и повернул туда, откуда прибыл накануне вечером вместе с отцом.

Холли только закончили завтракать, когда Хиггинс, коронер, въехал во двор вместе с Уильямом Стритером, самым уважаемым — и самым скупым, если верить людям — фермером в городке.

— Ну как, вытянули что-нибудь из мальчика? — не церемонясь, спросил Хиггинс, когда Симеон Холли с Ларсоном показались на кухонном крыльце.

— Очень мало. По правде сказать, ничего важного, — ответил Симеон Холли.

— И где он сейчас?

— Как же, он тут на лестнице был пару минут назад, — Симеон Холли огляделся с некоторым нетерпением.

— Так мне надо с ним повидаться. У меня письмо для него.

— Письмо! — воскликнули одновременно потрясенные Симеон Холли и Ларсон.

— Да. Нашел у его отца в кармане, — кивнул коронер. Он изъяснялся с мучительной краткостью, свойственной обладателю лакомого кусочка информации, которого с нетерпением ждут другие. — Письмо для «моего мальчика Давида», так что я подумал, лучше отдать, не читая, раз это для него. А как он прочтет, я бы все же посмотрел. Хочу узнать, есть ли там что-то, похожее на здравый смысл, — в другом-то письме нету.

— В другом письме! — снова воскликнули Холли и Ларсон.

— О да, есть еще одно, — коротко и веско произнес Уильям Стритер. — И я его прочел — все, кроме каракулей в конце. Так то ж никому не разобрать!

Хиггинс хохотнул.

— Да, могу признать, это имя — прямо головомка, — согласился он. — А нам-то оно

и нужно, чтобы понять, кто они такие — ведь мальчик вроде сам не знает, как вы вчера ночью-то сказали. Я надеялся, к утру вы больше выведаете.

Симеон Холли покачал головой.

— Это невозможно.

— Уж да, я б так сказал, — горячо вмешался Перри Ларсон. — И «чудной» здесь — не то слово. То он как обычный человек говорит, то давай болтать о ледяных шубейках, белках-птичках и говорящих ручьях. Он уж точно чокнутый. Вы послушайте. Он вправду, кажись, не видит, что между ним и евойной скрипкой разница есть. Мы утром-то узнать хотели, что делать будет да чего хочет, а он давай болтать, как папаша ему говорил — де нет разницы, что делать, если настроен хорошо и играешь в лад. Так что вы на это скажете?

— Что же было во втором письме, о котором вы сказали? — спросил Симеон Холли.

Хиггинс странно улыбнулся и залез в карман.

— В письме? Если хотите, пожалуйста, прочтите сами, — сказал он, протягивая сложенный листок бумаги.

Симеон взял его и осторожно осмотрел.

Очевидно, это был листок, вырванный из записной книжки. Его сложили втрое, а сверху надписали: «Получателю сего». Почерк был причудливым и не очень понятным. Но, насколько было можно разобрать, в записке говорилось следующее:

«Настал момент, когда я должен вернуть Давида в мир, и с этой целью я двинулся в путь.

Но я болен — очень болен, и если Давид сможет идти быстрее меня, я должен поручить другим завершение моего дела. Обращайтесь с ним мягко. Он знает только добро и красоту. Он ничего не ведаёт о грехе и зле».

Затем следовала подпись, состоявшая из каракулей и завитушек, которые абсолютно ничего не значили для озадаченного Симеона Холли.

— Ну? — подтолкнул его Хиггинс.

Симеон Холли покачал головой.

— Я тут мало что понял. Записка весьма необычная.

— Имя разобрали?

— Нет.

— Вот и я не смог. И ещё с десяток людей, которые пытались. Но где же мальчик? Может, в его записке что толковое есть.

— Я схожу за ним, — вызвался Ларсон. — Видно, он где-то поблизости.

Но, по-видимому, Давида не было «где-то поблизости». По крайней мере, его не было в амбаре, в сарае, в спальне над кухней и во всех остальных местах, куда заходил мужчина. Разочарованно нахмурившись, Ларсон возвращался назад, когда миссис Холли появилась на крыльце.

— Мистер Хиггинс, — прокричала она, явно чем-то взволнованная, — ваша жена только что звонила. Говорит, ее сестра Молли только звонила ей и сказала, что маленький бродяжка со скрипкой у нее дома.

— У Молли! — воскликнул Хиггинс. — Так это же в миле отсюда, если не больше.

— Вот он где! — вмешался Ларсон, торопясь к крыльцу. — Треклятый негодник! Стало быть, удрал, покуда мы завтракали.

— Да. Но, Симеон, мистер Хиггинс, мы не должны были дать ему уйти вот так, — взмолилась миссис Холли дрожащим голосом. — Ваша жена сказала, что Молли увидела его на перекрестке. Мальчик плакал, потому что не знал, куда идти. Он хотел вернуться домой, то есть в ту жалкую хижину на горе, понимаете, и мы не можем дать ему уйти одному — ведь он совсем ребенок!

— Где он сейчас? — требовательно спросил Хиггинс.

— На кухне у Молли, ест хлеб с молоком. Она сказала, ужасно трудно было заставить его поесть. И она хочет знать, что с ним делать. Потому и позвонила вашей жене. Она подумала, вам стоит знать, где он.

— Да, конечно. Так скажите ей, чтобы она велела ему вернуться.

— Молли говорит, она пыталась заставить его вернуться, но он сказал: нет, спасибо, лучше я не буду. Он шел домой, где отец сможет его найти, если потребуется. Мистер Хиггинс, мы... мы не можем дать ему уйти вот так. Ведь ребенок умрет в этих ужасных лесах, даже если доберется туда, в чем я очень сомневаюсь.

— Конечно, конечно, — бормотал Хиггинс, задумчиво нахмурившись. — И есть это его письмо. Послушайте, — добавил коронер с прояснившимся лицом, — бьюсь об заклад, письмо его и вернет! Кажется, папочка для него — самое дорогое. Так, — проговорил он, оборачиваясь к миссис Холли, — скажите жене, чтобы она... нет, лучше сами позвоните, пожалуйста, Молли, и скажите, чтобы она передала мальчику: у нас для него

письмо от отца, и если он вернется, то получит его.

— Сию минуту, — отозвалась миссис Холли через плечо, уже торопясь в дом. Она вернулась с невероятной быстротой, и лицо ее сияло.

— Он уже вышел! Так скоро, — кивнула она. — Молли сказала, он без ума от радости. Даже не доел завтрак, так торопился. Так что, думаю, мы скоро его увидим.

— О да, мы скоро его увидим, — эхом повторил Симеон Холли. — Но от этого мы не поймем, что будем с ним делать, когда все-таки увидим.

— Может, письмо нам поможет, — примирительно предположил Хиггинс. — В любом случае, даже если и нет, я б не стал беспокоиться. Думаю, кому-нибудь он пригодится — хороший здоровый малец.

— А вы нашли какие-нибудь деньги на теле? — спросил Стритер.

— Немного мелочи — несколько центов. Ничего ценного. Если в письме мальчика ничего нет о том, где их близкие, городу придется взять на себя похороны.

— У него была скрипка, да? И у мальчика тоже. Может, за них что-нибудь можно выру-

чить? — круглые голубые глаза Стритера хитро заблестели.

Хиггинс медленно покачал головой.

— Может, если б на них был спрос. Но кому они нужны-то? В городе ни одна душа не играет, кроме Джека Гернси, да у того уже есть. Кроме того, он болен, и ему не до новых скрипок — хорошо бы хлеба с маслом добыть для себя и сестры. Думаю, он их не купит.

— Хм, может, и нет, может, и нет, — проворчал Стритер. — И, как вы говорите, только ему они могут сгодиться. Да и навряд ли они чего-то стоят. Так что, похоже, все равно городу придется решать вопрос.

— Да. Но уж поверьте мне, — перебил Ларсон, — мудрей будет перед мальцом не разоряться. И толку нет его спрашивать — мы давно уж поняли. А если он вдруг повернется да начнет вам вопросы задавать, тут и конец.

— Думаю, вы правы, — кивнул Хиггинс, лукаво улыбаясь. — И поскольку от вопросов нет никакого толка, что же, будем молчать при мальчике. Только бы сорванец поторопился и скорее пришел сюда. Хочу узнать, что в письме для него. Надеюсь, оно поможет распутать этот узел и узнать, кто они.

— Так он уж вышел, — напомнила миссис Холли, возвращаясь в дом, — думаю, он доберется, надо только подождать.

— О да, он доберется, надо только подождать, — вновь угрюмым эхом отозвался Симеон Холли.

Двое мужчин в фургоне поудобнее устроились на сиденьях, и Перри Ларсон, бросив отчасти неловкий, отчасти извиняющийся взгляд на своего работодателя, плюхнулся на нижнюю ступеньку. Симеон Холли уже застыл на одном из стульев, стоявших на крыльце. Симеон Холли никогда никуда не «плюхался». Наоборот, как говорил Перри Ларсон, если был трудный способ что-нибудь сделать, Симеон Холли находил его — и использовал. Тот факт, что в это утро он позволил — и продолжал позволять — чтобы священную рутину рабочего дня прерывали из-за такого пустяка — ожидаемого возвращения сбежавшего сорванца — был абсолютно невероятным для Ларсона. Он бы не поверил в это, если бы не видел собственными глазами. Да и теперь он ловил себя на невольном желании протереть глаза, чтобы убедиться в истинности происходящего.

Хотя присутствующие ждали прибытия Давида с большим нетерпением, они почти

удивились, когда он появился, бегом преодолевая подъездную дорожку, — так скоро это случилось.

— О, где же оно? Пожалуйста! — сказал он, задыхаясь. — Мне сказали, у вас есть для меня письмо от папы!

— Верно, сынок, есть. Вот оно, — быстро ответил Хиггинс, протягивая сложенный листок бумаги.

Давиду, очевидно, очень хотелось скорее прочесть письмо, однако, прежде чем развернуть его, мальчик осторожно поставил футляр со скрипкой на землю. И только потом жадно впился глазами в листок.

Четверо присутствующих наблюдали, как меняется выражение его лица. Сначала они увидели быстро набежавшие слезы — пришлось поморгать, чтобы их прогнать. Им на смену пришло сияние, которое становилось все ярче, пока все лицо мальчика не озарилось чудесным светом. И когда Давид поднял глаза от листка, в них читалось восторженное изумление.

— И папа написал мне все это из далекой страны? — выдохнул он.

Симен Холли нахмурился. Ларсон подавился проглоченным смешком. Уильям Стри-

тер уставился на мальчика и пожал плечами, но Хиггинс покраснел.

— Нет, сынок, — сказал он, замявшись. — Мы нашли его на... м-м... оно... я хочу сказать, отец оставил его для тебя в кармане, — наконец, выпалил мужчина.

На лицо мальчика набежала тень.

— Ох, а я надеялся, что я слышал... — начал Давид. Потом он вдруг остановился, и его лицо вновь засияло. — Но это почти как будто он оттуда написал, правда? Папа оставил письмо и сказал мне, что надо делать.

— Что же, что же? — крикнул Хиггинс, тут же придя в полную готовность. — Он сказал тебе, что делать? Тогда дай нам посмотреть, чтобы и мы узнали. Ты же разрешишь нам прочесть, правда, мальчик?

— Н-ну, да, — заикаясь, сказал Давид, вежливо, но с очевидной неохотой передавая письмо.

— Спасибо, — кивнул Хиггинс, протягивая руку.

Письмо для Давида очень отличалось от другого. Оно оказалось длиннее, но ничем не помогло, хотя читалось легче. Несмотря на прыгающие строчки, каждое слово было тщательно выписано — отец явно заботился о гла-

зах мальчика, которому предназначался текст. Он занимал две страницы из записной книжки, а в конце стояло одно-единственное слово — «Папа».

— Давид, мальчик мой, — прочел Хиггинс вслух, — я жду тебя в далекой стране. Не горюй, это огорчит меня. Я не вернусь, но однажды ты придешь ко мне со скрипкой наготове и проведешь смычком по струнам в знак приветствия. Пусть скрипка расскажет мне о прекрасном мире, который ты покинешь, — ведь этот мир действительно прекрасен. Никогда не забывай об этом, Давид. И если однажды ты соблазнишься мыслью о том, что это не так, просто вспомни: в твоих силах сделать мир прекрасным, если ты только захочешь.

Ты среди новых лиц, кругом незнакомые вещи и люди. Не все они будут тебе понятны, а какая-то часть может и не понравиться. Но не бойся, Давид, и не моли о возвращении в горы. Помни, мой мальчик, в твоей скрипке есть все, чего ты так желаешь. Ты только играй — и просторное небо нашего горного дома всегда будет над тобой, а лесные друзья и товарищи будут окружать тебя. Папа.

— Что ж это! Даже хуже, чем первое, — простонал Хиггинс, закончив чтение. — Да тут совсем ничего нет! Как думаете, если человек решился писать в такой момент, ему ж надо со смыслом писать-то, чтобы люди могли ухватиться и понять, кто таков мальчик, верно?

Ответа не последовало. Собравшиеся могли только ворчать и согласно кивать, от чего в итоге не было никакого толку.

Глава V

Диссонансы

Мертвец, найденный в амбаре фермера Холли, вызвал в городке Хинсдейл заметное оживление. Случай был весьма странным по разным причинам. Во-первых, дело было в мальчике — в Хинсдейле полагали, что знают мальчиков, но после встречи с Давидом пришлось в этом усомниться. Во-вторых, удивляли обстоятельства. Мальчик и его отец вошли в город как бродяги, но Хиггинс, который не скрывал, что «подвез» пару в тот вечер, не колеблясь, утверждал: они были совсем не похожи на обычных бродяг.

Поскольку в карманах мертвеца не нашлось почти ничего, кроме двух записок, а желающих купить скрипки не оказалось, пришлось отвезти тело в город и там похоронить. Давиду об этом ничего не сказали. Вообще с Давидом почти не разговаривали с того утра,

когда Хиггинс отдал ему письмо отца. В тот раз мужчины сделали еще одну попытку «найти хоть что-нибудь», как выразился отчаявшийся Хиггинс. Но ответы мальчика совершенно не проясняли дела, не помогали и часто даже запутывали. В то утро большинство утвердилось во мнении, что Давид был «немного того», поэтому мальчика оставили в полном одиночестве.

Городские власти определенно не знали, кем был мужчина, и, очевидно, были не в силах это выяснить. Имя, написанное им самим, нельзя было прочесть. Записки ничего не объясняли, а сын покойного был явно не способен сказать что-либо вразумительное. Из деревушки в горах сообщили: да, такие мужчина и мальчик действительно жили в почти недоступной хижине, но это не помогло разгадать тайну.

Давида оставили на ферме, но Симеон Холли пообещал себе поторопиться с поисками желающих забрать мальчика.

В тот первый день Хиггинс, поднимая вожжи, чтобы уехать со двора, спросил, кивнув в сторону Давида:

— Ну так как, Холли? Можно оставить мальчика у вас, пока не найдем охотников его забрать?

— Н-ну да, я думаю, — поколебавшись, довольно неискренне ответил Холли.

Но его жена, маячившая сзади, тут же бросилась вперед.

— Да-да, конечно, — горячо согласилась она. — Уверена, от него не будет ни капельки беспокойства, Симеон.

— Возможно, — мрачно уступил Симеон Холли. — Но и проку от него не добьешься, это уж точно.

— Именно, — громко сказал Стритер из фургона. — Если б он стоил своего куска хлеба, я сам бы его тотчас забрал, но посмотрите, чем он занят сию минуту, — закончил он, презрительно пожав плечами.

Давид, сидевший на нижней ступеньке, явно не слышал ни слова. Выразительное лицо мальчика сияло, он снова пожирал взглядом письмо отца.

Внезапная тишина отвлекла его. Давид поднял глаза, сверкавшие как звезды.

— Я так рад, что папа сказал, как мне быть, — выдохнул он. — Теперь будет легче.

Не дождавшись ответа от неловко молчавших взрослых, он продолжал, словно объясняя:

— Знаете, он ждет меня — ну, в той далекой стране. Он так сказал. А когда вас ждут, не так уж сложно остаться одному на какое-то время. Кроме того, мне надо остаться, чтобы узнать этот прекрасный мир и рассказать ему, когда я уйду. Я так делал дома, на горе, знаете — рассказывал обо всем. Мы часто ходили на прогулку, а когда возвращались, я рассказывал о том, что видел, своей скрипкой. А теперь он говорит, мне надо остаться здесь.

— Здесь! — раздался резкий голос Симеона Холли.

— Да, — с серьезным видом кивнул Давид, — чтобы узнать прекрасный мир. Разве вы не помните? И он сказал, что я не должен стремиться назад, в мои горы, да мне и не нужно возвращаться, ведь горы, небо, птички, белочки и ручейки — они все в моей скрипке, знаете. И... — но Симеон Холли, гневно нахмурившись, двинулся прочь, жестом велел Ларсону следовать за ним, а Хиггинс, бросив на Давида веселый взгляд, с тихим смешком развернул лошадь и выехал со двора. Секундой позже Давид остался наедине с миссис Холли, которая смотрела на него задумчивыми, хотя и слегка испуганными глазами.

— Ты хорошо позавтракал? Хочешь еще чего-нибудь? — робко спросила она, как и прошлой ночью обращаясь к обыденным вещам из привычного мира в надежде, что благодаря им странный мальчик покажется менее диким и более похожим на человека.

— О да, хорошо, спасибо, — Давид вернулся к записке в руке. Вдруг он поднял глаза, и в них мелькнуло какое-то новое выражение. — Что это значит — быть... бродягой? — спросил он. — Те люди сказали, что мы с папой бродяги.

— Бродягой? Ну... мм... как это, ну просто быть бродягой, — запинаясь, произнесла миссис Холли. — Но не обращай внимания, Давид — я бы... не стала об этом думать.

— Но кто такие бродяги? — настаивал мальчик, и в глазах его начал разгораться медленный огонь. — Потому что если это воры...

— Нет-нет, Давид, — успокоительно перебила его миссис Холли. — Они вовсе не имели в виду воров.

— Тогда что это значит — быть бродягой?

— Ну, это просто значит бродяжничать, — объяснила миссис Холли с безнадежностью в голосе, — ходить по дороге из одного города в другой и... не жить в доме.

— О! — лицо Давида прояснилось. — Тогда все в порядке. Я бы с радостью стал бродягой, и папа тоже. И мы иногда были бродягами, потому что летом почти не жили в хижине — проводили все дни и ночи на улице. Ведь я даже не знал, о чем говорят сосны, пока однажды не провел под ними всю ночь. Ну, вы понимаете. Вы же их слышали?

— Всю ночь? Сосны? — беспомощно спросила миссис Холли, запнувшись.

— Ну да. О, разве вы никогда не слушали их всю ночь? — воскликнул мальчик, словно сочувствуя тяжелой утрате. — Как же, если вы слышали их только днем, вы совсем не знаете, что такое сосны. Но я могу рассказать. Послушайте! Вот что они говорят, — закончил мальчик, выхватил скрипку из футляра и, быстро проверив струны, разразился странной, привязчивой мелодией.

Сбитая с толку, но при этом зачарованная миссис Холли застыла в дверном проеме. Частью с испугом, частью с тоской она смотрела на просветленное лицо Давида. Когда Симеон Холли появился из-за угла дома, она все еще стояла в прежней позе.

— Что же, Элен, — тихо и презрительно начал мистер Холли, пристальным взглядом

окинув открывшуюся ему сцену, — сегодня утром у тебя нет дел поважнее, чем слушать этого менестреля?

— О, Симеон! Как же, конечно, я... я забыла, что делала, — запнулась миссис Холли, виновато покраснела до самых ушей и торопливо удалилась.

Давид же, стоявший на ступенях крыльца, казалось, ничего не слышал. Он продолжал играть, замороженно рассматривая дальний горизонт, когда Симеон Холли обратил на него неодобрительный взгляд.

— Скажи, мальчик, ты умеешь делать что-нибудь еще? Кроме игры на скрипке? — строго спросил он. Поскольку Давид продолжал играть, он резко добавил:

— Ты что, не слышишь?

Музыка тотчас прекратилась. Давид посмотрел вверх со слегка оторопелым видом человека, которого вытащили из другого мира.

— Вы что-то сказали мне, сэр? — осведомился он.

— Да — дважды. Я спросил, занимался ли ты чем-то еще, кроме игры на скрипке.

— Вы имеете в виду дома? — на лице Давида отразилось легкое удивления без тени

гнева или негодования. — Ну конечно. Я же не мог играть все время, знаете. Мне надо было есть, спать, учиться по книгам, а еще мы каждый день ходили на прогулку — как бродяги, говоря по-вашему, — объяснил он, явно радуясь, что наконец получается рассказать все понятно.

— Бродяги, вот именно! — пробормотал Симеон Холли себе под нос. И резко продолжал: — Значит, ты никогда не занимался полезным трудом, мальчик? И всегда проводил дни в богопротивной лени?

И вновь Давид нахмурился, слегка удивленный.

— О, я не ленился, сэр. Папа говорил, лениться нельзя. Он говорил, что в общем Оркестре Жизни важен каждый инструмент, и я тоже был инструментом, понимаете, хотя я всего-то маленький мальчик. И еще он говорил, что, если я не буду играть свою партию, гармония станет неполной, и...

— Да-да, но не будем сейчас об этом, мальчик, — грубо и нетерпеливо перебил Симеон Холли. — Он что, тебе никакой работы не поручал — то есть настоящей работы?

— Работы? — Давид снова погрузился в размышления. Вдруг его лицо прояснилось. — О

да, сэр, он говорил, я должен сделать прекрасную работу и что эта работа ждет меня в большом мире. Поэтому мы спустились с горы — чтобы найти ее. Вы это хотели узнать?

— О нет, — возразил мужчина. — Не могу так сказать. Я говорил о работе — настоящей работе по дому. Ты никогда ее не делал?

Давид облегченно рассмеялся.

— А, вы имеете в виду стряпню и уборку дома, — ответил он. — О да, я делал это вместе с папой, только... боюсь, у меня не очень-то получалось. Бекон не выходил вкусным и хрустящим, как у папы, а огонь всегда портил мне картошку.

— Хм! Бекон и картошка, в самом деле! — усмехнулся Симеон Холли. — Так вот, мальчик, здесь мы считаем это женской работой. Мужчины у нас занимаются другим. Видишь кучу хвороста у двери в сарай?

— Да, сэр.

— Отлично. На кухне ты найдешь ящик для дров. Как думаешь, сможешь наполнить его хворостом? В той куче много коротких палочек, их уже разрубили.

— О да, сэр, с радостью, — кивнул Давид, торопливо, но осторожно укладывая скрипку в футляр. В следующий миг мальчик реши-

тельно атаковал грудь хвороста, и Симеон Холли, бросив на него крайне недоверчивый взгляд, развернулся и ушел.

Но в итоге ящик для дров так и не заполнился. По крайней мере, сразу этого не случилось, потому что, собирая вторую охапку, Давид поднял палку, которая до этого долго лежала на земле. Под ней обнаружили разнообразные многоногие существа, вызвавшие у него настоящий восторг и окончательно отвлекшие от мысли о пустом ящике.

Потребовалось совсем немного сил и чуть больше терпения, а потом еще немного времени, чтобы перевернуть палки потолще и найти многоногих членистых существ еще большего размера. Одно из них было настолько чудесным, что Дэвид с радостным возгласом призвал миссис Холли подойти к сараю и посмотреть.

Зов был таким настойчивым, что миссис Холли поторопилась прийти — но удалилась еще быстрее, оставив Давида сидеть на хворосте и удивляться, почему она взвизгнула, содрогнулась, и сказала «фу-у-у» при виде такого прекрасного и интересного создания, обитавшего у ее сарая.

Потом его внимание привлекла бабочка, большая черная бабочка с золотой каймой на крылышках. Она танцевала в воздухе над задним двором, а потом упорхнула в огород, и Давид осторожно последовал за ней, стараясь не спугнуть резким движением. Бабочка перелетела из огорода в сад, а потом вернулась в огород — и Давид следовал за ней, но прямо у дома мальчик наткнулся на клумбу анютиных глазок, которую разбила миссис Холли. Даже бабочка была забыта в этот момент. Он опустился на колени у клумбы.

— О, вы прямо как маленький народец, — тихо воскликнул он. — У вас есть лица, у кого-то счастливые, у кого-то — печальные. А ты — ты, желтый с пятнышками, смеешься надо мной. О, я сыграю вас — всех вас. Выйдет отличная песенка, ведь вы так отличаетесь друг от друга! — Давид легко вскочил и помчался к боковому крыльцу за своей скрипкой.

Пять минут спустя Симеон Холли, возвращавшийся в кухню, услышал звуки скрипки через открытое окно. В тот же миг его взгляд упал на ящик для дров. Он был пуст — всего несколько палочек валялись на дне. Гневно нахмурившись, мужчина вышел во двор, обогнул дом и оказался в саду. Он тут же наткнул-

ся на Давида, сидевшего по-турецки на дорожке у клумбы. Его лицо сияло, а под подбородком он держал скрипку.

— Вот как ты наполняешь ящик дровами? — резко спросил мужчина.

Давид покачал головой.

— О нет, сэр, ящик ни при чем, — он засмеялся, и музыка стала тише, но не прекратилась. — Вы думали, это про него? Нет, я играю цветы — у них личики как у людей, знаете. Видите, вон тот большой желтый, который смеется, — закончил мальчик, и веселая мелодия понеслась из-под его пальцев.

Симеон Холли повелительно поднял руку, и Давид остановил игру посередине фразы. Его глаза широко распахнулись в искреннем недоумении.

— Вы хотите сказать, я играю... неправильно? — спросил он.

— Я не об игре говорю, — резко и сурово ответил Симеон Холли. — Я говорю о ящике, который велел наполнить.

Лицо Давида прояснилось.

— О да, сэр. Я сейчас пойду и наполню, — кивнул он и радостно вскочил.

— Но я уже говорил тебе, что это надо сделать.

Глаза Давида снова приобрели озадаченное выражение.

— Я знаю, сэр, и я начал, — ответил он, явно стараясь сохранять терпение при объяснении такого очевидного факта, — но увидел так много прекрасных вещей, одну за другой, и когда встретил забавный цветочный народец, мне просто надо было его сыграть. Разве вы не понимаете?

— Не могу этого сказать. Ведь я уже велел тебе наполнить ящик, — снова повторил мужчина с холодной непреклонностью.

— Вы хотите сказать, мне надо было наполнить ящик в первую очередь?

— Определенно.

Глаза Давида снова расширилась.

— Но моя песня — тогда я упустил бы ее! — воскликнул Давид. — А папа говорил, что, когда ко мне приходит песня, ее надо сразу же сыграть. Песни похожи на утреннюю дымку или радугу, знаете — они приходят ненадолго. Надо их быстро поймать, пока не ушли. Теперь понимаете?

Но Симеон Холли уже отвернулся, жестом выразив презрение, и Давид, проводив его задумчивым взглядом, с сосредоточенным видом отправился к кухонной двери.

Через две минуты он уже добросовестно работал.

Но, как выяснилась, для Давида проблема еще не разрешилось — об этом говорил его задумчивый и озабоченный вид. Однако вопрос, который он задал мистеру Холли прямо перед ужином, ничем не помог.

— Вы хотите сказать, — спросил он, — что, когда я сразу не наполнил ящик, я был диссонансом?

— Кем ты был? — спросил удивленный Симеон Холли.

— Диссонансом. Играл фальшиво, — объяснил Давид с терпеливой серьезностью. — Папа говорил... — но Симеон Холли снова раздраженно отвернулся, и вопросы, которые ставили Давида в тупик, остались без ответа.

Глава VI

Досадная необходимость и прочие досады

После ужина в тот первый день Давид молча наблюдал, как миссис Холли убрала со стола и перешла к мытью посуды.

— Вы хотите, чтобы я... помог? — спросил он, наконец, с некоторой задумчивостью в голосе.

Миссис Холли покачала головой, с сомнением взглянув на маленькие загорелые руки мальчика.

— Нет, не хочу. Нет, спасибо, — поправилась она.

Давид на минуту замолчал. Затем он еще более задумчиво спросил:

— А все это, что вы делаете весь день, — полезный труд?

Миссис Холли на секунду оставила сковородку и в удивлении подняла руки, с которых капала вода.

— Все это? Ну конечно! Какой глупый вопрос! Кто вбил тебе в голову такие мысли, дитя?

— Мистер Холли. Но, вы знаете, папа называл это совсем по-другому.

— По-другому?

— Да. Он говорил, что мытье посуды, готовка, уборка — досадная необходимость, и еще он не делал даже половины того, что делаете вы.

— Досадная, как же! — миссис Холли возобновила мытье посуды с некоторой ожесточенностью. — Да, уж я думаю, это было в его духе.

— Да-да, это всегда было в его духе, — довольно кивнул Давид. И, помедлив секунду, спросил:

— А что, сегодня вы совсем не пойдете гулять?

— Гулять? Куда?

— Ну как же, по лесам и полям — куда угодно.

— Гулять по лесам? Просто гулять? Силы небесные, мальчик, у меня есть другие дела!

— Ой, это же очень плохо, да? — спросил Давид участливо, и на его лице отразилось со-

чувствие. — А погода такая хорошая. Может, завтра пойдет дождь.

— Может и пойдет, — бросила миссис Холли, слегка подняв брови и выразительно посмотрев на мальчика. — Но, так или иначе, это не повлияет на мое намерение пойти погулять.

— Правда? — Давид просиял, и его лицо переменялось. — Я так рад! Мне тоже не мешает дождь. Мы с папой очень часто гуляли под дождем, только, конечно, не могли брать с собой скрипки, поэтому ясные дни нам больше нравились. Но есть вещи, которые бывают только в такие дни, а в другое время их не найдешь, правда? Танец капель на листьях и порывы дождя, когда его подхватывает ветер. Разве вам не нравится ощущать это на открытых местах, где ветер может разгуляться?

Миссис Холли уставилась на Давида. Потом она вздрогнула и в отчаянии вскинула руки:

— Силы небесные, мальчик! — слабо выдохнула она и вернулась к работе.

Миссис Холли спешила перейти от мытья посуды к подметанию полов, а от полов — к вытиранию пыли. И, наконец, дошла до мрачной залы, которую всегда тщательно

оберегали от солнца и воздуха. Молча наблюдая за ней, Давид перемещался следом, с некоторым удивлением разглядывая изобилие вещей в зале — стулья, обитые волосяной тканью, софу, мраморный столик, занавески, подушки, покрывала и «накидки», бесчисленные коврики и салфеточки, венок для волос, восковые цветы под стеклянным куполом, сухие травы, великолепные букеты из голубого, зеленого и багряного бессмертника, камушки и ракушки, а также вазы самых разных форм и размеров, расставленные, словно в боевом порядке, на полках по углам.

— Д-да, входи, — миссис Холли оглянулась на мальчика, мнущегося в дверях. — Но ничего не трогай. Я сейчас буду вытирать пыль.

— Я еще не видел этой комнаты.

— Да, не видел, — отозвалась миссис Холли с едва заметной ноткой превосходства. — Обычно мы ею не пользуемся, малыш, — и той спальней тоже. Это зала для собраний, для священников, похорон и... — миссис Холли прикусила язык и бросила взгляд на Давида, но мальчик, кажется, не услышал.

— А в доме больше никто не живет? Только вы и мистер Холли, и мистер Перри Ларсон?

— Сейчас... только мы, — миссис Холли на миг затаила дыхание и взглянула на портрет маленького мальчика в рамке на стене.

— Но у вас столько комнат и... и вещей, — заметил Давид. — А у нас с папой было только две комнаты и почти никаких вещей. Там было совсем по-другому, понимаете. У меня дома.

— Да уж, весьма вероятно, — миссис Холли принялась торопливо, но осторожно вытирать пыль. В ее голосе все еще звучал оттенок превосходства.

— О да, — улыбнулся Давид, — но вы говорите, что редко пользуетесь комнатой, так что это должно помочь.

— Помочь! — в сильнейшем изумлении миссис Холли остановила работу и уставилась на мальчика.

— Ну да. Я хочу сказать, ведь у вас столько других комнат, и вы можете жить там. Вам не надо жить здесь.

— Не надо жить здесь! — выдохнула женщина. Она по-прежнему почти не понимала мальчика, и поэтому в ее голосе звучало только удивление.

— Да. Разве вам обязательно надо хранить эти вещи и чистить их все время, как сей-

час — каждый день? Разве вы не можете отдать их кому-нибудь или выбросить?

— Выбросить — эти — вещи! — женщина так широко раскинула руки, что, казалось, она пытается в ужасе обнять каждый драгоценный коврик и бесценную салфеточку, которым грозит страшная опасность. — Мальчик, ты с ума сошел? Все эти вещи — ценные. Они стоят денег и времени и... и труда. Разве ты не можешь отличить красивую вещь?

— О да, я люблю красивые вещи, — улыбнулся Давид, невольно сделав грубое ударение. — И там, на горе, они были всегда. Там были восход и закат, луна и звезды, и мое Серебряное озеро, и облачные кораблики, которые плыли...

Но миссис Холли остановила его раздраженным жестом.

— Неважно, мальчик. Я должна была догадаться — при твоём воспитании ты, конечно, не можешь оценить эти вещи. Выбросить их, в самом деле! — и она снова принялась за работу, но теперь ее пальцы касались предметов почти с той же лаской, с какой мать утешает расстроенного ребенка.

Давид, чувствуя смутное беспокойство и неудобство, тревожно смотрел на нее. Затем он объяснил извиняющимся тоном:

— Просто я подумал, если вам не надо было так много убираться, вы могли бы больше гулять — сегодня и в другие дни, понимаете. Вы же сказали, что у вас нет времени, — напомнил он.

Но миссис Холли только покачала головой и вздохнула:

— Что ж, неважно, малыш. Полагаю, ты хотел как лучше. Уж конечно, ты в этом ничего не понимаешь.

Давид провел еще минуту, задумчиво глядя на ее ласковые пальцы, развернулся и вышел на боковое крыльцо. Он уселся на ступеньки, вынул из кармана два сложенных листочка и еще раз перечитал письмо отца затуманенными от слез глазами.

— Он сказал, я не должен горевать, потому что это его огорчит, — пробормотал мальчик, глядя на далекие холмы. — И он сказал, если я буду играть, горы придут ко мне, и я окажусь дома наверху. Потому что в моей скрипке есть все, чего я хочу.

Глубоко вздохнув, Давид сунул записку в карман и потянулся за скрипкой. Чуть позже миссис Холли, сметавшая пыль со стульев в зале, остановилась, на цыпочках подошла к двери, и, затаив дыхание, прислушалась. Ко-

гда она вернулась к работе, в ее глазах еще стояли слезы.

— Интересно, почему, когда он играет, я всегда думаю о Джоне, — вздохнула она.

После позднего ужина Симеон Холли с женой сидели на крыльце кухни, отдыхая от дневных трудов. Симеон закрыл глаза, а его жена смотрела на неясные очертания сарая, амбара, дороги или проезжавшего фургона, запряженного лошадью. Устроившийся на ступеньках Давид смотрел, как луна поднимается все выше и выше над вершинами деревьев. Потом он встал, проскользнул в дом и вернулся со скрипкой.

При первой же долгой сладостной ноте Симеон Холли открыл глаза и выпрямился, поджав губы. Но жена робко прикоснулась к его руке.

— Пожалуйста, не говори ничего, — тихо попросила она. — Пусть он поиграет, хотя бы сегодня. Он так одинок, бедный парнишка. — И Симеон Холли, нахмурившись, пожал плечами и откинулся на спинку стула.

Позже сама миссис Холли остановила игру, сказав:

— Идем, Давид, маленьким мальчикам пора спать. Я поднимусь вместе с тобой. —

Она отвела Давида в дом и зажгла для него свечу.

Наверху, в маленькой комнатке над кухней, Давид вновь остался один. Как и в прошлый раз, желтоватая рубашка висела на спинке стула, и, как и тогда, миссис Холли утерла слезу, пока раскладывала ее. И, как и в прошлый раз, большая кровать с четырьмя столбами высилась в углу, грозная и огромная. Но теперь покрывало и простыня были пригласительно откинуты — миссис Холли весьма обеспокоилась, узнав, что Давид проспал прошлую ночь на полу.

И вновь, очень стараясь не смотреть на проколотых жучков и мотыльков на стене, Давид разделся. Затем, прежде чем задуть свечу, он подошел к окну, встал на колени и посмотрел на луну, сиявшую за ветвями деревьев.

Давид был глубоко озадачен. Он начал задаваться вопросом: что из него выйдет?

Отец говорил, что в большом мире его ждет прекрасная работа, но какая? Как ее найти? И как ее делать, если она отыщется? И еще: где ему теперь жить? Можно ли остаться там, где он сейчас? Конечно, это место ему не дом, но в нем есть комнатка над кухней, где можно спать, и добрая женщина,

которая иногда улыбается ему со странным, отсутствующим выражением лица, от которого почему-то становится больно. Теперь, когда папы не было рядом, Давиду не хотелось ее покидать.

И еще были золотые монеты, мысль о которых тоже вызвала у Давида вопросы. Что с ними делать? Ему они не нужны — добрая женщина дает много еды, так что не надо ходить в лавку за провизией. Очевидно, больше ни на что деньги не требуются. Монеты были тяжелые, носить их с собой было неудобно, но Давиду не хотелось их выбрасывать или рассказывать кому-нибудь о них: однажды его назвали вором из-за маленькой монетки, а что скажут, если узнают про остальные?

И вдруг он вспомнил, что говорил отец — надо спрятать их до поры. Мальчик тут же ощутил облегчение. И как он раньше не подумал? Кроме того, он уже знал подходящее место — маленький шкафчик за камином в этой самой комнате! И, довольно выдохнув, Давид поднялся, вытащил маленькие желтые диски из карманов и засунул их подальше под стопки книг, лежавших на полках шкафчика. Там же он спрятал часы, но ми-

ниатюрный портрет мамы-ангела снова положил в карман.

Второе утро на ферме было в целом похоже на первое, только, когда Симеон Холли попросил Давида наполнить ящик для дров, тот решительным образом проигнорировал всех манящих жучков и мотыльков и стал добросовестно выполнять задание, пока не закончил его.

Мальчик был на кухне, когда прямо перед обедом туда вошел нахмурившийся Перри Ларсон с озабоченным выражением лица.

— Миссис Холли, вы б не могли глянуть в боковую дверь? Там женщина с мальцом, и чтой-то им неймется. Она-то по-английски ни гугу, а я б рад был хоть слово разобрать из ейной тарабарщины. Так, может, вы подсобите.

— Ну, Перри, я не знаю, — начала миссис Холли, но тут же повернулась к двери.

На крыльце стояла очень хорошенькая, но напуганная молодая женщина, рядом с ней мальчик лет десяти. Увидев миссис Холли, она разразилась потоком неразборчивых слов, сопровождаемых бурной жестикуляцией.

Миссис Холли съежилась и отступила, бросив умоляющий взгляд на мужа, который

в этот момент пересекал двор, возвращаясь из амбара.

— Симеон, ты можешь разобрать, чего она хочет?

При виде вновь прибывшего странная женщина стала еще многословнее.

— Нет, — сказал Симеон Холли, сердито рассматривая жестикулирующую женщину. — Думаю, она говорит по-французски. И хочет чего-то.

— Да уж! Уж я б сказал, хочет, — пробормотал Перри Ларсон. — И прям очень сильно хочет.

— Вы голодны? — робко поинтересовалась миссис Холли.

— Вы вообще по-английски не говорите? — строго спросил Симеон Холли.

Женщина переводила с одного лица на другое жалостливый, умоляющий взгляд — взгляд чужака на незнакомой земле, который не понимает других и не может объясниться сам. Она отвернулась, в отчаянии качая головой, но вдруг издала радостный крик и резво обернулась.

Холли и Перри Ларсон увидели, что Давид вышел на крыльцо и говорит с женщиной. Его слова были такими же неразборчивыми, как и ее собственные.

Миссис Холли и Перри Ларсон уставились на женщину и Давида. Симеон Холли перебил мальчика резким вопросом:

— Так, значит, ты понимаешь эту женщину?

— Ну да! А вы нет? Она потерялась, и... — но женщина бросилась вперед и обрушила на Давида новые потоки слов.

По завершении ее истории Давид обернулся и увидел на лицах остальных замешательство.

— Так чего она хочет? — резко спросил Симеон Холли.

— Ей нужно найти дом Франсуа Лавеля. Это брат ее мужа. Сегодня утром она приехала на поезде. Муж на минуту где-то задержался и отстал от поезда. Он-то говорит по-английски, а она нет. Она всего неделю в этой стране. Из Франции приехала.

— Ух ты! Видали вы такое! — восхищенно крикнул Перри Ларсон. — Читает ее словно книгу, верно? В Западном Хинсдейле есть французская семья — даже две, кажись. Так к гадалке не ходи, это одна из них, точно я говорю?

— Весьма вероятно, — признал Симеон Холли, неодобрительно глядя на Давида

сверху вниз. Его явно занимал мальчик, а не женщина.

— И слышите-ка, мистер Холли, — вновь заговорил слегка возбужденный Перри Ларсон, — я ж ведь в Западный Хинсдейл на днях собирался, с Харлоу побалакать насчет тех бычков. Так я сегодня б мог, да ее с мальцом прихватил бы, а?

— Очень хорошо, — кивнул Симеон Холли, не сводя глаз с лица Давида.

Перри Ларсон повернулся к женщине и попытался жестами и путаными фразами на ломаном английском объяснить ей, что ответит ее туда, куда она, без сомнения, желает попасть. Однако француженка явно не понимала, и Давид моментально пришел на помощь, бросив несколько слов. Тут на ее лице отразилось восторженное понимание.

— Не мог бы ты спросить, не голодна ли она? — отважилась вступить в разговор миссис Холли.

— Она говорит, нет, спасибо, — с улыбкой перевел Давид, получив ответ. — Но мальчик голоден и хотел бы поесть, пожалуйста.

— Тогда скажи им, чтобы шли на кухню, — указала миссис Холли и поспешила удалиться в дом.

— Так ты француз, да? — спросил Симеон Холли у Давида.

— Француз? О нет, сэр, — гордо улыбнулся Давид. — Я американец. Папа так говорил. Он сказал, я родился в этой стране.

— Но почему же ты так говоришь по-французски?

— Ну как же, я выучил, — потом, осознав, что эти слова прозвучали неубедительно, добавил: — Так же, как выучил немецкий и другие вещи вместе с папой. По книгам, понимаете. Разве вы не учили французский, когда были маленьким?

Симеон Холли сообразоволил фыркнуть и удалился, не ответив на вопрос.

Сразу после ужина Перри Ларсон уехал вместе с женщиной и мальчиком. Лицо французенки сияло улыбками, а последний, полный обожания взгляд предназначался для Давида, махавшего ей рукой, стоя на ступенях крыльца.

После обеда Давид взял скрипку и направился к холму за домом, чтобы совершить прогулку. Он пригласил миссис Холли составить ему компанию, но та отказалась, хотя и не была занята подметанием полов и вытиранием пыли.

Тогда Давид попросил мистера Холли пойти с ним, но тот отказался с еще большим нетерпением, чем жена.

— И с какой это стати, позволь спросить, я должен идти на бесполезную прогулку — сейчас или в любое другое время? — резко спросил он.

Давид невольно отступил, но улыбка не исчезла с его лица.

— Но прогулка не будет бесполезной, сэр. Папа говорил, что вещи, которые помогают нам не фальшивить, не могут быть бесполезными, понимаете.

— Не фальшивить!

— Я хочу сказать, вы выглядите, как папа иногда, когда он чувствовал, что фальшивит. Он всегда говорил, что хорошая прогулка лучше всего помогает вновь собраться. Я... я и сам чувствовал, что немного фальшивлю сегодня, и по вашему виду понял, что с вами, должно быть, то же самое. Вот и позвал вас.

— Хм! Я... довольно, мальчик. Хватит дерзить, ты понял? — и рассерженный Симеон Холли отвернулся.

Тогда Давид в грустном недоумении отправился на прогулку в одиночестве.

Глава VII

«Ты нужен! Ты нужен!»

Был субботний вечер — третий день Давида на ферме подходил к концу. Наверху, в жаркой комнатке над кухней, мальчик опустился на колени у окна, пытаясь глотнуть прохладного воздуха, веющего с гор. Внизу на крыльце Симеон Холли с женой обсуждали события прошедших дней и решали, как следует поступить с Давидом.

— Но что мы будем с ним делать? — наконец простонала миссис Холли, нарушив тишину, которая надолго установилась между ними. — Что мы можем сделать? Нужен он кому-нибудь?

— Нет, конечно, он никому не нужен, — безжалостно заключил ее муж.

При этих словах фигурка в желтоватой ночной рубашке замерла. Давид выбежал из

жаркой комнатки со скрипкой в руке и встал прямо в проеме кухонной двери.

— Кому нужен ребенок, которого воспитали как язычника? — продолжал Симеон Холли. — Как он сам говорит, его отец только на скрипке пиликал, бродил по лесам день-деньской, да иногда ходил в горную деревушку за едой и одеждой, если им нечего было есть и носить. Конечно, он никому не нужен.

Давид, стоявший у кухонной двери, почувствовал, что задыхается. Он устремился в задний коридор, прошел через длинные сараи и забрался на сеновал в амбаре — там он сильнее всего ощущал присутствие отца.

Давид был напуган, и тоска наполняла его сердце. Он никому не нужен. Мальчик слышал это собственными ушами, так что ошибки быть не могло. А как же долгие дни и ночи впереди, пока он не сможет со скрипкой в руках прийти к отцу в далекую страну? Как ему прожить эти дни и ночи, если он никому не нужен? Как его скрипка будет чистым, честным, полным голосом рассказывать о прекрасном мире, ведь папа говорил, что таков ее долг? От этой мысли Давид громко зарыдал. Затем он вспомнил о других словах отца: «Помни, мой мальчик, в твоей скрипке

есть все, чего ты так желаешь. Ты только играй — и просторное небо нашего горного дома всегда будет над тобой, а лесные друзья и товарищи будут окружать тебя». Вскрикнув, Давид поднял скрипку и провел смычком по струнам.

В этот момент на крыльце миссис Холли говорила:

— Конечно, есть сиротский приют и богадельня, если они, конечно, его возьмут, но... Симеон, где же этот ребенок играет?

Симеон напряженно прислушался.

— Я бы сказал, в амбаре.

— Но он же лег спать!

— И вновь отправится в кровать, — мрачно заверил Симеон Холли, поднялся и тихо пересек залитый лунным светом двор, чтобы подойти к амбару.

Как и прежде, миссис Холли последовала за ним и, как и прежде, оба невольно остановились прямо за дверью амбара, чтобы послушать. В тот вечер не было ни рулад, ни трелей, ни зажигательных пассажей, паривших над лестницей. Долгие, жалостливые, сладостные ноты поднимались, созревали и умирали почти в полной тишине, а мужчина и женщина стояли на крыльце и слушали.

Они вернулись в давние времена — Симеон Холли и его жена — когда у них был собственный мальчик, и от взрывов его смеха звенели эти самые стропила, и он тоже играл на скрипке, хотя и по-другому. К обоим пришла одна и та же мысль: «А что, если это Джон играл бы в одиночестве под луной!».

Но не скрипка, в конечном итоге, увлекла Джона Холли из дома, а возможности, который открывал кусочек пастельного мелка. Все детство мальчик рисовал свои любимые «картинки» на любых поверхностях, будь то обои в «лучшей комнате» или форзац большого альбома в обтянутой плюшем обложке — и в восемнадцать лет объявил о решении стать художником. Целый год Симеон Холли боролся с ним со всей силой упрямого и волевого человека. Он запретил держать в доме мел и пастель и загрузил сына домашней работой, которая оставляла время только на еду и сон, — и тогда Джон сбежал.

Это было пятнадцать лет назад, и с тех пор родители не видели сына, хотя два оставшихся без ответа письма в ящике Симеона Холли свидетельствовали, что, по крайней мере, в этом Джон был не виноват.

Но сейчас, стоя у двери амбара, Симеон Холли и его жена думали не о взрослом Джоне, волевом парне и блудном сыне — они вспомнили Джона маленького, кудрявого мальчика, игравшего у них на коленях, резвившегося в этом самом амбаре и устраивавшегося у них на руках, когда заканчивался день.

Миссис Холли заговорила первой — и вовсе не так, как на крыльце.

— Симеон, — начала она дрожащим голосом, — ребенок должен идти в постель! — И она устремилась к лестнице, опережая мужа. — Идем, Давид, — позвала она, поднявшись, — маленьким мальчикам пора спать. Идем!

Ее голос звучал тихо и не вполне уверенно. Давиду показалось, что в словах и во взгляде были отголоски давней боли. Он очень медленно вошел в квадрат лунного света, а потом долго и серьезно изучал лицо женщины.

— А вам я... нужен? — спросил он, запнувшись.

Женщина сделала глубокий вдох и всхлипнула. Перед ней стояла стройная фигурка в желтоватой ночной рубашке — рубашке Джо-

на. На нее смотрели эти глаза — темные и задумчивые, как у Джона. И руки ее заболели от ощущения пустоты.

— Да, да, только мне — и навсегда! — закричала она с внезапной страстью, прижимая к себе фигурку. — Навсегда!

И Давид довольно вздохнул.

Симеон Холли разжал губы, но снова сомкнул их, не сказав ни слова. Потом мужчина повернулся со странно озадаченным выражением лица и тихо спустился по лестнице.

На крыльце, когда прошло не так мало времени и Давид вновь улегся спать, Симеон Холли холодно сказал жене:

— Полагаю, ты понимаешь, Элен, на что ты обрекла себя этим абсурдным порывом в амбаре — а все из-за того, что богопротивная музыка и лунный свет ударили тебе в голову!

— Но я хочу оставить мальчика, Симеон. Он... напоминает мне о... Джоне.

Мужчина сжал губы, и у его рта залегли глубокие морщины, но жене он ответил с явной дрожью в голосе:

— Мы говорим не о Джоне, Элен. Мы говорим о безответственном мальчике наверху, который вряд ли находится в своем уме. Полагаю, он мог бы научиться работать, и тогда

принес бы хоть какую-то пользу. Но именно сейчас лишний рот нам не нужен. Ты же знаешь, срок по расписке истекает в августе.

— Но ты говоришь, на счету в банке почти... достаточно, — в беспокойном голосе миссис Холли звучали извинительные ноты.

— Да, я знаю, — удостоил ее ответом Симеон. — Но почти достаточно — это не вполне достаточно.

— Ведь еще есть время — больше двух месяцев. Срок выходит только в последний день августа, Симеон.

— Я знаю, знаю. Однако остается мальчик. Что ты собираешься с ним делать?

— Ну, а ты не мог бы... занять его на ферме? Ну, хоть немного?

— Возможно. Хотя я в этом сомневаюсь, — мрачно ответил мужчина. — Мотыжить кукурузу и дергать сорняки со скрипочкой и смычком несподручно, а с прочим он не умеет обращаться.

— Но он может научиться... и он правда прекрасно играет, — пробормотала женщина. В кои-то веки Элен Холли решилась спорить с мужем, да еще оправдывая собственные действия!

Симеон Холли не ответил, а только хмыкнул себе под нос. Затем он встал и тихо вошел в дом.

Следующий день был воскресеньем, а в воскресенье на ферме устанавливались строгие ограничения и торжественная тишина. В венах Симеона Холли текла кровь пуритан, и он был более чем строг в отношении того, что полагал правильным и неправильным. Наполовину выучившись на священника, он был вынужден оставить это поприще из-за слабого здоровья и обратиться к более подвижному образу жизни, но навсегда сохранил непоколебимо твердые убеждения. Поэтому пробуждение от громкой музыки, какой еще не знал его домик, было для него настоящим шоком. Он принялся в негодовании натягивать одежду, а рулады, переливы и звучные аккорды лились на него таким мощным потоком, что казалось, будто в комнатке над кухней заперли целый оркестр — так искусно мальчик брал двойные ноты. К тому моменту, когда Симеон открыл дверь в спальню Давида, он уже побелел от ярости.

— Мальчик, что это значит? — спросил он.

Давид счастливо рассмеялся.

— А вы разве не поняли? — спросил он. — Я думал, музыка вам расскажет. Я был так счастлив, так рад! Меня разбудили птички на деревьях, они пели: «Ты нужен! Ты нужен!», и солнышко спустилось вон с того холма и сказало: «Ты нужен! Ты нужен!», и веточка постучала мне в окно и сказала: «Ты нужен! Ты нужен!». Так что пришлось взять скрипку и рассказать вам об этом.

— Но сегодня воскресенье — день Господа, — строго осадил его мужчина.

Давид стоял неподвижно, и в глазах его был вопрос.

— Значит, ты совсем язычник? Тебе когда-нибудь говорили о Боге?

— О Боге? Конечно! — улыбнулся Давид с явным облегчением. — Бог заворачивает бутонны в коричневые одеяльца и укрывает корни...

— Я не говорю про коричневые одеяльца и корни, — сурово перебил мужчина. — Это день Господа, и мы должны чтить его святость.

— Святость?

— Да. Тебе не следует играть на скрипке, смеяться и петь.

— Но это хорошо и прекрасно, — возразил Давид, широко распахнув изумленные глаза.

— Возможно, в уместное время, — допустил мужчина с той же жесткостью в голосе, — но не в день Господа.

— Вы хотите сказать, Ему бы это не понравилось?

— Да.

— О!— лицо Давида прояснилось. — Тогда хорошо. У вас другой Бог, сэр, потому что мой любит все красивые вещи каждый день в году.

На миг наступила тишина. Первый раз в жизни Симеон Холли ощутил, что у него нет слов.

— Мы больше не будем говорить об этом, Давид, — наконец сказал он, — но назовем это по-другому: я не хочу, чтобы ты играл на скрипке по воскресеньям. А сейчас отложи ее до завтра. — И он отвернулся и зашагал вниз.

В то утро за завтраком никто не разговаривал. На ферме Холли за едой никогда не предавались безудержному веселью, как уже выяснил Давид, но прежде обстановка не бывала такой мрачной. Сразу после завтрака полчаса чтения Писания и молитв. Миссис Холли и Перри Ларсон очень прямо и торжественно сидели на стульях, а мистер Холли читал. Давид тоже старался сидеть очень

прямо и торжественно, но розы за окном кивали головками и звали его, а птички в кустах щебетали, упрасывая: «Выходи! Выходи». И как можно было сидеть прямо и торжественно, глядя на все это, особенно если пальцам было щекотно от желания немедленно вернуться к прерванной утренней песне и рассказать всему миру, как прекрасно быть нужным!

Но Давид сидел очень спокойно — или спокойно, как мог — и только постукивание ноги и задумчивый, но беспокойный взгляд выдавали тот факт, что разум его был далек от фермера Холли и детей Израилевых, скитавшихся по пустыне.

После молитв пришел час сдержанной суеты и спешки — семья готовилась к походу в церковь. Давид никогда еще не был в церкви. Он спросил у Перри Ларсона, на что это похоже, но тот только пожал плечами и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Ух ты! Слышите, чево он говорит-то! — что в глазах Давида никак не прояснило ситуацию.

Вскоре Давид выяснил, что в церковь ходят начисто отмытыми — его еще никогда так не скребли, не терли и не расчесывали.

Кроме того, ему принесли чистую белую рубашечку и красный галстук, над которыми миссис Холли уронила слезу, так же, как над ночной рубашкой в первый вечер.

Церковь была на расстоянии какой-то четверти мили от дома, и в урочный час Давид прошел за мистером и миссис Холли по длинному центральному проходу. Холли, как всегда, прибыли рано, служба еще не началась. Даже органист еще не занял место перед инструментом, огромные золотисто-голубые трубы которого возвышались до потолка.

Орган был гордостью местных жителей. Его подарил уроженец городка, ставший великим человеком в большом мире. Более того, ежегодное пожертвование того же человека позволяло платить искусному органисту, каждое воскресенье приезжавшему на службу из большого города. Сегодня, сев на свое место, органист заметил новое лицо на скамье Холли и едва сдержал дружескую улыбку при виде маленького мальчика с пытливым взглядом. Потом он как обычно растворился в музыке.

Внизу мальчик, сидевший на скамье Холли, затаил дыхание. В ушах его запели де-

сятка два скрипок — и столько же других инструментов, которых он даже не мог назвать. Музыка обрушилась на него и заставила в экстазе вскочить, прежде чем упреждающая рука успела остановить его. Мальчик ринулся в проход, не сводя глаз с золотисто-голубых труб, от которых, казалось, исходили чудесные звуки. Затем его взгляд упал на мужчину и ряды клавиш. Несколько долгих минут мальчик слушал, замерев на месте, затем музыка затихла, и священник поднялся для вступительной молитвы. Однако паузу нарушил голос мальчика, а не мужчины.

— О, сэр, пожалуйста, — сказал голос, — не могли бы вы... не согласились бы вы научить меня это делать!

Органист закашлялся, а сопрано вытянула руки, привлекла к себе Давида и зашептала что-то ему на ухо. Присутствующие в изумлении затихли. Затем священник кивнул, а внизу, на скамье Холли, разгневанный мужчина и глубоко оскорбленная женщина поклялись, что прежде, нежели Давид вновь посетит церковь, ему придется кое-чему научиться.

Глава VIII

Загадочные «надо» и «нельзя»

С приходом понедельника у Давида началась новая жизнь — весьма любопытная жизнь, полная «надо» и «нельзя». Иногда мальчик задавался вопросом, почему все приятные вещи относились к «нельзя», а все неприятные — к «надо». Мотыжить кукурузу, полоть, наполнять ящики для дров — все это было «надо, надо, надо». Но, когда дело доходило до лежания под яблонями, исследования ручья, текущего у края поля, или даже наблюдения за жучками и червяками, которых можно было найти на земле, оказывалось, что все это «нельзя».

Что же до фермера Холли, то и он в то утро понедельника столкнулся с новым опытом. Например, с трудностями в преодолении радостно выраженного мнения о том,

что сорняки очень хорошенькие, и жаль выдирать их из земли, чтобы они вяли и умирали. Не менее трудным оказалось занимать мальчика полезным трудом любого вида, когда кругом было так много интересного: проплывающее облако, цветущий куст или птицы на ветвях дерева.

Однако, несмотря на это, Давид явно старался изо всех сил, чтобы справиться со всеми «надо» и избежать «нельзя», поэтому в четыре часа того первого понедельника он получил от сурового, но желавшего быть справедливым фермера Холли свободу до конца дня. Мальчик весело направился на прогулку. Он вышел без скрипки, потому что в воздухе пахло дождем, но даже в собственных шагах и взмахах рук для Давида звучала радостная песня предыдущего утра. Несмотря на перипетии дневных трудов, весь мир пел тоскующему по дому и одинокому Давиду благословенный гимн: «Ты нужен! Ты нужен!».

И тогда он увидел ворону.

Давид знал, как выглядят вороны. В доме на горе у него было несколько друзей-ворон. Он научился узнавать их зов и отвечать на него, восхищаться их мудростью и уважать

смену их настроения. Он любил наблюдать за ними — особенно когда большие птицы разрезали воздух широкими взмахами крыльев, такие живые, такие торжествующе свободные!

Но эта ворона...

Эта ворона не разрезала воздух широкими взмахами крыльев. Посреди кукурузного поля она совершенно удивительным образом взвивалась вверх, падала и била крыльями. Очень скоро Давид, подбежавший к птице, увидел причину. Ворона была прочно привязана длинной кожаной бечевкой к колышку в земле.

— Ох-ох-ох! — воскликнул Давид, ужасаясь.
— Ну-ну, подожди минутку. Я все исправлю.

Быстро и уверенно он вытащил складной нож, чтобы перерезать ремешок, но обнаружил, что «все исправить» и сказать, что он «все исправит» — совершенно разные вещи.

Кажется, ворона не признала в Давиде друга. Должно быть, она увидела в нем одного из любителей бросать камни, стрелять из ружья и истязать птиц — одного из людей, из-за которых она оказалась в ненавистном плену. Поэтому птица боролась с новым злом, очевидно, явившимся мучить ее, клювом, ког-

тями и крыльями, и Давид смог подобраться поближе, только сняв рубашку и накинув ее на разъяренную птицу. Так он смог закончить свое дело, да и то пришлось оставить петлю из кожаного ремешка на тонкой ноге.

Миг спустя с шумом крыльев и пугающим криком, который быстро превратился в изумленное карканье ликующего триумфатора, ворона ринулась прочь и опустилась на верхушку отдаленного дерева. Давид с радостью смотрел на результаты своих трудов, после надел рубашку и возобновил прогулку.

Когда почти в шесть часов он вернулся на ферму Холли, в дверях амбара сидел Перри Ларсон.

— Ну, сынок, — сказал он, — с сорняками-то разобрался?

— Д-да, — поколебавшись, ответил Давид. — Я все сделал, но мне не понравилось.

— Жарковатая работа.

— О, это ничего, — отозвался Давид. — Что мне не понравилось, так это дергать миленькую травку и оставлять ее умирать.

— Это сорняки — миленькая травка! — воскликнул мужчина. — Чтоб я провалился!

— Но они были миленькие, — возразил Давид, верно угадав презрение в голосе Перри Ларсона. — Самые милые — и они же были самые большие. Мистер Холли показал мне, понимаете, и пришлось их дергать.

— Чтоб я провалился! — снова пробормотал Перри Ларсон.

— Но я уже сходил погулять. Теперь я чувствую себя лучше.

— Вот как!

— О да. Я чудесно погулял. Я пошел наверх, в лес вон на том холме. И все время пел — внутри, ну, вы понимаете. Я был так рад, что оказался нужен миссис Холли. Вы же знаете, как это, когда поешь внутри.

Перри Ларсон почесал макушку.

— Нет, сынок, такого я сказать не могу, — ответил он. — Не больно-то из меня певец выходит.

— О, я не говорю о пении вслух. Я говорю о внутреннем пении. Когда ты счастлив, понимаете?

— Когда я — о! — мужчина остановился и, открыв рот, уставился на мальчика. Вдруг его лицо переменилось, и он одобрительно ухмыльнулся. — Да, парень, смотри-ка, голова! Это ж правда на пение смахивает — что у тебя

внутри, когда ты прям счастлив, верно? Но я об этом и не думал.

— Да. И знаете, там я и нахожу свои песни — внутри, понимаете — и играю их потом на скрипке. И вороне я помог запеть. Только она пела снаружи.

— Пела — ворона? — усмехнулся мужчина. — Чушь! Уж тебе меня не убедить, что вороны поют, дружище.

— Но они поют, когда счастливы, — настаивал мальчик. — Так или иначе, когда они сердиты или что-то их гложет, звуки выходят совсем другие. Слышали бы вы эту ворону сегодня. Она пела. Очень радовалась свободе. Я ее освободил, знаете.

— Выходит, ты поймал ворону в этом лесу? — в голосе мужчины звучал скепсис.

— О нет, я ее не поймал. Но кто-то как раз поймал и привязал. И она была такая несчастная!

— Ворону привязали в лесу!

— Нет, это я нашел не в лесу. Тогда я еще на холм не поднялся.

— Привязанная ворона... Слышь-ка, мальчик, о чем это ты болтаешь? Где была ворона? — Перри Ларсон вдруг насторожился.

— В поле. Вон там. И кто-то...

— На кукурузном поле! Чтоб мне провалиться! Парень, ты же не трогал ту ворону?

— Ну, она не позволила себя тронуть, — почти извиняясь, ответил Давид. — Она очень боялась, понимаете. Пришлось даже накрыть ей голову рубашкой, чтобы разрезать ремешок.

— Разрезать ремешок! — Перри Ларсон вскочил. — Ты же не... Ты же не отпустил ворону?

Давид съежился.

— Ну да, ведь она хотела улететь. Она... — но мужчина в отчаянии опустил на землю и принял прежнюю позу.

— Да, сэр, надел ты дел. Не знаю, чего уж хозяин скажет, но пока меня послушай. Я целную неделю маялся, чтоб ту ворону заполучить, и ни в жисть не смог бы, если б не ховался полночи в кустах, выжидая, когда будет мне удача. Так и на том еще не все. Уж я тебе скажу, привязать-то ее больно сложно было — исклевала меня, шельма, до сих пор следы остались. А ты явился и в два счета ее на волю, — закончил он, сердито щелкая пальцами.

На лице Давида не отразилось раскаяние — только недоверие и ужас.

— Вы хотите сказать, это вы ее привязали, специально!

— Уж не сомневайся!

— Но ей это не понравилось. Вы что, не видели — ей не понравилось? — крикнул Давид.

— Не понравилось! И чего? А мне не понравилось, что она кукурузу мою таскает. Слышь-ка, сынок, давай, не смотри так и голосом таким не говори. Я ворюге той вреда не причинил — ты ж видел, она могла летать, верно? И с голоду не помирала. Я уж позаботился, чтобы поест ей хватало, и блюдце с водой приспособил. И ежели б она крыльями не била и не тянула, ей бы вреда не случилось. Моей вины нет в том, что она тянула.

— А вы бы не стали тянуть, будь у вас два больших сильных крыла, на которых можно долететь до вершины того высокого дерева и еще выше, в небо, где с вами говорили бы звезды? Вы бы не тянули, если бы кто-то в сто раз сильнее вас пришел и привязал вас за ногу к тому столбу?

Перри так рассердился, что даже покраснел.

— Слышь-ка, сынок, я проповедей-то у тебя не просил. Любой здешний на моем

месте сделал бы так — если б ума хватило поймать птицу. Ряженные метлы с живой птицей в сравнение не идут, чтобы скверных воришек гонять. Да тут каждый фермер от зависти позеленел, как я ту тварюгу поймал. А тут ты заявляешься и одним махом ножа все губишь, и... Ну до чего ж я на это зол! Вот и все.

— Вы хотите сказать, вы привязали ее, чтобы отпугнуть других ворон?

— Верно! Лучше ничего не придумаешь.

— Ох, как мне жаль.

— Да уж, пожалей. Но мою ворону это не вернет!

Лицо Давида прояснилось.

— Да, это так, правда? И я рад. Знаете, я думал о воронах. И мне так их жаль! Только представьте, как бы нам не понравилось, если бы нас привязали... — Но Перри Ларсон, взглянув на мальчика, негодуя фыркнул, поднялся и быстро ушел к дому.

Так в тот вечер Давид оказался в опале, и от миссис Холли потребовался весь ее такт и терпение, чтобы общее негодование не лишило Давида шансов и дальше оставаться на ферме. В то же время мальчик и сам с горечью осознавал, что очень быстро оказался большим разочарованием, и его скрипка в

тот вечер стонала так жалостливо, что любой, хорошо знавший Давида, многое бы понял.

На следующий день мальчик добросовестно пытался выполнить все «надо», и, хотя не всегда преуспевал, эти усилия были настолько очевидными, что даже негодующий владелец освобожденной вороны несколько смягчился, и Симеон Холли вновь отпустил Давида в четыре часа.

Однако это не помогло мальчику восстановить спокойствие духа, поскольку, хотя во время прогулки ему не попала пленная ворона, которой можно было выказать сочувствие, он обнаружил нечто столь же непонятное и душераздирающее.

На краю леса он встретил двух мальчиков — каждый нес винтовку, мертвую белку и мертвого кролика. Дождь, который грозил пролиться накануне, так и не объявился, и у Давида с собой была скрипка. Тихо играя на ней, он подошел к месту, где тропа входила в лес.

— Ох! — при виде мальчиков и их ноши Давид невольно вскрикнул и прекратил игру.

Мальчики, едва ли меньше удивившиеся при виде Давида и его скрипки, остановились и откровенно уставились на него.

— Это бродяжка со своей скрипкой, — хрипло прошептал один из них на ухо другому.

Давид, горестно глядя на безжизненные тельца в руках мальчиков, содрогнулся.

— И они тоже... мертвые?

Мальчик постарше важно кивнул.

— Точно. Мы их только что застрелили — белок-то. А Бен вот поймал кроликов, — он выдержал паузу, явно ожидая, что на лице Давида появится должное восхищение.

Но в изумленных глазах Давида не было восхищения — только невозможность поверить в такой ужас.

— Хотите сказать, вы послали их в далекую страну?

— Мы — что?

— Послали. Сами заставили их уйти в далекую страну?

Мальчик помладше продолжал таращиться на Давида. Старший неприятно усмехнулся.

— Конечно, — коротко и равнодушно ответил он. — Еще как мы их послали в далекую страну.

— Но откуда вы знали, что они хотели уйти?

— Чего? Хотели? — фыркнул старший. Потом усмехнулся еще противнее и сказал,

явно издеваясь: — Ты знаешь, дорогуша, мы их не спрашивали.

На лице Давида отразилось настоящее беспокойство.

— Значит, вы совсем не знали. А может, они не хотели уходить. А если так, как же они могли уйти с песней, как говорил папа? Папу не посылали. Он ушел. И ушел с песней, он сам так сказал. Но они... как бы вам понравилось, если бы кто-то пришел и отослал вас в далекую страну, даже не зная, хотите ли вы этого?

Ответа не последовало. Мальчики попятись от Давида с растущим испугом в глазах, словно увидели нечто жуткое и необъяснимое. В следующий миг они уже торопливо спускались с холма, раз-другой оглянувшись на Давида, — очевидно, охваченные ужасом.

Оставшись в одиночестве, Давид продолжал путь. Он был задумчив и обеспокоенно хмурился.

В первые дни на ферме Холли он часто бывал задумчив и беспокойно хмурился. На новом месте очень и очень многие вещи были не такими, как в горном домике. Вновь и вновь в те долгие дни он перечитывал письмо отца, пока не заучил его наизусть, — это

было необходимо. Разве его уже не окружили странные люди и странные вещи?

И они были такие странные, эти люди! Мальчики и мужчины поднимались на заре, но ни на миг не останавливались, чтобы посмотреть, как солнце заливает мир светом, а потом работали в полях весь день — но никогда не поднимали взгляда на большие перистые облака над головой. Они считали птиц всего лишь ворами фруктов и зерна, а белок и кроликов — существами, которых надо поймать в силки или застрелить. А понять женщин было еще сложнее. Они проводили долгие часы за наглухо закрытыми дверями и окнами, намывая одну и ту же посуду и подметая одни и те же полы день за днем. Они тоже не поднимали глаза к голубому небу и даже не обращали внимания на алые розы, заглядывавшие в окна. Напротив, казалось, они всегда были заняты поисками грязи, но находки не радовали их — особенно, если грязь приносили на башмаках маленькие мальчики!

Однако самым поразительным для Давида был тот факт, что эти люди считали странным его, а не себя. Как будто жить с отцом в доме на вершине горы и проводить дни, гуляя по лесным тропинкам или лежа с кни-

гой у говорливого ручейка, совсем не естественно! А разве не естественно время от времени брать скрипку и учиться ловить трепещущими струнами шепот ветра в листве деревьев! Даже зимой, когда сами облака спускались с неба и покрывали землю мягкой белизной, — даже тогда лес был прекрасен, и песня ручья под ледяной шубкой была полна загадок и очарования, которых не хватало привольной болтовне летних дней. Конечно, в этом не было ничего странного, но люди, казалось, думали по-другому!

Глава IX

Джо

Время шло, и день за днем Давид усердно трудился, стараясь выполнять все «надо» и избегать «нельзя». И мало-помалу он начал понимать, как важны сорняки и ящики для дров, если он хочет соответствовать представлениям фермера Холли о том, как «не фальшивить» в странном новом Оркестре Жизни, где оказался Давид.

Но, как он ни старался, все это было отчасти нереальным, и никак нельзя было отбросить постоянное ощущение бесполезности и утраты. Поэтому Давиду казалась реальной только та часть странной новой жизни, которая начиналась каждый день после четырех — когда заканчивалась работа.

Какими насыщенными были эти часы! Столько хотелось увидеть, столько сделать.

Для солнечных дней были поля, ручьи, пастбища и весь городок, которые нужно было исследовать. Для дождливых дней, если не хотелось гулять, оставалась комната с книгами в шкафу у камина. Часть Давид уже читал, но большинство еще нет. Одна или две книги были его старыми друзьями, в отличие от «Дика-сорвиголовы» и «Пиратов Голубиной бухты» (он нашел их в темном углу за расшатанной дощечкой). Бок о бок стояли «Дева Озера», «Остров сокровищ» и «Дэвид Копперфильд», а «Робинзон Крузо», «Тысяча и одна ночь» и «Сказки братьев Гримм» лежали без обложек и с замусоленными уголками. Было еще много, очень много книг, и Давид пожирал их жадными глазами. Хорошее из них он впитывал как солнечный свет, а злое бессознательно отбрасывал, и оно действительно «скатывалось» с него, как вода с гуся в пословице.

Давид едва ли мог сказать, что ему нравилось больше — воображаемые приключения между книжными обложками или настоящие приключения во время ежедневных прогулок. Да, место, где он теперь находился, было совсем не похоже на дом на горе — здесь не было ни Серебряного озера, ни широкого—

широкого неба над головой. И, самое при-
скорбное, рядом не было дорогого отца, ко-
торого так любил Давид. Но закаты
по-прежнему были розовыми с золотом, и
небо, пусть маленькое, по-прежнему несло
снежные паруса облачных кораблей, а что же
до отца, то он велел мальчику не горевать, и
тот очень-очень старался.

Каждый день в компании своей скрипки
Давид выходил на прогулку, если не прини-
мал решения остаться дома с книгами. Ино-
гда он отправлялся в городок, иногда — к
холмам за его окраиной. Но, куда бы он не
шел, в конце пути мальчика и его скрипку
обязательно ожидало открытие — пусть это
была всего лишь большая белая роза или бе-
лочка, сидящая у дороги.

Однако очень скоро Давид обнаружил,
что во время прогулок можно найти кое-что
еще, помимо белочек и роз — это были люди.
Несмотря на свою странность, эти люди были
замечательно интересными. После того, как
эта мысль пришла ему в голову, он все чаще и
чаще отправлялся в городок, когда в четыре
часа его освобождали от дневных трудов.

Поначалу Давид почти не разговаривал с
людьми. Мальчик ежился и смущался, когда

его откровенно разглядывали, притом ему были неприятны замечания о нем. Однако он с интересом наблюдал за другими — когда полагал, что на него не смотрят. Со временем он немало узнал о людях и об их странных способах занимать свое время.

Например, был человек из оранжереи. Довольно приятно проводить дни, выращивая цветы и растения — но не под этой горячей, лишаящей воздуха стеклянной крышей, решил Давид. Кроме того, ему бы не хотелось каждое утро собирать и отсылать самые хорошенькие растения в большой город, как это делал оранжерейный человек.

Еще был доктор, который день-деньской ездил на повозке, запряженной серой кобылой, и помогал больным людям выздоравливать. Он нравился Давиду, и мальчик дал себе зарок, что когда-нибудь станет доктором. Однако был еще и кучер дилижанса — Давид не был уверен, но все же думал о выборе этого ремесла — ведь оно позволяло целыми днями оставаться на воздухе и не печалиться при виде больных перед тем, как они выздоравливают, поэтому кучеру было лучше, чем доктору, полагал он. Еще был кузнец и лавочники, но о них мальчик почти не думал.

Быть может, он еще не знал, чем хотел заниматься, зато прекрасно знал, чем не хотел. И все это явно указывало: Давид все еще был в поисках великого дела, которое, как говорил папа, ждет его в большом мире.

А пока Давид играл на скрипке. Если он видел алую вьющуюся розу, цветущую в палисаднике, то сочинял мелодию чистого восторга — и не знал, что женщина в доме за палисадником слышала музыку и ощущала бодрость во время домашнего труда. Если он находил котенка, играющего в солнечных лучах, то обращал это в бурный поток проворных пассажей и трелей — и капризный младенец, услышав это, прекращал плач. А однажды, просто потому, что небо голубело, а воздух был сладок, и так приятно было чувствовать себя живым, Давид взмахнул смычком и сыграл торжествующий гимн, полный звенящего восторга, отчего больной в затененной комнате на втором этаже поднял голову, глубоко вдохнул и вдруг ощутил прилив жизненных сил. Все это явно доказывало, что Давид, возможно, уже нашел свою работу и занимался ею — о чем сам, опять-таки, не знал.

Как-то раз на кладбище в послеобеденной час Давид встретил Госпожу в Черном. Она

стояла на коленях, возлагая цветы на маленькую могилку. Когда мальчик приблизился, она подняла голову и задумчиво посмотрела на него, затем заговорила, словно ее побудила некая сила:

— Кто ты, мальчик?

— Я Давид.

— Давид? А по фамилии? Ты здесь живешь? Я тебя уже видела.

— О да. Я здесь был уже много раз, — мальчик намеренно избегал вопросов. Он начал уставать от них — особенно от таких.

— А ты... потерял кого-то дорогого, мальчик?

— Потерял?

— Я хочу сказать, у тебя здесь... папа или мама?

— Здесь? О нет, здесь их нет. Моя мама ангел, а папа ушел в далекую страну. Знаете, он ждет меня там.

— Но это ведь то же самое... — она удивленно и беспомощно смотрела в спокойное лицо Давида. Затем и ее лицо вдруг просияло. — О, мальчик, если б только я могла понять это — только это, — выдохнула она. — Было бы гораздо легче, если б я всегда помнила, что их здесь нет — ведь они ждут там!

Но Давид, очевидно, не слышал. Он уже отвернулся и, удаляясь, тихо играл на своей скрипке. Госпожа в Черном в молчании стояла на коленях, слушая мальчика и глядя, как он уходит. Когда через несколько времени она поднялась и покинула кладбище, ее лицо все еще сияло.

Давид часто задумчиво смотрел на своих ровесников — особенно на мальчиков. Он хотел иметь друга, который понимал бы его, так же смотрел бы на вещи и знал, о чем Давид говорит, когда играет на скрипке. Давиду казалось, что в одном из ровесников он должен найти такого друга. Но среди многих виденных им мальчиков его не оказалось. Давид уже начал думать, что из всех странных существ в его новой жизни мальчики были самыми странными.

Они пялились на него и неприятно толкали друг друга локтями, когда заставляли его за игрой. Они насмехались, когда он пытался рассказать, что играл. Они никогда не слышали о великом Оркестре Жизни и раздражались издевательским хохотом или отступали, словно в испуге, когда Давид говорил, что они сами — инструменты в этом Оркестре и что если они будут иг-

рать фальшиво, где-то обязательно прозвучит диссонанс.

А еще были их игры и забавы. Давид думал, что игры с мячами, битами и мешочками, полными бобов, ему бы очень понравились. Но мальчишки только глумились, когда он просил научить его. Им нравилось, когда собака гналась за кошкой, а когда Тони, старый негр, споткнулся о протянутую ими веревочку, они смеялись до упаду. Они любили бросать камни и стрелять из ружей, и, очевидно, чем больше пресмыкающихся и летающих созданий могли отослать в далекую страну, тем счастливее были. Но им вовсе не нравилось, когда Давид спрашивал, хотят ли все эти ползающие и летающие создания покинуть прекрасный мир и сделаться мертвыми. Они усмехались и звали его неженкой. Давид не знал, что такое неженка, но по интонациям догадывался, что лучше уж быть вором.

А потом он обнаружил Джо.

В тот день после обеда Давид оказался в очень странном и непривлекательном месте. На улице валялись бумажки и консервные банки, дома с перекошенными ставнями и ободранной краской казались заброшенными. Неопрятные женщины и мужчины с зату-

маненным взглядом стояли, прислонившись к обшарпанным заборам, или сидели, развалившись, на испачканных грязью ступеньках. Давид медленно шел по улице, держа скрипку под мышкой, и, прищурившись, смотрел по сторонам. И нигде он не мог найти даже малюсенького кусочка красоты, чтобы «сыграть ее». Он добрался, кажется, до самой жалкой развалюхи на улице, когда ему вспомнилось, что отец обещал в письме. Лицо мальчика вмиг просияло, он поднял скрипку и разразился настоящим вихрем трелей, пассажей и игривых мотивов.

— Я совершенно забыл, что мне не нужно видеть красоту, чтобы играть, — тихо засмеялся он. — Ведь все уже есть в моей скрипке!

Он прошел мимо полуразрушенной хибиры и в нерешительности остановился на перекрестке, когда кто-то легко коснулся его руки. Он обернулся и увидел девочку в застиранном, залатанном ситцевом платье, из которого она явно выросла. Девочка смотрела на него широко открытыми испуганными глазами и протягивала на грязной ладошке медную монету.

— Возьми, пожалуйста, Джо послал это тебе, — сказала она с запинкой.

— Мне? За что? — Давид прекратил игру и опустил скрипку.

Девочка отпрянула, но не опустила руку.

— Он хочет, чтобы ты остался и поиграл еще немного. Сказал, что дал бы больше денег, если б мог. Но больше нету. Только этот цент.

Давид вытаращил глаза.

— Ты говоришь, он хочет, чтобы я сыграл? Ему нравится? — спросил он радостно.

— Да. Сказал, что знает, один цент — это вообще мало. Но он подумал, может, ты поиграешь немного за него.

— Поиграю? Конечно, я поиграю! — воскликнул Давид. — О, нет, деньги мне не нужны, — добавил он, отмахнувшись от предложенной вновь монеты. — Там, где я сейчас живу, деньги не нужны. Где он — тот, кто хочет, чтобы я поиграл? — закончил он с нетерпением.

— Вон там, у окна. Это Джо. Он мой брат.

Хотя девчушка была явно довольна тем, что выполнила задачу, она держалась в стороне от мальчика. Да и отказ от денег вызвал у нее только неловкое удивление.

У окна Давид увидел мальчика, вероятно, одного с ним возраста — с песочного цвета

волосами, бледными щеками и широко раскрытыми, странно неподвижными голубыми глазами.

— Он идет? Ты привела его? Он сыграет? — нетерпеливо спросил мальчик у окна.

— Да, я здесь. Это я. Ты что, не видишь скрипку? Мне здесь сыграть или войти?

Девочка открыла рот, как будто желая что-то объяснить, но мальчик у окна не медлил с ответом.

— О, выходит, ты правда зайдешь? — воскликнул он, словно не веря. — А дашь мне разок потрогать... скрипочку? Входи! Ты зайдешь? Знаешь, дома никого нет, только мы с Бетти.

— Конечно, я зайду! — Давид даже споткнулся на сломанных ступеньках — так не терпелось ему войти в широко распахнутую дверь. — Тебе понравилось то, что я играл? А ты знаешь, что это было? Ты понял? Ты видел облачные кораблики в небе и мое Серебряное озеро внизу в долине? А ты слышал птичек и ветер в листве и ручейки? У тебя получилось? О, понял ли ты? Я так хотел найти того, кто поймет. Но я в жизни бы не подумал, что ты и здесь... — Выражение лица и взгляд Давида говорили сами за

себя. Он остановился, не в силах найти подходящие слова.

— Ну вот, Джо, а я тебе что говорила, — хрипло прошептала девочка, бросившись к брату. — Ну зачем ты заставил меня его привести? Все говорят, он совсем чокнутый и...

Но мальчик поднял руку, и его сестра сразу замолчала. Его лицо странно светилось, будто внутренним светом. Глаза, по-прежнему широко раскрытые, неподвижно смотрели перед собой.

— Хватит, Бетти, подожди, — шикнул он. — Может быть... я думаю, я понимаю. Ты хочешь сказать, что ты внутри видишь все эти вещи, а затем пытаешься сделать так, чтобы скрипочка рассказала о них. Так?

— Да! Да! — воскликнул Давид. — О, ты правда понимаешь. А я не думал, что ты сможешь. Ведь ему не на что смотреть, кроме этих вещей, а он...

— Не на что, кроме этих вещей! — эхом повторил мальчик с внезапной тоской в голосе. — Не на что, кроме этих вещей! Если бы я что-нибудь видел, какая разница, что это было бы! Да и тебе не было бы разницы, будь ты слеп как я.

— Слеп! — Давид в ужасе отпрянул. — Ты хочешь сказать, что ничего не видишь своими глазами?

— Ничего.

— Ох! Я никогда еще не видел слепого. В одной книге был слепой, но папа забрал ее. А потом, в здешних книгах, были другие, но...

— Да, да. Ну, неважно, — сказал слепой мальчик, становясь нетерпеливым из-за жалости в голосе другого. — Ты сыграешь?

— Но как же ты вообще узнаешь про красоту этого мира? — содрогнулся Давид. — Как это возможно? И как у тебя получится не фальшивить? Ты же тоже инструмент. Папа говорил, что каждый из нас — инструмент. И каждый всегда что-нибудь играет, и если ты фальшивишь...

— Джо, Джо, пожалуйста, — взмолилась девочка. — Пусть он уйдет. Я боюсь. Я тебе говорила...

— Вздор, Бетти! Он тебя не тронет, — Джо с некоторым раздражением хохотнул. Затем он довольно резко повернулся к Давиду.

— Ну же! Ты будешь играть? Ты сказал, что сыграешь!

— Да, о да, я сыграю, — с запинкой сказал Давид, торопливо пристраивая скрипку и

проверяя струны слегка дрожащими пальцами.

— Вот! — Джо с довольным вздохом откинулся на спинку стула. — Повтори еще раз то, что было раньше.

Но поначалу Давид не стал играть прежнюю мелодию. В его музыке не было ни воздушных кораблей-облаков, ни безграничного неба, ни птиц, ни бормочущих лесных ручей. Была только бедная комната, грязная улица, одинокий мальчик с невидящими глазами, сидящий у окна, — мальчик, который никогда не узнает, как прекрасен мир, в котором он живет.

И вдруг Давиду пришла новая мысль. Этот мальчик, Джо, сказал, что понимает его. Кажется, он понял, что ему рассказывали о солнечных небесах и лесных ветерках, о поющих птицах и говорливых ручейках. Может, он снова поймет?

А что, если мир для невидящих глаз можно сотворить?

Должно быть, так Давид не играл никогда в жизни. Как будто на четыре трепещущее струны он возложил пурпур и золото тысячи закатов, розы и янтарь тысячи рассветов, зелень бесконечных лесов и голубизну неба,

поднимавшегося до самых райских чертогов,
— чтобы Джо понял.

— Вот это да! — выдохнул Джо, когда музыка завершилась мощным аккордом. — Это ж просто здорово! Ты мне дашь разок потрогать свою скрипку? — И, глядя в сияющее лицо слепого мальчика, Давид поверил в то, что Джо действительно его понял.

Глава X

Госпожа Роз

Давид создал для Джо настоящий новый мир — мир чарующей музыки вместо тишины, увлекательного общения вместо одиночества и чудесных сладостей вместо скудной и однообразной еды.

Вдова Гласпел, мать Джо, скребла и чистила целыми днями, и Джо был вынужден полагаться на несколько хаотичное и весьма неумелое попечение Бетти. Та была не лучше и не хуже любой другой неграмотной и безответственной двенадцатилетней девчонки, и, наверное, не стоило ждать, что она будет проводить все ясные солнечные дни взаперти вместе со слепым и довольно капризным братом. Да, в полдень она обязательно появлялась и готовила что-то вроде обеда для себя и Джо. Но в кладовой Гласпелов часто было так же пусто,

как в голодных желудках детей, искавших в ней что-нибудь съестное, и требовался повар поискуснее легкомысленной Бетти, чтобы произвести из ее скудного содержимого приятное на вкус или хотя бы сытное блюдо.

С приходом Давида все это в жизни Джо переменялось. Во-первых, появилась музыка и общение. Отец Джо в молодости «играл музыку с ребятами» и, если верить вдове Гласпел, «ловко обходился с инструментом». Вероятно, от него Джо унаследовал страсть к мелодии и гармонии, и неудивительно, что Давид так скоро увидел в мальчике родственную душу. При первом же взмахе давидова смычка грязные стены вокруг них рушились, и друзья вместе уносились в волшебный мир радости и красоты.

И Джо не всегда оставался в роли слушателя. Сначала исполнилось то, о чем он так молил, — мальчик «просто потрогал» скрипку, потом робкий смычок коснулся струн и спустя поразительно короткое время Джо уже наигрывал простые мелодии. А через две недели Давид принес ему отцовскую скрипку для занятий.

— Я не могу подарить ее тебе, — объяснил Давид слегка дрожащим голосом, — потому

что она папина, и, когда я смотрю на нее, знаешь, я как будто вижу его. Но можешь ее взять. И тебе всегда будет, на чем играть, если захочешь.

Так в руках самого Джо появилась сила, способная перенести его в другой мир, ведь в компании скрипки он уже не был одинок.

Давид принес в дом не только скрипку. Еще были пончики и печенья. С самых первых своих визитов Давид к великому своему удивлению обнаружил, что Джо и Бетти часто были голодны.

— Но почему вы не пойдете в лавку и не купите что-нибудь? — спросил он как-то.

Когда Давиду сказали, что на это не было денег, первым его побуждением было принести несколько золотых момент, но, хорошо поразмыслив, он решил, что не осмелится на это. Он не хотел, чтобы его снова назвали вором, и пришел к выводу, что лучше принести из дома еды.

Вся еда, которая могла найтись в домике на горе, всегда предлагалась немногим прохожим, которые добирались до двери хижины. Поэтому перед следующим визитом к Джо Гласпелу Давид, не колеблясь, отправился за провизией в чулан миссис Холли.

Войдя на кухню, миссис Холли увидела, как Давид выходит из чулана с полными руками печенья и пончиков.

— Давид, что это значит? — спросила она.

— Это для Джо и Бетти, — сказал Давид, счастливо улыбаясь.

— Для Джо и... Но пончики и печенья тебе не принадлежат. Они мои!

— Да, я знаю. Я им сказал, что у вас много.

— Много! И что с того? — воспротивилась миссис Холли с растущим негодованием. — Это не значит, что ты можешь... — Но что-то в лице Давида заставило ее остановиться на полуслове.

— Вы же не хотите сказать, что я не могу взять их для Джо и Бетти? Как же так, миссис Холли, ведь они голодают — Джо и Бетти! Они и наполовину досыта не едят, Бетти говорит. А у нас больше еды, чем нужно. На столе каждый вечер остается лишнее. Как же, если бы вы были голодны, разве вы бы не хотели, чтобы кто-то...

Но миссис Холли остановила его жестом отчаяния.

— Ну ладно, ладно, беги. Конечно, можешь взять их. Я... я рада, что ты со мной, — закончила она, страстно желая, чтобы с лица

Давида ушло выражение шока и неверия, с которым он все еще смотрел на нее.

Больше миссис Холли не пыталась сдерживать щедрость Давида по отношению к Гласпелам, однако старалась ее регулировать. Она следила, чтобы впредь, собираясь к ним в гости, он брал только выбранную ею еду и только в разрешенных количествах.

Но Давид не ограничивался посещением хижины Гласпелов. Очень часто он уходил в совершенно другом направлении. Через три недели после появления на ферме Холли он увидел Госпожу Роз.

В тот день он прошел через всю деревню и добрался до незнакомой дороги. Это была красивая дорога — белая, гладкая и твердая. Место, где она отходила от главного шоссе, было отмечено двумя гранитными столбами, на которых пламенели настурции в горшках. За ними, как вскоре обнаружил Давид, дорога шла между широкими лужайками и цветущими живыми изгородями, поднимаясь по пологому склону холма. Давид не знал, куда она ведет, но, особо не задумываясь, решил это выяснить. Несколько времени он тихо поднимался по склону, держа немую скрипку под мышкой, но белая дорога по-прежнему оста-

валась мучительной загадкой, а вот боковая тропа, приглашавшая исследовать свои тенистые глубины, оказалась более сильным искушением.

Не зная того, Давид оказался в поместье «Солнечный холм», единственной «достопримечательности» Хинсдейла, где обитала его единственная богатая жительница, мисс Барбара Холбрук. Кроме того, Давид не знал, что мисс Холбрук не отличалась радушием в отношении посетителей — особенно тех, кто осмеливался явиться, не позвонив условным звонком в дверной колокол у главного входа. Итак, он ничего этого не знал, и потому радостно последовал по тенистой тропе, которая в конце концов привела его к Чуду.

На языке Хинсдейла Чудо звалось всего лишь садом мисс Холбрук, но в глазах Давида это была настоящая сказочная страна. Целую минуту он мог только стоять и смотреть во все глаза, как обычный маленький мальчик. По окончании этой минуты он снова стал собой, и, будучи собой, выразил восторг единственным доступным ему способом — прижал скрипку к подбородку и начал играть.

Он хотел, чтобы скрипка рассказала о пруде с прозрачной водой с отражавшейся

в ней аркой моста, о спускавшихся террасами газонах и мраморных лестницах, о сияющих белых статуях нимф и фавнов, о всплесках торжествующего алого, желтого, румяно-розового и снежно-белого на зеленом фоне — там, где розы бушевали в роскошном цветении. А еще он хотел рассказать о Королеве Роз — прелестной даме с волосами, подобными золоту восхода, в платье, похожем на лунный свет на воде, — вот о чем он собирался рассказать, но едва успел начать, как прелестная Госпожа Роз вскочила и сделалась очень похожей на сердитую молодую женщину, которая была так недовольна, что Давиду пришлось разочарованно опустить скрипку.

— Так, мальчик, что все это значит? — грозно спросила она.

Давид нетерпеливо вздохнул и вышел на свет.

— Но я же как раз рассказывал вам, — укорил он, — а вы не дали мне закончить.

— Рассказывал мне!

— Да, своей скрипкой! Разве вы не поняли? — задумчиво спросил Давид. — Судя по вашему виду, вы можете понять.

— По моему виду!

— Да. Вы знаете, Джо понял, а от него я не ожидал. А насчет вас я был просто уверен, ведь вы можете смотреть на все это.

Дама нахмурилась и невольно огляделась вокруг, словно планируя побег. Затем она вновь повернулась к мальчику.

— Но как ты здесь оказался? Кто ты? — воскликнула она.

— Я Давид. Пришел сюда по той тропе. Я не знал, куда она ведет, но так рад, что выяснил!

— Неужто! — пробормотала дама, слегка подняв брови.

Она уже собиралась весьма холодно сообщить мальчику, что, раз он нашел дорогу сюда, уже можно заняться поисками пути обратно, но мальчик порывисто прервал ее, обводя взглядом открывающийся пейзаж:

— Однако я не думал, что здесь, внизу, найдется хотя бы вполовину такое красивое место!

У дамы вдруг возникло странное ощущение чего-то необычного, и с ее губ сорвалось восклицание:

— «Здесь, внизу»! Что это значит? Ты говоришь так, словно спустился... сверху, — она почти смеялась.

— Да, — просто ответил Давид. — Но даже там, наверху, я не видел ничего такого, — сказал он, — ни такой, как вы, Госпожа Роз, — закончил он с восхищением.

На этот раз дама откровенно рассмеялась. И даже немного покраснела.

— Очень мило сказано, Сэр Лъстец, — парировала она, — но, когда станете старше, молодой человек, постарайтесь не делать таких явных комплиментов. Я вовсе не Госпожа Рос. Я мисс Холбрук, и у меня нет привычки принимать джентльменов, явившихся без приглашения и... без доклада, — немного резко закончила она.

Но стрела, не достигнув цели, упала к ногам Давида. Он заметил солнечные часы — такого он еще не видел.

— Что это? — спросил он нетерпеливо, торопясь разглядеть часы. — Выглядит не очень, но, кажется, это приносит пользу.

— Приносит. Это солнечные часы. Показывают время по солнцу.

Отвечая на вопрос, мисс Холбрук удивлялась тому, что вообще вступила в разговор и не отослала это маленькое дерзкое недоразумение по его делам, как оно заслуживало. Секунду спустя она уже смотрела на мальчика в

великом изумлении. С явной легкостью и прекрасным произношением ученого он читал вслух латинскую надпись на циферблате:

— «*Horas non numero nisi serenas*» — «Безоблачные лишь часы считаю я», — перевел он медленно, но уверенно. — Мило, но что это значит — «считаю»?

Мисс Холбрук вскочила.

— Ради всего святого, мальчик, кто ты и как тебя зовут? — потребовала она ответа. — Ты читаешь по-латыни?

— Ну конечно! А вы разве не умеете? — Но мисс Холбрук пренебрежительно махнула рукой.

— Мальчик, кто ты? — вновь потребовала она ответа.

— Я Давид. Я же сказал.

— А по фамилии? И где ты живешь?

Мальчик помрачнел.

— Я Давид — просто Давид. Сейчас я живу у фермера Холли, но когда-то я жил на горе вместе с папой, знаете.

Лицо мисс Холбрук озарилось пониманием. Она снова села.

— О, я помню, — пробормотала она. — Ты тот маленький... мм... мальчик, которого он взял к себе. Я слышала твою историю. Так вот

ты какой, — добавила она, и на ее лицо вернулось прежнее выражение неприязни.

— Да. А скажите, пожалуйста, что они значат — эти слова: «Безоблачные лишь часы считаю я».

Мисс Холбрук поерзала и нахмурилась.

— Так то и значит, конечно. Солнечные часы показывают время с помощью тени от солнца, а когда солнца нет, нет и тени. Поэтому они отсчитывают только те часы, когда светит солнце, — с некоторым раздражением объяснила она.

Лицо Давида засияло восторгом.

— О, мне это нравится! — воскликнул он.

— Тебе это нравится!

— Да. Я бы и сам хотел быть такими часами, знаете.

— В самом деле! И как же, расскажи? — Слабый отблеск интереса невольно отразился в глазах мисс Холбрук.

Давид рассмеялся и легко опустился на землю у ее ног. Скрипку он теперь держал на коленях.

— Ну как же, это было бы так здорово, — сказал он, улыбаясь, — просто забывать обо всех часах, когда солнца нет, и помнить только милые и приятные часы. Тогда для меня

останется только время после четырех часов и еще короткие промежутки, когда мне удастся увидеть что-то интересное.

Мисс Холбрук откровенно уставилась на Давида.

— Да, ты просто поразительный мальчик, это точно, — пробормотала она. — И что же такое, позволь спросить, ты делаешь каждый день, а потом хочешь забыть?

Давид вздохнул.

— Ну, много всего. Сначала я мотыжил картошку и кукурузу, но сейчас они уже выросли, а еще я дергал сорняки, пока их не осталось. В последнее время я собирал камни и чистил двор. Еще, конечно, всегда надо наполнять ящик для дров и забирать яйца у наседок, и кормить цыплят — хотя против них я ничего не имею, но вот остальное мне не нравится, особенно прополка. Сорняки были гораздо красивее, чем то, что приходилось оставлять — ну, чаще всего.

Мисс Холбрук рассмеялась.

— Да-да, так оно и было, — настаивал мальчик в ответ на искры веселья в ее глазах, — и разве не было бы чудно забывать о том времени, когда нет солнца? А вы не хотели бы так? Вы предпочли бы что-нибудь забыть?

Мисс Холбрук мгновенно очнулась. Перемена в ее лице была такой очевидной, что Давид невольно оглянулся, пытаясь понять, откуда взялась эта огромная тень. Целую минуту она молчала, а потом очень медленно и горько сказала вслух — но будто самой себе:

— Да. Будь моя воля, я забыла бы все свои часы — все до единого!

— О, Госпожа Роз! — возразил Давид голосом, дрожащим от смущения, — вы же не хотите сказать... не может быть, чтобы у вас вообще не было солнца!

— Именно это я хочу сказать, — устало кивнула мисс Холбрук, глядя на мрачные тени на поверхности пруда. — Именно это!

Потрясенный Давид сидел в задумчивости. На мраморных лестницах и ступенчатых газонах удлинились тени, и Давид смотрел на них, пока солнце опускалось за вершины деревьев. Мрачные, холодные слова дамы от них становились живее — когда не стало солнца, они показались более реальными. Потом мальчик взял скрипку и начал тихо играть — сначала явно колеблясь. Даже когда его манера стала увереннее, в музыке остался вопрос, на который, казалось, не было ответа, — и сам автор не мог бы объяснить его природу.

В течение долгих минут молодая женщина и мальчик сидели так в сумерках. Вдруг дама вскочила.

— Иди же, иди, мальчик! И о чем я только думаю? — резко воскликнула она. — Мне пора, и тебе надо домой. Спокойной ночи, — и она ринулась по траве к тропинке, ведущей к дому.

Глава XI

Джек и Джилл

Давида тянуло еще раз навестить Госпожу Роз, но что-то его удерживало. Мальчик постоянно вспоминал о ней, и сад живо стоял у него перед глазами, хотя Давид покинул его в тихий сумеречный час, когда дама мрачно созерцала погруженный в тени пруд. Он не мог забыть, что в ее жизни не было солнечных часов, чтобы их посчитать, — она сама так сказала. Он не понимал, как такое возможно, и, думая об этом, чувствовал смутную тоску и беспокойство.

Может, это беспокойство и побуждало Давида еще тщательнее исследовать городок и отправляло его на новые улицы в поисках интересного и необычного. Как-то раз крики и смех привлекли его на площадку за церковью, где играли какие-то мальчишки.

Давид по-прежнему очень мало знал о мальчиках. В горном домике у него не было товарищей по играм, а когда он ходил с отцом за покупками в деревушку, мальчики попадались редко. Да, был паренек, который часто приносил в хижину яйца и молоко, но он очень смущался, почти ничего не говорил, и, казалось, всегда был напуган и хотел уйти — словно ему велели не задерживаться. А в последнее время, с тех пор как Давид поселился на ферме Холли, общение с мальчиками приносило еще меньше удовлетворения. Все они, за исключением слепого Джо, ясно давали понять, что не видят толку в ровеснике, который не нашел занятия лучше, чем бродить по лесам и улицам со скрипкой под мышкой.

Однако сегодня что-то переменялось. Может, мальчики уже привыкли к Давиду или решили, что забавно будет утолить любопытство, несмотря на возможные последствия. Так или иначе, они приветствовали Давида воплями радости.

— Ну и ну, парни, глядите! Это ж тот, со скрипкой! — закричал один, и остальные присоединились к его громкому «ура!».

Давид пришел в восторг — он вновь оказался кому-то нужен, и это было так приятно!

Сказать по правде, его весьма ранило подчеркнутое пренебрежение со стороны ровесников.

— Как... как вы поживаете? — спросил он, смущаясь, но продолжая широко улыбаться.

Мальчики бросились к нему с радостными криками. Некоторые из них держали в руках короткие палки, а у одного была старая жестянка из-под соленых помидоров с привязанной к ней леской. Самый высокий мальчик что-то прятал под курткой.

— Как поживаете! — передразнили они. — Как ты поживаешь, мальчик со скрипочкой?

— Я Давид — меня зовут Давид, — любезно напомнил он с улыбкой.

— Давид! Давид! Его зовут Давид, — пропели мальчики, словно хор в комической опере.

Давид расхохотался.

— О, спойте еще раз, спойте же! — крикнул он радостно. — Это было здорово!

Мальчики вытаращились на Давида, а потом презрительно фыркнули и обменялись насмешливыми взглядами — видно, маленький бродяжка и неженка даже не мог понять, что над ним издеваются!

— Давид! Давид! Его зовут Давид! — вновь проблеяли они ему в лицо. — Давай, настрой скрипочку. Мы хотим сплясать.

— Сыграть вам? Конечно, я сыграю, — обрадовался Давид, поднимая скрипку и проверяя струну.

— Подожди-ка, — остановил его самый высокий. — Прима-балерина еще не подготавлилась. — Мальчик осторожно вытащил из-под куртки сопротивляющегося котенка с дырявым мешком на голове, обвязанным вокруг шеи.

— Так! Давай, клади ее посередине, — осклабился мальчик с консервной банкой. — Держи, а я пока «шлейф» привяжу, — закончил он, пытаясь ухватить верткий пушистый хвост напуганной кошечки.

Давид уже начал играть, но тут же прервался на неблагозвучной ноте.

— Что вы делаете? Что случилось с этой кошкой? — потребовал он ответа.

— «Случилось»! — сказал глумливый голос. — Уж точно, ничего с ней не случилось. Она теперь прима-балерина, во как!

— Что это значит? — закричал Давид. В этот момент леска впилась в перевязанный хвостик, и котенок завопил от боли. — Посмотрите! Ей же больно!

Ответом ему был гогот и глумливые словечки. Потом высокий мальчик осторожно

опустил на землю кошечку с мешком на голове и банкой, привязанной к хвосту.

— Готово! Давай, играй! — приказал он, — а она будет танцевать.

Давид сверкнул глазами.

— Я не буду играть... для этого.

Мальчики внезапно перестали смеяться.

— А? Что? — если бы это сказал сам котенок, вряд ли они изумились бы сильнее.

— Я говорю, что не буду играть, пока вы не отпустите кошку.

— Ой-ой, да что ты говоришь! Слышите, а? — усмехнулся глумливый голос. — А что, если мы скажем, что не отпустим ее?

— Тогда я вас заставлю, — пообещал Давид, разгоряченный от чего-то нового, которое, казалось, родилось в нем уже созревшим.

— Мяу! — сказал самый высокий, выпуская пленного котенка.

Освобожденная кошечка судорожно попыталась. Банка, привязанная к лапам, стала биться об землю, грохотать и дребезжать, пока испуганное существо, обезумевшее от ужаса, не превратилось в вихрь воплощенного страдания.

Мальчики собрались в круг и, восторженно вопя, удерживали кошечку в его границах,

продолжая безжалостно издеваться над Давидом.

— Ага! Попробуй, останови нас! Что, не можешь? — насмехались они.

Давид на миг застыл, не сводя глаз с мальчишек. В следующую секунду он развернулся и побежал. Улюлюканье превратилось в хор триумфальных криков — но ненадолго. Давид всего лишь торопился положить скрипку на поленицу. Потом он бегом вернулся, и, не успев самый высокий мальчик перевести дыхание, как был поражен сильнейшим ударом в челюсть.

У церкви рыжеволосая девочка с красными от слез глазами быстро перелезла через забор, за которым она давно уже пряталась, плача и ломая руки.

— Его убьют, убьют! — стонала она. — И все из-за меня, ведь это моя киска... моя киска! — рыдала девочка, пытаясь разглядеть кошачьего защитника в массе мельтешащих рук и ног.

Кошечка, оставленная мальчиками без внимания, продолжала пятиться и крутиться в разрушительном вихре, но очень скоро девочка обнаружила ее. Захлебываясь криком, хозяйка бросилась к котенку, сняла ме-

шок и отвязала мучительную леску. Затем, сев на землю на безопасном расстоянии, принялась успокаивать пульсирующий комочек серого меха, испуганными глазами наблюдая за дракой.

И что это была за драка! Конечно, ее исход не вызывал сомнений: шестеро бились с одним, но в то же время этот один преподнес противникам самый большой в их жизни сюрприз. Им стали точные удары и искусные уловки, из-за которых собственная сила и вес противников обрушивались на них самым непостижимым образом. Конечно, одиночке приходилось хуже всех, но девочка, торопливо убежавшая на улицу, привела с собой высокого гладковыбритого молодого человека, которого позвала издалека, назвав Джеком.

Джек моментально прекратил драку. Энергичными рывками и толчками он распутал извивающуюся массу, отрывая от нее мальчишек одного за другим — и каждый, увидев выражение его лица, торопливо ускользал прочь, словно радуясь, что удалось так легко отделаться. Наконец на земле остался один Давид. Но когда он появился на свет, девочка вновь залилась слезами.

— О Джек, его убили, я знаю! — выла она. — А он был такой хороший... и миленький. А теперь — только посмотри. Это ужас!

Давида не убили, но вид его действительно был ужасен. Рубашка порвалась, галстук потерялся, а лицо и руки были покрыты грязью и кровью. Над одним глазом зрела уродливая шишка, а под вторым был синяк. Немного оторопело он принял руку, протянутую мужчиной, поднялся и осмотрелся. Девочку, стоявшую позади, он не видел.

— Где кошка? — беспокойно спросил он.

И тут случилось непредвиденное. С громким всхлипом девочка бросилась ему на шею, не выпуская кошки из рук.

— Здесь, здесь! — сказала она, задыхаясь. — И ты ее спас, мою Джульетту! И я буду всегда, всегда любить тебя за это!

— Ну-ну, Джилл, — поторопился вмешаться мужчина. — Думаю, сначала стоит выразить благодарность, узнав, не можем ли мы как-то помочь нашему юному воину. — И он принялся вытирать с лица мальчика грязь своим носовым платком.

— Может, мы возьмем его домой, Джек, и отмоем, пока другие не увидели? — предложила девочка.

Мальчик тут же обернулся.

— Ты назвала его Джеком?

— Да.

— А он зовет тебя Джилл?

— Да.

— Настоящие «Джек и Джилл», которые «идут на горку»*?

Новые знакомые Давида рассмеялись, но девочка, покачав головой, ответила:

— На самом деле нет, хотя мы правда ходим на горку — каждый день. Но это не настоящие имена. Мы прозвали так друг друга ради смеха. А ты придумываешь прозвища ради смеха?

Давид засиял, несмотря на грязь, синяк и шишку.

— О, вы правда так делаете? — выдохнул он. — Послушайте, теперь я уверен, что мне хочется для вас сыграть. Вы поймете!

---

* «Джек и Джилл» — английская детская считалка:

Идут на горку Джек и Джилл,
В руках несут ведерки,
Но Джек упал и лоб разбил,
И Джилл скатилась с горки.

(Пер. С. Маршака).

— О да, он еще и играет, — объяснила девочка, порывисто обернувшись к мужчине. — На скрипочке, прямо как ты.

Не успела она закончить предложение, как Давид уже поторопился за скрипкой, немного пошатываясь на ходу. Когда он вернулся, мужчина посмотрел на него и обеспокоенно нахмурился.

— Думаю, мальчик, тебе стоит пойти к нам домой, — сказал он. — Это недалеко — за пастбищем на холме и за огородами. Мы о тебе позаботимся. С этой шишкой над глазом надо разобраться.

— Спасибо, — просиял Давид, — я бы хотел пойти с вами и... я так рад, что вы меня приглашаете! — он говорил с женщиной, но смотрел на рыжую девочку, которая все еще держала на руках серого котенка.

Глава XII

Непонятные ответы

«Джек и Джилл» оказались братом и сестрой. Они жили в крошечном домике на пригорке напротив «Солнечного холма», за ручьем. Больше Давиду почти ничего не рассказали, пока не уделили его шишкам, синякам и грязи самое пристальное внимание. И еще ему пришлось ответить на несколько вопросов.

— А теперь, если не возражаешь, — с улыбкой начал мужчина, когда убедился, что мальчик больше не нуждается в его заботах, — не расскажешь ли, кто ты такой и за что удостоился стольких ударов и тычков от шестерых мальчишек?

— Я Давид, и я хотел освободить кошку, — просто ответил мальчик.

— Да, четко и как минимум по сути дела, — засмеялся мужчина. — Однако, судя по всему,

тебе к такому не привыкать. Но все же, Давид, этих мальчиков было шестеро, и кое-кто был побольше тебя.

— Да, сэр.

— И они были такие злые и жестокие — вступила девочка мелодичным голосом.

Поколебавшись, мужчина осторожно спросил:

— И могу ли я спросить, где ты... мм... научился так драться?

— Я боксировал с папой. Он говорил, что прежде всего надо быть здоровым и сильным. А еще он немного учил меня джиу-джитсу, но, боюсь, вышло не очень с таким числом противников.

— Вынужден с тобой согласиться, — мрачно признал мужчина. — Но ты их немало удивил, я гарантирую, — продолжал он, глядя на виновницу происшествия, свернувшуюся в довольный серый клубок на подоконнике. — Однако я все еще не знаю, кто ты. Кто твой отец? Где он живет?

Давид покачал головой. Как всегда, когда упоминался отец, лицо его стало задумчивым, а глаза — мечтательными.

— Здесь его нет, — тихо сказал мальчик. — Он ждет в далекой стране, когда я приду и

расскажу ему, какой прекрасный мир я нашел здесь.

— А? Что? — спросил, запнувшись, мужчина, не зная, можно ли верить собственным ушам и глазам. Этот мальчик, который дрался как демон и говорил как святой и который, даже будучи весь в побоях и синяках, лепетал о найденном «прекрасном мире», приводил его в крайнее замешательство.

— Как, Джек, разве ты не знаешь? — с жаром прошептала девочка. — Это мальчик, которого взял к себе мистер Холли.

И добавила еще тише:

— Это маленький бродяжка. Его отец умер в амбаре.

— О, — сказал мужчина, и лицо его прояснилось, а в глазах появился проблеск сочувствия. — Так ты мальчик с фермы Холли, да?

— Да, сэр.

— И он везде играет на скрипочке, — восхищенно добавила девочка. — Если бы ты не сидел больной взаперти, ты бы его и сам услышал. Он везде играет — везде, где ходит.

— Правда? — вежливо осведомился Джек, вздрогнув при мысли о звуках, которые, должно быть, издает скрипка в руках такого вот мальчика (Джек и сам немного играл —

достаточно, чтобы чуть-чуть разбираться в скрипичной музыке и любить ее еще больше). — Хм, хорошо, а что еще ты делаешь?

— Ничего, только гуляю и читаю.

— Ничего! Такой большой мальчик, да на ферме Симеона Холли? — по интонации Джека было понятно, что он был хорошо знаком с Симеоном Холли, его методами и убеждениями.

Давид счастливо рассмеялся.

— Конечно, на самом деле я много чего делаю, только больше это не учитываю. «*Horas non numero nisi serenas*», понимаете, — с довольным видом процитировал он, улыбаясь изумленному молодому человеку.

— Джек, что это было — что он сказал? — прошептала девочка. — Похоже на иностранный язык. Он иностранец?

— Ты поставила меня в тупик, Джилл, — отреагировал мужчина, состроив смешную гримасу. — Кто он такой, одним небесам ведомо — мне нет. А сказал он фразу на латыни — вот это я знаю. Однако, — с иронией обратился он к мальчику, — конечно, ты знаешь, как это переводится.

— О да. «Безоблачные лишь часы считаю я» — мне это понравилось. Так написано на

солнечных часах и, знаете, я тоже буду как солнечные часы и перестану учитывать время, которое я провожу не так, как мне нравится. Например, когда я дергаю сорняки, мотыжу картошку, собираю камни и все такое. Понимаете?

Сначала мужчина непонимающе смотрел на Давида, а потом расхохотался.

— Вот так так! — пробормотал он. — Вот так так! — и снова рассмеялся. А потом спросил: — Папа тебя и этому научил?

— О нет — хотя да, он научил меня латыни и, конечно, я смог это прочесть, когда увидел. Но слова были написаны на солнечных часах там, где живет моя Госпожа Роз.

— Твоя... Госпожа Роз? Кто же это?

— Как, вы не знаете? Вы живете напротив ее дома, — воскликнул Давид, указывая на башни «Солнечного холма», возвышающиеся над деревьями. — Вон там она живет. Теперь я знаю эти башни и ищу их взглядом, где бы ни был. Я их очень люблю, и когда смотрю на них, снова вижу розы повсюду — и ее.

— Ты говоришь о мисс Холбрук?

От добродушных интонаций не осталось и следа. Голос Джека так переменялся, что Давид удивленно поднял голову.

— Да, она так сказала, — сказал он, удивляясь смутной перемене в лице мужчины.

Последовала короткая пауза, и мужчина поднялся на ноги.

— Как твоя голова? Болит? — быстро спросил он.

— Не очень. Думаю, я... пойду, — в некотором смущении ответил Давид, протягивая руку за скрипкой и неосознанно отражая своим поведением внезапную перемену в атмосфере.

Тогда заговорила девочка. Она забросала Давида словами благодарности, указывая на довольного котенка на подоконнике. Да, на этот раз она не сказала, что будет любить, любить, любить его всегда, но благодарно улыбалась и горячо звала приходить в гости как можно чаще.

Давид откланялся, и еще долго махал рукой и оборачивался, и обещал прийти снова. Только спустившись до подножия холма, он осознал, что под конец мужчина по прозвищу Джек почти ничего не говорил. Мальчик вспомнил, как тот стоял у столба на веранде и мрачно смотрел на башни «Солнечного холма» над вершинами деревьев, сияющие красным и золотым в последних лучах заходящего солнца.

На ферме Холли Давиду пришлось провести очень неприятные полчаса, объясняя, почему порвалась рубашка и откуда на лице синяки. Фермер Холли не одобрял драк и очень строго выразил это свое убеждение. Даже миссис Холли, которая обычно была так добра к Давиду, дала понять, что он покрыл себя позором. Однако с его ранами она обращалась очень осторожно.

Все же Давид осмелился задать вопрос, прежде чем подняться наверх и лечь в кровать:

— Миссис Холли, а кто эти люди, Джек и Джилл, которые были так добры ко мне сегодня?

— Это Джон Гернси и его сестра Джулия, но весь город знает их как Джека и Джилл, как они сами себя давно называют.

— И они живут совсем одни в маленьком доме?

— Да, разве что вдова Гласпел приходит несколько раз в неделю — готовить и убираться. Не больно-то они счастливы, Давид, и я рада, что ты спас котенка этой девочки. Но ты не должен драться! От драки добра не жди!

— Я дрался, чтобы спасти кошку.

— Да-да, я знаю, но...— она не завершила фразы, и Давид сразу воспользовался паузой, чтобы задать следующий вопрос.

— Почему они не больно-то счастливы, миссис Холли?

— Ох, нет, Давид, это долгая история, и ты не поймешь, даже если я расскажу. Просто они совсем одни во всем мире, и Джек Гернси болен. Ему, должно быть, теперь тридцать, и не так давно он подавал большие надежды — изучал право или вроде того в городе. Потом умерли его родители, а позже он сам потерял здоровье. Что-то случилось с легкими, и доктора отослали Джека сюда, жить на свежем воздухе. Говорят, он даже спит на улице. Так или иначе, он здесь, и за сестрой присматривает, но, конечно, с его-то надеждами и амбициями... Но хватит, Давид, конечно, ты не поймешь!

— О нет, я понимаю, — выдохнул Давид, задумчиво глядя в угол, лежащий в тени. — Он нашел в большом мире свою работу, а потом пришлось остановиться — и он не смог ее сделать. Бедный мистер Джек!

Глава XIII

Сюрприз для мистера Джека

Жизнь на ферме Холли переменилась. Появление Давида внесло в нее новые элементы, грозившие сложностями. Дело было не в лишнем рте — об этом Симеон Холли больше не беспокоился. Урожай обещал быть хорошим, и в банке уже скопилась нужная сумма, которая покроет долговую расписку в срок, до конца августа. Сложности, связанные с Давидом, имели совсем другую природу.

Для Симеона Холли мальчик был загадкой, которую требовалось решительно разгадать. Для Элен Холли он был неизменным напоминанием о другом мальчике из давних времен, и в таком качестве она любила Давида и учила его, стараясь превратить в подобие того, кем стал бы этот другой. Для Перри Ларсона Давид был игрой, доставлявшей веселые

минуты, — «вроде путаной доски для шахмат — околесица и дельные вещи в одну кучу».

На ферме Холли не могли понять мальчика, который отказывался от ужина, чтобы посмотреть на закат, или предпочитал книгу игрушечному пистолету, как это выяснил Перри Ларсон в день Четвертого июля; который как девочка собирал цветы, чтобы украсить ими стол, но без колебания бил первым в схватке с шестерыми противниками; который не ходил рыбачить, потому что рыбам это бы не понравилось, и не признавал охоту за любыми живыми существами; который впал в транс на целый час при виде «миллионов чудесных полосатых жучков» на поле с молодой картошкой и наотрез отказался опрыскать этих «чудесных жучков» парижской зеленью. Все это сбивало с толку, если не сказать больше.

Но Давид работал, работал хорошо, и в большинстве случаев с готовностью слушался других. Кроме того, мальчик узнавал много полезного и интересного; но не только он делал странные открытия в эти июльские дни. Холли тоже узнавали много нового. Им открылось, что розовый цвет восхода и золотой цвет заката достойны внимания и что

грозовые тучи, сгущающиеся на западе, означают не просто сильный дождь. Кроме того, они узнали, что зелень на вершине холма и на далеких лугах — не просто трава, а пурпурная дымка вдоль горизонта — не только горы, лежащие между ними и соседним штатом. Они начали смотреть на мир глазами Давида.

И были еще долгие сумерки и вечера, когда Давид уносился на крыльях своей скрипки в горный дом, оставляя позади мужчину с женщиной, которым казалось, что они слушают голос кудрявого розовощекого паренька, что когда-то устраивался у них на руках на закате дня. И здесь Холли узнавали новое, но этот урок скрывался глубоко в их сердцах.

Вскоре после первого визита к Гернси Давид вновь отправился в «дом, который построил Джек», как называли его сами хозяева. (На самом деле дом построил отец Джека. Однако Джек и Джилл не всегда придавали значение реальному положению вещей). День был не самый приятный. В воздухе висела легкая дымка, и Давид оставил скрипку дома.

— Я пришел... узнать, как здоровье кошки... Джульетты, — начал он, немного смущаясь. — Решил, что лучше навестить вас, чем

читать, — объяснил он Джилл, стоя в дверном проеме.

— Здорово! Я так рада! Я надеялась, что ты придешь, — приветствовала его девочка. — Входи же и посмотри, как поживает Джульетта, — добавила Джилл торопливо, в последний момент вспомнив, что брату не слишком понравилось ее нескрываемое восхищение этим странным мальчиком.

Джульетта, пробужденная от дремы, сначала была склонна отказать посетителю во внимании. Однако через пять минут она уже мурлыкала у него на коленях.

Завоевав внимание котенка, Давид с некоторым беспокойством огляделся. Он начал задаваться вопросом, зачем вообще пришел, и жалеть, что не отправился вместо этого к Джо Гласпелу. Ему хотелось, чтобы Джилл не рассматривала его так, сидя рядом, но говорила бы — все равно что. Но Джилл, очевидно, онемев от смущения, нервно завязывала угол фартука в узелок. Давид пытался вспомнить, о чем говорил несколько дней назад, и спрашивал себя, что же ему так понравилось. Он мечтал, чтобы тишина прервалась — как угодно, и вдруг из комнаты в глубине дома полились звуки скрипки.

Давид поднял голову.

— Это Джек, — застенчиво произнесла девочка, которая мечтала о том же. — Он играет на скрипке, прямо как ты.

— Правда? — просиял Давид. — Но... — он остановился, прислушался и тут же нахмурился.

Вновь и вновь скрипка играла одну и ту же фразу — и вариации в ней говорили о нерешительности пальцев и управлявшего ими разума. Последовательность нот повторялась с досадным постоянством и еще более досадными различиями. И тогда Давид вскочил, довольно бесцеремонно опустив Джульетту на пол — к вящему неудовольствию избалованной юной аристократки.

— А где же он? Я бы ему показал, — вскричал мальчик и, уловив командные нотки в его голосе, Джилл невольно поднялась и открыла дверь в берлогу Джека.

— О, пожалуйста, мистер Джек, — заторопился Давид, входя в комнату. — Разве вы не видите? У вас выходит неправильно. Если бы вы только разрешили мне показать, мы бы сразу все исправили!

Мужчина со скрипкой уставился на мальчика и опустил смычок. Лицо его медленно

заливал румянец. Фраза была особенно трудной, и не давалось скрипачу, но от этого вторжение мальчика не показалось ему более уместным.

— Ну да, конечно, исправили бы, — немного резко ответил он. — Не утруждайся, мальчик, умоляю.

— Но это нисколько не трудно, — с жаром взмолился Давид, полностью игнорируя сарказм в словах собеседника. — Я хочу это сделать.

Несмотря на раздражение, мужчина хохотнул.

— Ну, Давид, я тебе верю. И гарантирую, что ты беспечно набросишься на концерт Брамса, как на шестерых хулиганов с кошкой в тот раз — и так же будешь надеяться на победу!

— Но это правда легко, если знать, как, — засмеялся мальчик. — Смотрите!

К своему удивлению, мужчина обнаружил, что передает скрипку и смычок в нетерпеливые тонкие руки. Секунду спустя он отпрянул в изумлении. Заковыристые ноты упали со смычка Давида — ясные, четкие, но все же связанные друг с другом, словно круглые жемчужины на нитке.

— Видите, — вновь улыбнулся мальчик и опять сыграл фразу, на этот раз медленнее и с явным упором на трудную часть. Затем, словно охваченный непреодолимым порывом, он набросился на следующую фразу и технически безупречно сыграл струящуюся каденцию, завершавшую фрагмент.

— Ну и ну! — изумленно выдохнул мужчина, принимая протянутую скрипку. И сразу с жаром спросил:

— Ради всего святого, кто ты такой, мальчик?

Лицо Давида сморщилось от горестного удивления.

— Ну как же, я Давид. Разве вы не помните? Я был здесь на днях.

— Да, да, конечно, но кто научил тебя так играть?

— Папа.

— Папа! — повторил мужчина, изобразив комическое отчаяние. — Сначала латынь, потом джиу-джитсу, а теперь еще и скрипка! Мальчик, кем же был твой отец?

Давид поднял голову и чуть-чуть нахмурился. Его так часто, причем без всякого сочувствия, расспрашивали об отце, что это стало вызывать у него отторжение.

— Он был папа — просто папа, и я очень-очень его любил.

— Но как его звали?

— Я не знаю. Кажется, у нас не было фамилии, как... как у вас здесь. В любом случае, даже если она и есть, я ее не знаю.

— Но, Давид, — теперь мужчина говорил очень мягко и осторожно. Он знаком пригласил мальчика присесть на низкое сиденье рядом. Девочка тоже оказалась поблизости. В ее глазах светился интерес.

— Нет, Давид, у него должна была быть фамилия. Ты никогда не слышал, чтобы его как-то называли? Подумай хорошо.

— Нет, — Давид сказал одно-единственное слово и отвел взгляд.

В первый раз с тех пор, как он пришел в долину, он подумал, что отец, возможно, хотел скрыть их фамилию. Однажды мальчик-молочник спросил, как называть отца, а тот рассмеялся и ответил: «Думаю, придется величать меня «стариком с горы», как говорят в деревне». Насколько помнил Давид, отец больше никогда не говорил о своем имени. Раньше мальчик не придавал этому значения, но поскольку здесь, внизу, фамилия была такой важной, он задался вопросом,

не хотел ли отец сохранить ее в тайне. Если так, то Давид был даже рад не знать ее, ведь это позволяло не отвечать любопытным людям, которые задавали очень много вопросов. И еще Давид был рад, что люди не смогли прочесть имя отца в конце второй записки в самое первое утро.

— Но, Давид, подумай. Разве никто не называл отца по фамилии там, где вы жили?

Давид покачал головой.

— Я уже говорил вам. Мы были совсем одни — в домике высоко на горе.

— А... твоя мама? — и вновь Давид покачал головой.

— Она мама-ангел, а мамы-ангелы не живут в домах, знаете.

Последовала короткая пауза. Затем мужчина тихо спросил:

— А ты всегда там жил?

— Папа говорил, шесть лет.

— А до этого?

— Я не помню.

В голосе мальчика слышались нотки сдержанной боли, которые не ускользнули от мужчины.

— Должно быть, твой отец был прекрасным человеком! — воскликнул он.

Мальчик обернулся. Глаза его светились от глубокого чувства.

— Да, он был совершенством! Но здесь, внизу, люди об этом не знают, и, кажется, им все равно, — сказал он, задыхаясь.

— Ох, они просто не понимают, — успокоил его мужчина. — А скажи-ка — ты, должно быть, долго учился, чтобы так играть?

— Да, но мне это нравилось.

— А чем еще ты занимался? И как оказался здесь, внизу?

И вновь Давид рассказал свою историю — в этот раз, возможно, подробнее, чем когда-либо, поскольку рассказ предназначался для ушей сочувствующего слушателя.

— Но сейчас, — закончил он задумчиво, — все стало совсем другим, и я один здесь, внизу. Папа ушел, как вы знаете, в далекую страну, и не может вернуться оттуда.

— Кто тебе это сказал?

— Сам папа. Он написал мне.

— Написал тебе! — воскликнул мужчина, резко выпрямившись.

— Да. Письмо было у него в кармане, знаете. Они... нашли его, — голос Давида звучал очень тихо и неуверенно.

— Давид, а можно мне посмотреть... это письмо?

Мальчик заколебался, а потом медленно вытащил письмо из кармана.

— Да, мистер Джек. Вам я покажу.

Осторожно и благоговейно, но при этом весьма нетерпеливо мужчина взял записку и внимательно прочел ее, надеясь найти в ней имя, которое поможет разрешить загадку. Вздохнув, он вернул ее мальчику. Глаза его увлажнились.

— Спасибо, Давид. Это прекрасное письмо, — сказал он тихо. — И я верю, что однажды ты это сделаешь. Ты придешь к нему со скрипкой наготове и проведешь смычком по струнам, чтобы рассказать, какой прекрасный мир ты здесь открыл.

— Да, сэр, — просто сказал Давид. И вдруг просиял:

— А теперь я всегда нахожу мир прекрасным, потому что не считаю часы, которые мне не нравятся.

— Ты не хочешь этого делать? О, я помню, — отозвался мистер Джек, и лицо его быстро переменялось.

— Да, как солнечные часы там, где живет моя Госпожа Роз.

— Джек, что такое солнечные часы? — с любопытством вмешалась Джилл.

Джек повернулся к ней, словно ощутив облегчение.

— Привет, девчоночка, ты здесь? И ни слова не сказала? Спроси у Давида. Он расскажет, что такое солнечные часы. Знаете, идите-ка вы на веранду. Мне надо... немного поработать. Да и солнце вышло, видите? Вон оно, за деревьями. Вышло только, чтобы сказать «спокойной ночи». Бегите, живо! — и он игриво выпроводил их из комнаты.

Оставшись в одиночестве, он сел за стол. Работа лежала перед ним, но Джек не брался за нее. Он сидел неподвижно и смотрел на золотые вершины башен «Солнечного холма» — до самых сумерек, когда башни стали серо-белыми. Затем взял карандаш и принялся яростно писать. Но когда Давид сошел с веранды, Джек подошел к окну и весело окликнул гостя:

— Запомни, мальчик, если мне вновь станет досаждать какая-нибудь нота, я пошлю за тобой.

— Он и так придет. Я пригласила, — заявила Джилл.

И Давид с радостным смехом ответил:

— Приду, конечно!

Глава XIV

Окно в башне

Если мысли постоянно уносят вас в некое место, не стоит думать, что за ними при возможности не последуют ноги. А у Давида такая возможность была, поэтому он отправился на поиски Госпожи Роз.

Однажды в четыре часа пополудни он двинулся в путь по твердой белой дороге, держа скрипку под мышкой, и дошел до тенистой тропы, ведущей в сад. Он решил, что пойдет точно так же, как в прошлый раз. Соответственно, мальчик ждал, что, как и в тот раз, Госпожа Роз будет сидеть с книгой под розовыми кустами. Однако, к его величайшему удивлению и разочарованию, в саду никого не было.

Он сказал себе, что пришел ради солнечных часов, роз и пруда со сверкающей водой,

но на самом деле знал, что искал здесь ее — свою Госпожу Роз. Давид даже не стал играть, хотя все кругом было исполнено красоты, которая так очаровала его в первый раз. Очень медленно он пересек пустое, залитое солнцем пространство и вышел на дорожку, ведущую к дому. Не имея определенного плана, он просто шел и шел, пока не добрался до обширных газонов, окружавших дом. Там он остановился, завороченный открывшимся видом.

Вознося ввысь ряды камней, грандиозное здание поднималось к небу, превращаясь в четко прорисованный силуэт на фоне яркой синевы. Отсюда башни выглядели еще прекраснее, чем издалека, над вершинами деревьев. Откуда-то доносились звуки музыки — странной музыки, какой он никогда не слышал. Он напряжено прислушался, пытаясь понять, откуда они шли, а затем медленно пересек газон и поднялся по величественным ступеням. Узкие ширмы-дверцы защищали распахнутые окна, доходившие до пола. Мальчик открыл дверцу и шагнул в комнату.

Оказавшись внутри, Давид ахнул от восторга. Под ногами он ощутил бархатную мягкость лесного мха. Над головой увидел подобный небу голубой балдахин с пушисты-

ми облаками, на которых парили бело-розовые крылатые младенцы — именно так, как часто мечтал он сам. Со всех сторон блестящие портьеры, подобные зелени вьющихся лоз, наполовину закрывали другие портьеры из перистых кружев, похожих на падающий снег. Зеркала на стенах ловили свет и отражали папоротник и пальмы в горшках, так что Давиду повсюду открывались чудесные перспективы — словно длинные, пестрящие солнечными бликами проходы между высокими соснами у его горного дома.

Музыка, которую услышал Давид, давно уже прекратилось, но мальчик этого не заметил. Теперь он в благоговении стоял в центре комнаты, дрожащий, но восхищенный. Затем откуда-то раздался голос — такой холодный, словно он проник сквозь гору льда.

— Ну, мальчик, когда закончишь осмотр, может, скажешь, чем я обязана на этот раз? — сказал голос.

Давид резко развернулся.

— О, Госпожа Роз, почему вы не сказали мне, что здесь — вот так?

— Ну, просто, — пробормотала госпожа, стоявшая в дверном проеме, — мне не приходило в голову, что это... необходимо.

— Но это было необходимо! Разве вы не понимаете? Здесь все совсем новое. Я в жизни не видел ничего подобного, а новое мне очень нравится, ведь благодаря ему мне есть что играть!

— Есть что играть?

— Да — на скрипке, — объяснил Давид почти шепотом, тихо проверяя скрипку. — В ней всегда появляется что-то новое, — продолжал он быстро, подтянув одну из струн, — когда я вижу что-то новое кругом. А теперь послушайте! Понимаете, я и сам не знаю, что прозвучит, и мне всегда не терпится это выяснить. — И он начал играть с восторженным выражением лица.

— Послушай, мальчик, не надо! Ты... — но слова замерли на ее губах, и, к своему безмерному удивлению, мисс Барбара Холбрук, которая давно и безоговорочно решила отослать подальше настойчивого бродяжку, вдруг осознала, что слышит мелодию, неотразимую в ее звучной красоте, и по ее окончании не смогла ничего сказать.

Наступившую тишину нарушил мальчик:

— Ну вот, я же говорил, моя скрипка знает, что сказать!

— Что сказать! Да, а я на это не способна, — несколько истерично расхохоталась мисс Холбрук. — Мальчик, подойди сюда и расскажи мне, кто ты, — и она привела Давида к низкому диванчику в дальнем конце комнаты.

И прозвучала все та же история, которую мальчик на днях теми же словами рассказал Джеку и Джилл, но на этот раз Давид с восхищением рассматривал обстановку в комнате и чаще всего задерживал взгляд на арфе, которая стояла очень близко.

— Это оно играло музыку, которую я слышал? — сказал он нетерпеливо, когда вопросы мисс Холбрук иссякли, и появилась такая возможность. — У него есть струны.

— Да. Я играла, когда ты пришел, и видела, как ты проник через окно. Право же, Давид, ты что, привык вот так входить в чужие дома? Это очень смущает... их владельцев.

— Да... нет... ну, иногда, — Давид по-прежнему сводил глаз с арфы. — Госпожа Роз, пожалуйста, сыграйте еще... на этом!

— Давид, ты неисправим! Почему ты явился ко мне домой вот так?

— Музыка сказала: «Приди», и башни тоже. Видите ли, я знаю эти башни.

— Ты знаешь их!

— Да. Я вижу их из самых разных мест и все время наблюдаю за ними. Хотя лучше всего их видно из дома Джека и Джилл. А теперь, пожалуйста, сыграйте!

Мисс Холбрук почти уже поднялась, но вдруг резко повернулась к Давиду.

— Откуда? — спросила она.

— Из дома Джека и Джилл. Ну, «дома, который построил Джек», знаете.

— Ты имеешь в виду дом мистера Джона Гернси? — на щеках мисс Холбрук загорелся румянец.

— Да. Вон там, на холмике за ручьем, знаете. Отсюда их дома не видно, но из него мы отлично видели башни и маленькое окошко... О, Госпожа Роз, — он вдруг прервался, поскольку ему в голову пришла новая мысль, — если бы мы подошли к тому окошку, мы увидели бы их дом. Пойдемте наверх. Можно?

Хотя эта просьба была высказана весьма прямо, мисс Холбрук, очевидно, не услышала или не поняла ее. Она вновь, даже с какой-то решимостью, устроилась на диванчике. Щеки ее горели.

— А ты знаешь... этого мистера Джека? — спросила она небрежно.

— Да, и Джилл тоже. А вы что же, их не знаете? Мне они нравятся. Вы знаете их?

И вновь мисс Холбрук проигнорировала заданный вопрос.

— И ты вошел к ним без доклада и приглашения, как ко мне? — спросила она.

— Нет, он пригласил меня. Видите ли, он хотел помочь мне немного очиститься от грязи и крови, пока другие не увидели.

— От грязи и... что ты имеешь в виду, Давид? Это был... несчастный случай?

Давид нахмурился и поразмыслил, прежде чем ответить.

— Нет, я сделал это намеренно. Понимаете, мне пришлось это сделать, — наконец просветил он мисс Холбрук. — Но их было шестеро, так что мне порядком досталось.

— Давид! — в голосе мисс Холбрук звучал настоящий ужас. — Ты же не хочешь сказать, что подрался!

— Да, мэм. Мне нужна была кошка... и я ее получил, но если бы не подоспел мистер Джек, у меня бы не вышло.

— О! Так, значит, мистер Джек тоже... подрался?

— Ну, он оттащил других, и, конечно, это мне помогло, — правдиво объяснил Давид. —

А потом он пригласил меня домой — он и Джилл.

— Джилл! Она тоже в этом участвовала?

— Нет, только ее кошка. Ей надели на голову мешок, а к хвосту привязали жестянку, и, конечно, я не мог так это оставить. Кошке было больно. А сейчас, Госпожа Роз, сыграйте еще, пожалуйста!

Мисс Холбрук молчала, рассматривая Давида со странным выражением глаз. Наконец, она протяжно вздохнула.

— Давид, ты переходишь все границы, — выдохнула она, поднялась и села перед арфой.

Игра привела Давида в явный восторг. Когда она закончилась, мальчик взмолился о продолжении, но мисс Холбрук покачала головой. Казалось, ею овладело некое беспокойство, и она принялась расхаживать по комнате, привлекая внимание Давида к новым и новым предметам. Затем мисс Холбрук вдруг предложила подняться наверх. Она торопила мальчика, переходя из комнаты в комнату и едва обращая внимание на оживленные комментарии и еще более оживленные вопросы. Лишь когда они достигли самой верхней комнаты в башне, она устало

опустилась на стул и на секунду как бы успокоилась.

Давид с удивлением огляделся. Здесь был совершенно другой мир. Ни роскошных ковров, ни шелковых портьер, ни снежных занавесей — конечно, там были книги, но, кроме них, только простой низкий стол, корзинка для рукоделия и три-четыре стула с деревянными сиденьями, которые, однако, были весьма удобными. С растущим удивлением Давид посмотрел в глаза мисс Холбрук.

— Так это здесь вы сидите... весь день? — робко спросил он.

Лицо мисс Холбрук залилось ярким румянцем.

— Ну и вопрос, Давид! Конечно, нет! С чего ты это взял?

— Ни с чего, только я все время, пока был здесь, думал, как же вы могли сказать такое, когда внизу вас окружают эти прекрасные вещи.

— Что сказать? Когда?

— В тот раз, в саду — что все ваши часы лишены солнца. И сегодня я подумал, что вы живете здесь, прямо как миссис Холли — она не пользуется своими лучшими комнатами, и поэтому все ваши часы мрачны.

Мисс Холбрук резко поднялась.

— Чепуха, Давид! Не стоит запоминать все, что тебе говорят люди. Подойди, ты же еще не смотрел из окон. Мы в большей башне. С этой стороны Хинсдейл, а отсюда прекрасный вид на дальние горы. Ах да, с другой стороны — дом твоего друга мистера Джека. Кстати, как поживает мистер Джек? — задав этот вопрос, мисс Холбрук наклонилась, чтобы поднять с коврика кусок нитки.

Давид бросился к окну, выходящему в сторону «дома, который построил Джек». С высоты башни домик казался еще меньше. А еще он был в тени и выглядел странно одиноким и заброшенным. Давид сравнил это с только что увиденным великолепием и ответил дрогнувшим голосом:

— Он нездоров, Госпожа Роз, и несчастен. Ужасно несчастен.

Стройная фигура мисс Холбрук резко распрямилась.

— О чем ты, мальчик? Откуда ты знаешь, что он несчастен? Он сам тебе сказал?

— Нет, но миссис Холли рассказала мне о нем. Мистер Джек болен, а ведь он как раз нашел свою работу в большом мире, когда пришлось оставить ее и вернуться домой.

Но... о, скорее! Вот он — видите?

Вместо того, чтобы подойти, мисс Холбрук отпрянула в центр комнаты, но ее глаза были по-прежнему обращены в сторону домика.

— Да, вижу, — пробормотала она и выхватила платок из вытянутой руки Давида. — Нет-нет, я бы не стала махать, — торопливо запротестовала она. — Пойдем со мной вниз.

— Но я думал... я был уверен, что он смотрит сюда, — заверил Давид, неохотно отворачиваясь от окна. — А если бы он увидел, что я ему машу, он был бы очень рад, разве нет?

Ответа не последовала. Очевидно, Госпожа Роз не слышала его. Она уже спустилась вниз по лестнице.

Глава XV

Секреты

Давид хотел столько рассказать Джеку и Джилл, что отправился к ним прямо на следующий день после визита в «Солнечный холм». С собой он взял скрипку. Однако дома была только Джилл. Она сидела на ступенях веранды.

На сей раз дети уже не смущались так сильно — возможно, потому, что были на открытом воздухе, где Давид чувствовал себя свободнее. Однако, узнав, что мистера Джека нет дома, он явно разочаровался.

— Но я хотел с ним повидаться! По особому поводу, — посетовал он.

— Тогда лучше останься. Он вот-вот будет дома, — утешила его Джилл. — Ушел горшковать.

— Горшковать? Что это такое?

Джилл хохотнула.

— Ну, видишь ли, дело обстоит так: он кое-что продает, чтобы другие люди могли сварить это в горшке, и тогда нам тоже будет, что сварить в нашем горшке. Это овощи с огорода. Мы выращиваем их на продажу. Бедный Джек — он так это ненавидит!

Давид сочувственно кивнул.

— Я знаю — и, должно быть, это ужасно — все время мотыжить и полоть.

— Но он, конечно, понимает, что должен это делать, ведь так он проводит время на свежем воздухе, а ему просто необходимо постоянно быть на воздухе, — возразила девочка. — Он же болен, знаешь, а порой так несчастен! Но Джек не говорит об этом. Он вообще мало говорит — но по лицу видно, о чем думает. И я все знаю, и от этого... хочется плакать.

Услышав это, Давид в ужасе охнул, а Джилл тут же вскочила на ноги. Девочке вдруг пришло в голову, что она рассказала незнакомцу слишком много семейных секретов. Она тут же предложила сбежать с холма наперегонки, а потом, чтобы еще сильнее отвлечь Давида от недавнего предмета обсуждения, нарочно проиграла и объявила его победителем.

Однако очень скоро возникли новые осложнения в виде маленькой калитки, за ко-

торой шла тропа, в свою очередь, ведущая к мостику, переброшенному через ручеек.

Над деревьями с другой стороны виднелась самая высокая башня «Солнечного холма».

— Она ведет к Госпоже Роз! — радостно закричал Давид. — Пойдем посмотрим!

Девочка покачала головой.

— Не могу.

— Почему же?

— Джек мне не разрешит.

— Но тропинка ведет в прекрасное место. Я был там вчера, — заспорил Давид. — А еще я поднимался на башню и почти уже помахал мистеру Джеку, который был на веранде. Я видел его. Может, она позволит нам с тобой подняться туда и сегодня.

— Но я же сказала, не могу — несколько нетерпеливо повторила Джилл. — Джек не разрешает заходить сюда даже на шаг.

— Но почему? Может, он не знает, куда ведет тропа.

Джилл опустила голову, а потом вызывающе вскинула подбородок.

— О нет, он знает, ведь я сама ему сказала. Я ходила туда, когда была маленькой, а его здесь не было. А однажды, когда Джек уже переехал, я дошла до середины моста, но пришлось вер-

нуться. Он очень разозлился, но это было как-то... странно — лицо побелело и стало таким строгим, и губы сильно сжимались после каждого слова. Он сказал, что я никогда, никогда, никогда не должна входить в калитку.

Они повернули, чтобы подняться на холм. Давид хмурился. Он, не колеблясь, решил просветить мистера Джека, дабы разрешить это маленькое недоразумение. Он расскажет, что за прекрасное место этот «Солнечный холм» и попытается доказать, что ему с Джилл и даже самому мистеру Джеку желательно перейти мост при первой же возможности.

Брат Джилл довольно скоро вернулся домой, и Давид сразу позабыл об этом разговоре — главным образом потому, что мистер Джек достал скрипку и попросил мальчика сыграть с ним дуэтом. Однако дуэт скоро превратился в соло — мистер Джек пришел в такое восхищение от игры Давида, что начал выкладывать перед ним нотные листы один за другим, умоляя играть еще и еще.

Давид охотно продолжал. Он уже выучил большую часть этой музыки, когда жил в горном доме. Мелодии казались старыми друзьями, и мальчик был так рад вновь увидеть их ноты, что заканчивал каждое исполнение вос-

торженным приветствием в виде маленькой импровизированной каденции — к еще большему удивлению и восторгу мистера Джека.

— Вот это да! Давид, ты чудо! — наконец, воскликнул он.

— Ха! И ничего чудесного, — засмеялся мальчик. — Я это выучил сто лет назад, мистер Джек. Просто я был так рад снова увидеть их — эти ноты. Знаете, у меня теперь совсем нет нот. Все, что мы взяли, осталось в сумке. Но мы оставили ее на дороге.

— Оставили!

— Ну да, она был такая... тяжелая, — рассеянно пробормотал Давид, перебирая стопку нот, лежащую перед ним. — О, а вот и еще одна, — воскликнул он взволнованно. — Здесь ветер дует в ветвях сосен: «ууу — ууу». Послушайте!

И он снова умчался на крыльях скрипки. А когда вернулся, мистер Джек глубоко вздохнул.

— Давид, ты чудо, — вновь заявил он. — И эта твоя скрипка тоже чудо, если я не ошибаюсь, хотя мне не хватает знаний, чтобы сказать, действительно ли она ценная. Это скрипка твоего отца?

О нет. У него тоже была скрипка, и обе они хорошие. Папа так сказал. Теперь папина у Джо.

— У Джо?

— У Джо Гласпела.

— Ты же не о сыне вдовы Гласпел — слепом мальчике? Я не знал, что он умеет играть.

— Он и не умел, пока я не показал. Но ему нравится слушать, как я играю. И он все понял — я хочу сказать, сразу.

— Понял!

— Что я играл, знаете. И он был почти первым — с тех пор, как папа ушел. И теперь я играю каждый раз, когда прихожу к ним. Джо говорит, раньше он не знал, как на самом деле выглядят деревья, трава, закаты, восходы, птицы и ручейки, пока я не рассказал ему своей скрипкой. Теперь он думает, что знает их облик лучше меня, потому что, раз его внешние глаза слепы, он не видит все эти уродливые вещи вокруг и может сделать так, чтобы внутренние глаза смотрели только на прекрасные вещи, которые ему нравятся. Так и бывает, когда я играю. Поэтому я сказал вам, что он понял.

Они немного помолчали. Мистер Джек посмотрел в лицо Давиду, и в глазах его появилось странное выражение. Внезапно он заговорил:

— Давид, жаль, что у меня нет денег. Тогда я отправил бы тебя в подходящее место, — вздохнул он.

— Вы хотите сказать, в место, где я бы смог найти свою работу? — тихо спросил мальчик.

— Ну... да, так тоже можно сказать, — улыбнулся мужчина, слегка поколебавшись, — мистер Джек еще не вполне привык к мальчику, который временами был настолько не-мальчиком.

— Папа сказал, что работа ждет меня... где-то.

Мистер Джек задумчиво нахмурился.

— И он был прав, Давид. Но проблема в том, что нам очень нравится самим выбирать ее... Даже слишком нравится... и порой мы понимаем это, когда приходится заниматься совсем другим.

— Я знаю, мистер Джек, знаю, — выдохнул Давид. И мужчина, глядя в сияющие темные глаза, попытался понять, что скрывалось в их глубине. Почти казалось, что мальчик на самом деле понимал разочарование его жизни — и что Давиду это было не безразлично, а этого, конечно же, быть не могло!

— И тогда еще труднее не фальшивить и играть в лад? — с некоторой задумчивостью продолжал Давид.

— В лад?

— Со всем Оркестром.

— О! — и мистер Джек, который уже слышал об «Оркестре жизни» немного грустно улыбнулся. — В том-то и дело, мальчик мой. И если нам дают другой инструмент — не тот, на котором мы хотим играть — мы скорее... станем играть диссонансы. По крайней мере, у меня так. Но, — продолжал он уже веселее, — в твоём случае, Давид, хотя я не большой знаток игры на скрипке, даже мне видно, что тебе надо быть там, где ты сможешь дальше учиться, слушать хорошую музыку и жить среди тех, кто знает достаточно и способен оценить твои возможности.

Глаза Давида засверкали.

— И где не надо будет полоть и мотыжить грязь?

— Надо же, я и не подумал включить в программу такое времяпровождение.

— Ой, мне бы это понравилось, мистер Джек! Но такое нельзя назвать работой, значит, папа явно имел в виду что-то другое.

Лицо Давида потемнело.

— Хм-м, ну, я бы не стал беспокоиться о «работе», — засмеялся мистер Джек, — в особенности потому, что ты не сможешь уехать прямо сейчас. Нужны деньги, понимаешь, а у нас их нет.

— Для этого нужны деньги?

— О да. Здесь, в Хинсдейле, всего этого нет, а чтобы уехать и жить в новом месте, нужны деньги.

Лицо Давида внезапно преобразилось.

— Мистер Джек, а золото подошло бы? Много круглых монеток?

— Думаю, да, Давид, если бы их хватило.

— Сотни хватило бы?

— Конечно, будь они достаточно большие. Так или иначе, Давид, их хватило бы для начала, а я думаю, если бы ты только начал, очень скоро ты стал бы сам чеканить золотые монеты вот этой твоей скрипкой. Но почему ты спрашиваешь? Ты знаешь того, кто готов избавиться от сотни «круглых монеток»?

Давид, чьи восторженные мысли устремились к золотым монетам, спрятанным в ящике у камина в его комнатке, был почти готов рассказать свой секрет. Но тут он вспомнил о женщине с хлебом и ведерком молока — и решил воздержаться. Он подождет. Когда он лучше узнает мистера Джека, то, возможно, скажет ему, но не сейчас. Сейчас мистер Джек может решить, что он вор, а этого он не вынесет. Поэтому Давид подхватил скрипку и начал играть, и мистер Джек, очарованный

музыкой, кажется, забыл о золотых монетах, чего как раз и добивался мальчик.

Только когда Давид попрощался, он вспомнил о цели — особой цели своего прихода. Он обернулся с сияющим лицом.

— Да, мистер Джек, почти забыл! — воскликнул он. — Я же хотел вам сказать — я видел вас вчера, да... и почти помахал вам!

— Правда? Где же ты был?

— Вон там, у окна! У окна башни! — ликующе провозгласил Давид.

— Значит, я полагаю, ты снова ходил проводить мисс Холбрук.

Голос мужчины стал странно холодным и отстраненным, что Давид сразу же заметил. Это вдруг напомнило ему о воротах и мостике, по которому Джилл запретили переходить, но он не решился заговорить о них, потому что вид мистера Джека совсем к этому не располагал.

— Но, мистер Джек, это такое прекрасное место! Ох, вы и не знаете, насколько оно прекрасно.

— Неужели? Значит, оно тебе так нравится?

— Да, очень! Но разве вы... никогда его не видели?

— Ну почему, полагаю, я его видел, Давид, но очень давно, — пробормотал мистер Джек с поразившим Давида безразличием.

— А вы видели ее — мою Госпожу Роз?

— Н-ну да... думаю, да.

— И это все, что вы помните? — негодуя-ще спросил оскорбленный Давид.

Мужчина хохотнул — и Давиду не понравился этот короткий и натужный смешок.

— Но, позволь узнать, ведь ты же почти помахал мне, правда? А почему все же не стал? — спросил мужчина.

Давид вдруг выпрямился. Он инстинктивно почувствовал, что Госпожа Роз нуждается в защите.

— Потому что она этого не захотела, так что я, конечно, послушался, — отвечал он с достоинством. — Она забрала мой платок.

— Я в этом не сомневался, — сквозь зубы пробормотал мужчина. И снова громко смеялся, отворачиваясь.

Давид принялся спускаться по ступенькам, смутно недовольный собой, мистером Джеком и даже Госпожой Роз.

Глава XVI

Воздушные замки Давида

Вернувшись из «дома, который построил Джек», Давид решил сосчитать золотые монеты. Мальчик извлек их из-за книг, разложил рядками. Как он и полагал, их было сто. Точнее, сто шесть. Это порадовало Давида. Ста шести определенно хватило бы «для начала».

Давид закрыл глаза и вообразил, как это могло бы быть. Вновь учиться скрипке, слушать хорошую музыку, быть с людьми, понимающими, что он говорит, когда играет! Вот что значит «начало» — так сказал мистер Джек. И золото — круглые сияющие монетки — могло принести ему все это! Давид собрал маленькие кучки в звенящую горку, вскочил, сжимая в обеих руках богатство, которое вдруг так полюбил, и принялся выделывать

озорные коленца, весело звеня монетами. Потом он сделался очень серьезным, снова сел и принялся собирать золото, чтоб спрятать.

Он будет мудрым и разумным. Он подождет, пока настанет подходящий момент, и тогда уедет. Но сначала расскажет об этом мистеру Джеку и Джо, и Госпоже Роз, и семье Холли. Только сейчас у него, кажется, есть настоящая работа, и, делая ее, можно помочь мистеру Холли. Но потом — например, когда наступит сентябрь и настанет пора идти в школу — ему говорили, что это необходимо — он расскажет им обо всем и вместо школы уедет. Он еще подумает. Тогда ему, наверное, уже поверят и не подумают, что он украл это золото. Теперь август, так что он подождет. Но пока уже можно вообразить — всегда можно вообразить чудесные вещи, которые в один прекрасный день принесет ему золото.

Даже работа теперь не казалось Давиду трудной. Утром он должен был собирать граблями сено, следуя за работником с тачкой. Вчера ему это не очень понравилось, но сейчас... сейчас ничего не имело значения. Довольно вздохнув, Давид снова спрятал драгоценное золото за книгами в шкафу.

На следующее утро мальчик обнаружил в своей скрипке новую песню. Конечно, он не мог ее сыграть — точнее, почти не мог, пока не пришло четыре часа пополудни, потому что мистер Холли не любил игру на скрипке по утрам даже в дни, не принадлежавшие только Господу. Слишком уж много было работы. Давид мог сыграть всего несколько нот — очень-очень тихо, но и этого хватило, чтобы понять, какая это будет прекрасная песня. И мальчик с самого начала знал, о чем она расскажет: о золотых монетах и о будущем, которое они принесут. Весь день дразнящая мелодия кружилась у него в голове и, танцуя, ускользала. Однако Давид был безоблачно счастлив, и, несмотря на жару и усталость, день прошел очень быстро.

В четыре часа он поторопился домой и быстро настроил скрипку. Тогда она и пришла — танцующая, дразнящая фея — и радостно сдалась на милость скрипичных струн, чтобы Давид в точности узнал, как чудесна эта мелодия.

На следующий день песня послала его к Госпоже Роз. На сей раз мальчик нашел ее у дверей сада. Как всегда, не церемонясь, он сразу же обрушил на нее поток слов:

— О, Госпожа, Госпожа Роз, — я все выяснил и пришел, чтобы рассказать вам.

— Что такое, Давид? О чем ты? — мисс Холбрук была явно сбита с толку.

— О часах, ну, вы знаете — о безоблачных часах. — Вы сказали, что у вас они все пасмурные.

Лицо мисс Холбрук побелело.

— Ты хочешь сказать, что выяснил, почему они все... все пасмурные? — спросила она, запнувшись.

— Нет, о нет, этого я и вообразить не могу, — заверил ее Давид, энергично замотав головой. — Просто я понял, как сделать все свои часы солнечными, и вы тоже так можете. Вот и пришел.

— О, — воскликнула мисс Холбрук, и довольно строго сказала:

— Давид! Разве я не просила тебя не вспоминать об этом на каждом шагу?

— Да, я помню, но я кое-чему научился, — настаивал мальчик, — и вам тоже стоит это знать. Понимаете, я правда как-то раз подумал, что среди прекрасных вещей все ваши часы должны быть солнечными. Но теперь я знаю: главное не то, что вокруг, а то, что внутри!

— Ох, Давид, Давид, какой же ты любопытный!

— Но так оно и есть! Дайте, я вам расскажу, — взмолился Давид. — Вы знаете, что мне не нравилось, как я проводил время, пока не наступало четыре, и когда я увидел солнечные часы, очень обрадовался, ведь оказалось, что все это время не считается. Но сегодня они все считались — все, Госпожа Роз! Что-то светило во мне, и от этого все они стали солнечными!

— Поразительно! И что же это было за чудо?

Давид улыбнулся и покачал головой.

— Пока я не могу этого вам сказать словами, но я сыграю. Понимаете, я не всегда могу два раза сыграть песенку из тех, что приходят сами, но именно эту — могу. Она очень долго звучала в моей голове, пока у скрипки не было возможности рассказать мне, что это за песенка, и я вроде как ее выучил. Послушайте! — и он начал играть.

Мелодия действительно была прекрасна, и мисс Холбрук сразу же с готовностью это признала. Но Давид продолжал хмуриться.

— Да, да, — ответил он, — но разве вы не видите? Она рассказывала, как что-то внутри

меня сделало все мои часы солнечными. То есть вам тоже нужно найти внутри себя такое, чтобы и ваши тоже осветились. Разве вы не понимаете?

В глазах мисс Холбрук появилось странное выражение.

— Хорошо, что ты сказал мне об этом, Давид, но, знаешь, ты пока не объяснил мне, что же так ярко тебе светит.

Мальчик переменил позу и еще сильнее нахмурился.

— Кажется, я объясняю непонятно, — вздохнул он. — Я не имею в виду ничего особенного. Просто существует что-то. И когда я о нем думаю, у меня получается. Мое «что-то» не сделает ваши часы солнечными, но все же... — мальчик прервался, и в его взгляде появилось счастливое облегчение, — ваше может быть кое в чем похоже на мое. Я представляю, что скоро со мной случится нечто прекрасное. И вы тоже можете так — думать о прекрасном, которое случится с вами.

Мисс Холбрук улыбнулась, но одними губами. Глаза ее потемнели.

— Со мной не случится ничего «прекрасного», — возразила она.

— Но разве не могло бы?

Мисс Холбрук закусил губу, а затем издала странный смешок. Казалось, не случайно ее щеки в тот же момент залились румянцем.

— Когда-то я думала, что это... возможно, — признала она, — но я давно оставила эти мысли. Ничего... не случилось.

— Но вы же просто могли это представить! — настаивал мальчик. — Знаете, вчера я выяснил, что все дело в воображении. Весь день я представлял — только представлял. И ничего такого не делал — просто собирал граблями сено за тележкой, но все мои часы были солнечными.

Теперь мисс Холбрук откровенно рассмеялась.

— Что же ты за упрямец! Маленький психолог-проповедник! — воскликнула она. — И в твоих словах есть доля правды — даже больше, чем ты сам думаешь. Но я не могу, Давид, — это мне недоступно. Чтобы это произошло, нужно больше, чем воображение, — добавила она шепотом, словно самой себе.

— Но воображение может многое, — серьезно сказал Давид. — Вот Джо — Джо Гласпел. Его мама все время на работе, а сам он слепой.

— Слепой? О-ох! — содрогнулась мисс Холбрук.

— Да, и ему приходится сидеть в одиночестве, если не считать Бетти, а та редко бывает дома. Он все для себя воображает. Ему приходится, потому что он ничего не видит обычными глазами. Но он все видит внутренним взглядом — все, что я играю. Да, Госпожа Роз, он даже видел все, что есть здесь. Я рассказал ему, знаете, сразу после того, как нашел вас в первый раз — о больших деревьях и длинных тенях на траве, о розах, блестящей воде и прекрасных мраморных людях, которые подглядывают из-за зеленых листьев, и о солнечных часах, и о том, как вы, такая красивая, сидите здесь посреди этих чудес. И потом я это ему сыграл, а он сказал, что очень ясно все увидел! И только внутренним взглядом! А уж если Джо, запертый в темной комнатухе, может мыслями ощутить эту красоту, я склонен думать, что вы в этом чудесном, чудесном месте можете мысленно ощутить все-все, что только захотите.

Но мисс Холбрук вновь вздохнула и покачала головой.

— Только не это, Давид, не это, — прошептала она. — Чтобы почувствовать это, нужны не просто мысли.

Потом, резко сменив тон, она воскликнула:

— Ну же, давай не будем больше беспокоиться о моих часах! Лучше поговорим о твоих. Расскажи, что ты делал все это время после нашей встречи? Может, ты опять... навещал мистера Джека, например.

— Да, но до последнего раза в основном разговаривал с Джилл.

Давид замялся, а потом выпалил:

— Госпожа Роз, вы знаете о мостике и о калитке?

Мисс Холбрук быстро подняла взгляд.

— Что я знаю, Давид?

— Знаете, что они там есть?

— Ну... да, конечно. Если ты говоришь о мостике через ручей у подножия вон того холма.

— Да, я о нем, — и вновь Давид замялся, а потом выложил все, что его беспокоило. — Госпожа Роз, а вы когда-нибудь... переходили по мостику?

Мисс Холбрук спокойно заерзала.

— В последнее время нет.

— Но вы не возражаете, если другие по нему переходят?

— Конечно, нет — если они делают это по собственному желанию.

— Вот! Я знал, что это не ваша вина, — торжествуя заключил Давид.

— Моя вина!

— Да, в том, что мистер Джек не разрешил Джилл его переходить, знаете. Когда однажды она дошла до половины, он ее отозвал.

Лицо мисс Холбрук лишилось красок.

— Но я, конечно же, возражаю, если переходят против своей воли! Не забывай об этом, пожалуйста.

— Но Джилл хотела.

— А что же ее брат? Он хотел, чтобы она это сделала?

— Н-нет.

— Что ж, чудесно. Значит, и я этого не хотела.

Давид нахмурился. Похоже, у его возлюбленной Госпожи Роз еще никогда не было такого выражения лица. Он вспомнил, что Джилл говорила о Джеке: «Лицо побелело и стало таким строгим, и губы сильно сжимались после каждого слова». Лицо мисс Холбрук выглядело точно так же, и точно так же губы ее сильно сжимались после каждого слова. Давид не понял этой перемены. Больше он ничего не сказал, но, как это обычно бывало, когда он чувствовал себя сбитым с

толку, взял скрипку и начал играть. И пока он играл, в глазах мисс Холбрук вновь появилось мягкое сияние, а ее губы чуть-чуть расслабились. Однако ни мистер Джек, ни мостик в тот день больше не упоминались.

Глава XVII

«Принцесса и нищий»

Мистер Джек приступил к истории, когда сумерки только начали сгущаться. Они с Джилл и Джеком были на веранде и по обыкновению наблюдали, как башни «Солнечного холма» превращаются из золотых в серебряные, пока солнце опускается за холмы. Рассказать историю попросила Джилл.

— О феях и принцессах, ну, ты знаешь, — сказала она.

— Но понравится ли это Давиду? — усомнился мистер Джек. — Может, ему не очень интересны феи и принцессы.

— Я читал одну книгу про принца — она называлась «Принц и нищий». Мне понравилось, — решительно заверил Давид.

Мистер Джек улыбнулся. А потом нахмурил брови, не отводя глаз от башен.

— Хм, хорошо, — сказал он. — Полагаю, я мог бы рассказать вам историю о принцессе и нищем. Я... неплохо знаю одну такую.

— Хорошо! — хором воскликнули Джилл и Давид. И мистер Джек начал свою историю.

— Она не всегда была принцессой, а он не всегда был нищим, и, полагаю, в те времена и началась эта история, — вздохнул мужчина. — Когда-то она была просто девочкой, а он — просто мальчиком. Дети вместе играли и... нравились друг другу. Мальчик жил в маленьком домике на холме.

— В таком, как этот? — спросила Джилл.

— А? О... э-э... да, он был довольно похож на этот, — ответил мистер Джек со странной полуулыбкой. — А она жила в другом домишке, в городке далеко-далеко от мальчика.

— Так как же они могли играть вместе? — поинтересовался Давид.

— Всегда не могли. Это было только летом, когда девочка приезжала в городок мальчика. Тогда она оказывалась очень близко, потому что старая тетя, которую она навещала, жила в большом каменном доме с башнями на другом холме — прямо напротив дома мальчика.

— С такими же башнями, как у дома Госпожи Роз? — спросил Давид.

— А? Что? О... э-э... да, — пробормотал мистер Джек. — Скажем, башни были довольно похожи на вон те.

Он сделал паузу, а потом задумчиво продолжал:

— Обычно девочка подавала сигнал из башенного окна. Один взмах платком означал «я приду», а два, с небольшой паузой — «приходи ко мне». Так что мальчик всегда ждал, не последует ли за первым взмахом второй. Так он узнавал, будет ли сегодня гостем или хозяином. Сигналы подавалась всегда в восемь часов утра, и мальчик с большим нетерпением ждал их все лето, пока девочка была в городке.

— Что же, они виделись каждое утро? — спросила Джилл.

— Нет, иногда у девочки были дела. Случалось, тетя хотела, чтобы она сопровождала ее куда-то, или в гости приезжали кузены, которых девочка должна была развлекать. Ей было известно, что мальчику не нравилось делить ее внимание с другими посетителями, поэтому в такие дни она его не звала. Иногда она все же бежала на башню в восемь утра,

чтобы помахать три раза — и это значило «мертвый день». То есть мальчик всегда ждал, не будет ли после первого и второго взмахов третьего, которого он так боялся, и только тогда мог вздохнуть с облегчением.

— Сдается мне, — заметил Давид, — что это было какое-то одностороннее общение. А мальчик отвечал что-нибудь?

— О да, — улыбнулся мистер Джек. — Но, как вы помните, у мальчика не было башни, чтобы с нее махать — только маленькая терраса, пристроенная к крошечному домику. Но мальчик наспех соорудил шест и попросил маму сделать два флажка — красный и синий. Красный означал «хорошо», а синий — «надо работать». Он поднимал их в ответ на знаки «я зайду» или «приходи ко мне». Как видите, иногда «мертвый день» случался из-за мальчика, если ему надо было работать. И, кстати, возможно, вам будет интересно узнать, что спустя какое-то время он придумал использовать третий флаг в ответ на три взмаха ее платка. Мальчик нашел старый отцовский носовой платок из черного шелка и сделал из него флаг. Он сказал девочке, что этот флаг означает «мое сердце разбито» и является знаком глубочайшего траура. Девоч-

ка рассмеялось, лукаво наклонила голову и сказала: «Пф-ф! Как будто тебе не все равно!». Но мальчик стойко стоял на своем — наверное, именно поэтому девочка сыграла над ним шутку.

В то лето мальчику было четырнадцать, а девочке — тринадцать. Они начали обмениваться знаками много лет назад, а черного флага не было уже очень давно. В тот день, о котором я хочу рассказать, девочка махнула три раза, что, как вы помните, означало «мертвый день», и смотрела во все глаза, пока мальчик не выставил в ответ черный флаг, означающий «мое сердце разбито». А потом она бросилась вниз и взлетела на горку напротив так быстро, как только могли бежать ее озорные ножки. Тщательно скрываясь, она приближалась к дому мальчика, пока не застигла его корпящим над головоломкой на заднем склоне — он разгадывал ее, весело посвистывая.

Как же она его дразнила! Как изводила его, говоря: «Ах, и правда, его сердце разбито — послушайте, как посвистывает!». Напрасно он краснел и заикался, и протестовал, утверждая, что свистом пытался поднять себе настроение. Девочка только смеялась, и ее

светлые локоны весело прыгали. А потом отыскала где-то маленькие колокольчики, привязала их к черному траурному знамени и подняла его на шест. В следующую секунду она ускакала, нахально помахав рукой, а мальчику пришлось в полном одиночестве целый час распутывать узлы на поруганном траурном флаге.

И все же они были замечательными друзьями — эти мальчик с девочкой. С самого начала, когда им было семь и восемь лет, они пообещали друг другу, что поженятся, как только вырастут, и всегда говорили об этом как о решенном деле, строя радостные планы на будущее. Конечно, чем старше они становились, тем реже об этом упоминалось, но, по крайней мере, мальчик полагал — если вообще задумывался об этом — что все давно определено и разговоры вовсе не нужны.

— А что же думала девочка? — на этот раз вопрос задала Джилл.

— А? Девочка? О, боюсь, я не могу точно сказать, — ответил мистер Джек с некоторым раздражением. — Но, судя по тому, что было дальше, у нее было другое мнение.

— А что же было дальше?

— Ну, для начала надо сказать, что старая тетушка умерла. Девочке тогда было шестнадцать. Это случилось зимой, и она была далеко в своей школе. Тем не менее девочка приехала на похороны, но мальчику удалось увидеть ее лишь издалека — в черном платье и шляпе она выглядела очень странно, почти неузнаваемо. Она пробыла в городке всего два дня, и, хотя мальчик задумчиво созерцал серую башню, конечно, он понимал: девочка не могла подать сигнал в такое время. Но все же он надеялся, даже почти верил, что она помашет два раза в последний день и позволит навестить ее.

Но она не помахала, и он не пришел. Она уехала. А потом в городке узнали удивительную вещь. Пожилая дама, тетушка девочки, которую считали просто обеспеченной, оказалась владелицей почти сказочного состояния — у нее было очень много акций Западного рудника, где вдруг обнаружили огромную золотую жилу. И все это она завещала девочке. Конечно, именно тогда девочка стала принцессой, но мальчик еще не понял этого. Для него она оставалась просто «девочкой».

Три года он ее не видел. До него доходили вести о том, что она уехала учиться или путе-

шествовала за границей. Он тоже учился и уже был готов поступить в колледж. А потом как-то летом он узнал, что девушка возвращается в свой старый дом, и сердце его запело. Конечно, юноша понимал, что она уже не была маленькой девочкой, которая обещала выйти за него замуж, но был уверен: она осталась его веселой подругой, той же честной и открытой девушкой, что искренне улыбалась ему. И он был готов бороться за ее руку и сердце. Как видите, он забыл, совсем забыл о принцессе и ее деньгах. Каким же глупцом он был!

Итак, он радостно достал свои флаги и, в один прекрасный день, когда матери не было на кухне, тщательно отгладил, чтобы можно было поднять их на шесте. Он будет готов, когда девушка помашет — а она, конечно же, помашет. Он покажет ей, что не забыл. Юноша словно наяву видел, как засияют ее глаза, и как вокруг носа появятся озорные морщинки, когда она приготовится помахать ему. Он воображал, что она захочет застать его врасплох, чтобы он, суетясь, побежал за своими флагами.

Но он ей покажет! Как будто девчонка сможет побить его в этой старой игре. Он гадал, что же это будет: «я зайду» или «прихо-

ди ко мне». Что бы это ни было, он, конечно же, ответит красным — «хорошо». Однако было бы весело подшутить над ней — выставить синий флаг «надо работать», а потом украдкой прибежать ее проведать — так же, как она сама так давно подшутила над ним. Но все же он подумал, что красный флаг будет лучше. Достав свои флаги, именно его он положил так, чтобы он всегда был под рукой.

Наконец она приехала. Он сразу же узнал об этом. Было уже больше четырех часов, но все же он не мог удержаться и не смотреть на башню. Помахать в тот самый вечер, когда он задремлет, — о, это вполне в ее духе, думал юноша. Однако она не помахала. В этом не было сомнений, ведь юноша смотрел на башню до самой темноты.

На следующее утро, задолго до восьми, юноша был готов. Он поразмыслил, стоит ли выйти наружу, на террасу, или лучше спрятаться за ставнями, между которыми все равно была видна башня. Наконец, он решил, что лучше не показываться. Он сразу бросится наружу, как только заметит сигнал.

Восемь часов наступили и прошли. Юноша ждал до девяти, но на башне не подавали

признаков жизни. Тогда юноша рассердился — на самого себя. Он назвал себя глупцом — в самом деле, зачем было прятаться? Конечно, она не могла помахать ему, ведь его не было видно. Как же он мог забыть! Целый драгоценный день прошел впустую!

На следующий день задолго до восьми юноша стоял на террасе на самом виду. И, как в прошлый раз, он ждал до девяти. И, как прежде, в окне башне не было видно никаких признаков жизни. На следующее утро он снова был там — и через одно, и через два утра. Понадобилось пять раз, чтобы юноша убедился: девушка и не думала махать ему.

— Как это грубо с ее стороны! — воскликнул Давид.

— Нисколько она не милая! — заключила Джилл.

— Вы забываете, что она была принцессой, — сказал мистер Джек.

— Ха! — хором отреагировали Джилл и Давид.

— А юноша тогда вспомнил, — продолжал мистер Джек после паузы, — о деньгах и о том, что она была принцессой. И, конечно, он понял, когда обдумал все это — нельзя было ждать от принцессы, что она будет ма-

хоть ему платком, как обычная девушка. Кроме того, вероятно, она и не думала, что хорошо бы с ним повидаться. Ведь принцессы многое забывают — у них столько, столько всего в жизни происходит. Потому-то он и не пошел к ней сам. К тому же, в конце концов, если бы она действительно хотела его увидеть, то могла бы подать знак.

Однако пришел день, когда другой молодой человек, не решавшийся нанести визит в одиночку, убедил юношу пойти вместе. И тогда наш герой понял очень многие вещи. Он увидел принцессу — от девочки не осталось и следа. Принцесса оказалась высокой и величавой. Ее маленькая рука была холодной, а голос — ровным и приятным. Ни открытой улыбки в глазах, ни озорных морщинок вокруг носа. Башни и флаги не упоминались, и о детском обычае махать друг другу платком не было сказано не слова. Они вели очень вежливую беседу о колледжах и путешествиях, а также обронили пару фраз о книгах и пьесах. Потом визитеры отправились домой. По дороге юноша горько улыбался сам себе. Он пытался вообразить, как это прелестное виденье — неприступная принцесса в летящем кружевном платье — стоит у башенного окна и машет,

машет кому-то в домишке на противоположном холме. Как будто такое могло случиться!

В последние три года в жизни юноши были одни книги. Он мало что знал о девушках — в его жизни была всего одна — и еще меньше он знал о принцессах. Поэтому, когда через три дня после визита у него появилась возможность отправиться путешествовать с человеком, который любил книги даже больше самого юноши, он с радостью ею воспользовался. Когда-то он отказался от этого самого путешествия, но только из-за девушки. Теперь же осталась только принцесса — а принцесса не считалась.

— Как пасмурные часы, — прокомментировал Давид.

— Да, — подтвердил мистер Джек, — Как часы, когда солнце закрыто тучами.

— А потом? — спросила Джилл.

— А потом... не случилось ничего, достойного упоминания, — мрачно заключил мистер Джек. — Прошло еще два года, и принцессе исполнился двадцать один. Она достигла совершеннолетия и вступила в полное владение своей собственностью. Спустя какое-то время она вернулась в старый каменный дом с башнями и превратила его в волшебное царство.

Деньги лились рекой. Явились художники всех мастей, от мастера по росписи потолков до искусного садовника. Со всех уголков земли она привозила сокровища и щедро наполняла ими дом и поместье. И каждое лето приезжала, чтобы жить среди этих сокровищ, потому что была настоящей принцессой.

— А юноша? Что стало с юношей? — спросил Давид. — Разве он больше не виделся с принцессой?

Мистер Джек покачал головой.

— Не слишком часто, Давид. И даже когда виделся, не становился... счастливее. Дело в том, что он стал нищим — не забывай об этом.

— Но он не был нищим в последний раз.

— Правда? Что же, тогда я расскажу. Видишь ли, юноша, хотя и уехал, вскоре понял, что в глубине души считает принцессу той же самой девушкой. Он любил ее и хотел взять в жены, поэтому ненадолго — очень ненадолго — впал в настоящее безумие, полагая, что сможет учиться, работать и вершить великие дела, пока сам не станет принцем и не женится тогда на принцессе.

— А он не смог?

— Нет. Начнем с того, что он утратил здоровье. А потом, далеко в домике на холме,

кое-что случилось — и к нему перешла важнейшая обязанность. Пришлось вернуться, чтобы ее выполнять, а заодно попытаться выяснить, сможет ли он вернуть утраченное здоровье. Вот и все.

— Все! Ты же не хочешь сказать, что это конец! — воскликнула Джилл.

— Это конец.

— Но он нисколько не хороший, — пожаловался Давид. — В сказках всегда женятся, чтобы жить-поживать и добра наживать.

— Правда? — мистер Джек немного грустно улыбнулся. — Наверное, так и происходит, Давид, — в сказках.

— А почему в этой не так?

— Боюсь, это невозможно.

— Почему он не может пойти к ней и попросить ее руки?

Мистер Джек гордо выпрямился.

— Нищий — принцессу? Никогда! Нищие не ходят к принцессам, Давид, и не говорят: «Я люблю тебя».

Давид нахмурился.

— Почему нет? Не понимаю, почему — если им этого хочется. Думаю, можно что-нибудь сделать.

— Нет, нельзя, — ответил мистер Джек, глядя на башни, венчающие холм напротив, — нельзя, потому что перед глазами нищего всегда эти серые стены, за которыми он представляет принцессу среди ее драгоценной роскоши.

Ни Давиду, ни Джилл не показался странным этот переход к настоящему времени, потому что это история казалась им абсолютно реальной.

— Ну, как бы там ни было, я думаю, надо это исправить, — объявил Давид, поднимаясь на ноги.

— И я так думаю, но мы этого не можем, — засмеялась Джилл. — И я хочу есть. Давайте посмотрим, что у нас найдется.

Глава XVIII

Давид приходит на помощь

Стоял прекрасный лунный вечер, но на этот раз Давид не думал о луне. Всю дорогу до фермы Холли он размышлял об истории мистера Джека под названием «Принцесса и нищий». История не отпускала, он чувствовал, что не может ее забыть, и печалился по какой-то неведомой причине. Мальчик очень тихо подошел по дорожке к кухонной двери.

Было уже больше восьми вечера. Давид ужинал с мистером Джеком и Джилл и отсутствовал на ферме уже несколько часов. В дверях он резко остановился, а потом инстинктивно отступил в тень. На кухне горела керосиновая лампа. Она освещала плачущую миссис Холли у стола и мистера Холли с побелевшим лицом и поджатыми губами — он смотрел в пустоту. Потом миссис Холли под-

няла искаженное, залитое слезами лицо и дрожащим голосом спросила:

— Симеон, а ты не думал, что... мы могли бы попросить... Джона...

Симеон Холли посмотрел на нее с таким гневом во взгляде, что Давид даже испугался.

— Элен, больше ни слова об этом, — резко сказал мужчина. — Пойми, я скорее потеряю все и буду голодать, чем пойду... к Джону.

Тогда Давид бросился вон из кухни. Он прокрался наверх в свою комнату, оставил там скрипку, а потом сразу же спустился и отыскал Перри Ларсона, который курил, сидя в дверях амбара.

— Перри, что такое? — спросил мальчик дрожащим голосом. — Что случилось — там? — он указал на дом.

Мужчина выпустил из трубки дым, а потом вынул ее изо рта.

— Ну, сынок, сдается, я могу тебе сказать, раз так. Рано или поздно ты сам прознал бы, ведь то уж не тайна. Не подфартило им — мистеру и миссис Холли-то.

— Что это значит?

Перри заерзал.

— Ох, малец, скажи я тебе, так толку-то не выйдет. Вряд ли ты разберешь — уж совсем оно не по твоей части.

— Но в чем же дело?

— Так ведь в деньгах — а тебе-то нету разницы, что монеты, что всякие небылицы, как я погляжу. Ну, дело такое — тысячу долларов они задолжали-то. Смотри, вот каких, — объяснил он, роясь в карманах. В конце концов он извлек оттуда серебряный доллар и протянул Давиду на ладони. — А теперь подумай-ка, что их тысяча — это целые кучи, больше, чем я в своей жизни видел.

— Столько, сколько звезд на небе?

Перри кивнул.

— И-мен-но! Так вот, столько они и задолжали — мистер и миссис Холли-то — и в следующую субботу выходил им срок, чтоб уплатить. И все бы хорошо, ведь у них все деньги готовенькие в банке лежали. Так они собирались их в четверг-то забрать. И были гордые и довольные, да только сегодня новость узнали: в том банке все кувырком пошло, и его закрыли. Так у Холли ни цента, ни полцента не осталось, и, поди, не будет никогда. А коли и будет, так уж они не успеют.

— Но разве он не может подождать? Человек, которому они должны? Я думаю, ему придется, раз им нечем платить.

— Это уж вряд ли. Ведь эта ферма — лакомый кусок, а закладная у старого Стритера.

Давид удивленно свел брови.

— Что это — закладная? — спросил он. — Это как парадная зала? Про это я знаю, потому что она есть у моей Госпожи Роз, а здесь, внизу, у нас такой нет.

Перри Ларсон раздраженно вздохнул.

— Ох, другого от тебя и не жди. Нет, оно даже и близко не стоит к твоей этой... зале. Ежели проще сказать, дело такое: мистер Холли говорит Стритеру-то: «Дай мне сотню долларов, а я тебе в нужный срок и уплачу. А если нет, мол, продавай мою ферму и бери себе деньги». Ну теперь так оно и есть. Мистер Холли платить не может, вот Стритер ферму-то на продажу и выставит.

— Как? Ведь мистер и миссис Холли здесь живут!

— Именно! Только теперь-то им придется уходить, такой уж расклад.

— И куда же они пойдут?

— Господь один ведает. А я нет.

— И поэтому они там плачут? Потому что придется уйти?

— Конечно!

— И совсем никак ничего нельзя сделать, чтобы... этого не случилось?

— Вот не знаю, что тут поделать — разве кто уплотит все до будущей субботы. Да ведь цельную тысячу таких штучек с куста не сымешь, — завершил он, нежно поглаживая монету.

При этих словах лицо Давида внезапно переменилось. Его щеки побледнели, а глаза в ужасе расширились.

— И вы говорите, деньги могут... это исправить? — спросил он, с трудом выговаривая слова.

— И-мен-но! Цельная тысяча монет, и не меньше.

В глазах Давида показалось облегчение — словно он увидел мост над бездной.

— Вы имеете в виду, что любые деньги подойдут, не только серебряные, как эти?

— Ох ты ж, малец! Конечно, любые. Все ж ты есть шахматная доска из ума-разума да околесицы. Любые деньги подойдут — любые! Доходит до тебя? Все, что считается деньгами.

— А золото подойдет? — голос Давида совсем ослабел.

— Уж конечно! Золото, серебро, банкноты или чек, ежели он обеспечен.

Казалось, Давид не слышал последних слов. Первые он жадно впитал со странно напряженным выражением лица, но к концу предложения только пробормотал: «О, спасибо» — и отвернулся. Теперь он медленно шел по направлению к дому, опустив голову и волоча ноги.

— Уж вот это в евойном духе, — пробормотал мужчина, — унести ноги как побитая дворняжка. Ставлю два цента и пончик: через пять минут он станет, как уж он говорит, «играть это» на евойной скрипочке. И чтоб я провалился, ежели мне не хочется узнать, что он сделает из этого. Думается мне, будет смахивать на панихиду.

Давид на секунду остановился на крыльце, задержав дыхание. Из кухни доносились рыдания миссис Холли и суровый голос, читавший молитву. Вздвогнув, мальчик со всхлипом развернулся и тихо прокрался наверх в свою комнату.

Он действительно начал играть, так что Перри Ларсон не зря бился об заклад. Но не

трагедия с закрытым банком и не угроза продажи фермы звучала в скрипичной мелодии. Вместо них он играл лебединую песню маленькой груды золота — золота, которое еще лежало в шкафчике за камином, но очень скоро будет брошено к ногам мужчины и женщины, скорбящих внизу. И в ней слышался плач мальчика, который видит, как его воздушный замок сгорает дотла, а чудесная жизнь и работа в большом мире превращаются в бесконечные дни, занятые прополкой и копанием земли в узкой долине. А еще в песне было что-то вроде борьбы — столкновение яростных «да» и «нет». Но в конце последовал мощный взрыв восторга, восторга отречения — и мужчина в амбаре вскочил на ноги и гневно воскликнул:

— Чтоб ему провалиться — теперь-то он джигу наяривает! В такую пору ничего лучше не надумал!

Очень-очень скоро к нему приблизилась смутная фигурка мальчика.

— Я подумал, — запинаясь, произнес Давид, — что, может, я бы помог. Ну, с деньгами, понимаете.

— Слышь-ка малец, — взорвался Перри с явным раздражением, — как я сразу тебе тол-

ковал, не по твоей это части. Розовые облачка, певчие сойки и черничные кустики тут ни при чем. И можешь «играть это», как ты сам говоришь, до судного дня, но добра тут не выйдет, и хотя, по чести сказать, когда ты играешь их и прочие штуки, живенько да бодренько выходит, но нынче от такого проку нет.

Давид сделал шаг вперед, и его обеспокоенное личико появилось в лунном свете.

— Но я говорил о деньгах, Перри, — объяснил он. — Они были добры ко мне и взяли к себя, когда никто не захотел, а теперь я желал бы что-нибудь для них сделать. Этих монет не так много, и они не серебряные. Всего сто шесть, я считал. Но, может, они хоть как-то пригодятся. Это... это будет... начало, — после когда-то любимого слова его голос сорвался.

Но Давид сразу продолжал с новой силой.

— Вот, смотрите! Это подойдет? И он обеими руками протянул свою шапку, провисшую под весом золота.

Перри Ларсон разинул рот и вытаращил глаза. Ошарашенный, он протянул руку и дрожащими пальцами прикоснулся к кучке сияющих дисков, которые в мягком освещении казались маленькими родственниками луны,

рожденными на земле. В следующую секунду он резко отскочил.

— Вот те на! Мальчик, где ж ты добыл деньги?

— Папа дал. Он ушел в далекую страну, знаете.

Перри Ларсон сердито фыркнул.

— Слышь-ка, малец, ну хоть раз, коли можешь, скажи по-простому! Верно, даже ты не ждешь, что я поверю, будто он прислал тебе их из... оттуда, куда он ушел!

— Ох, нет. Он оставил их мне.

— Оставил тебе! Ну, как скажешь, малец. Да только при нем ни цента не нашли!

— Он дал их мне раньше, когда мы были на обочине.

— Дал их тебе! А где же, во имя всего святого, они были с тех пор-то?

— В маленьком шкафчике в моей комнате. За книгами.

— Вот те раз! — пробормотал Перри Ларсон, робко протягивая руку к одной из монет.

Давид беспокойно смотрел на него.

— Они... подойдут? — спросил он, запнувшись. — Это не тысяча, только сто шесть, но...

— Подойдут! — взволнованно прервал его мужчина. Он рассматривал монету, поднеся

ее к глазам. — Подойдут! Уж подойдут. Чтоб я лопнул! Подумать только, такое-то богатство за пазухой держал! Да столько временить. Теперь уж я в любые небылицы поверю. Ничем уж меня не удивишь.

И он торопливо направился к дому.

— Но я не держал их за пазухой, — поправил Давид, стараясь успевать за широко шагающим мужчиной. Я сказал, что они были в шкафчике в моей комнате.

Ответа не последовало. Ларсон дошел до крыльца и замешкался у дверей. Из кухни все еще доносились рыдания. Других звуков не было. Однако мальчик не мешкал. Он поднялся по ступенькам и прошел через открытую дверь кухни. У стола сидели мужчина и женщина. Оба они прикрывали глаза руками.

Быстро перевернув шапку, Давид опрокинул свою ношу на стол и уважительно отошел назад.

— Если вам будет угодно, сэр... возможно, это как-то поможет? — спросил он.

При звоне монет Симеон Холли и его жена резко подняли головы. Рыдание замерло на губах женщины. Мужчина коротко вскрикнул. Он торопливо протянул руку и почти уже схватил золото, но вдруг переме-

нился в лице. Издав резкое восклицание, он отпрянул.

— Но откуда взялись деньги? — потребовал он ответа.

Давид разочарованно вздохнул. Стоило ему показать это золото, обязательно начинались расспросы — вечные расспросы.

— Конечно, — продолжал Симеон Холли, — ты не... — тут его глаза встретились с прямым и открытым взглядом мальчика, и он не смог закончить предложение.

Прежде чем Давид успел ответить, от кухонной двери послышался голос Перри Ларсона.

— Нет, сэр, ничего такого, все чисто, как я погляжу, хотя, как по мне, так звучит-то вовсе безумно. Отец евойный дал.

— Его... отец! Но где же... где же оно было все это время?

— Он говорит, сэр, в евойной комнате, в шкафчике за камином.

Симеон Холли повернулся, изумленно нахмурившись:

— Давид, что это значит? Почему ты хранил золото в подобном месте?

— Ну как же, ведь с ним нечего было делать, — озадаченно ответил мальчик. — Мне оно не было нужно, понимаете, а папа сказал,

что его надо хранить до тех пор, пока оно не понадобится.

— Не было нужно! — гаркнул Ларсон в дверном проеме. — Провались я на этом месте! Похоже на мальчика.

Но Давид поторопился возразить.

— Мы с папой никогда ими не пользовались. Только покупали еду и одежду, а здесь, внизу, вы даете мне все это.

— Мать моя! — вмешался Перри Ларсон. — Парень, ты и думать не думал, что мистер Холли сам-то должен отдавать деньги, чтобы добыть это для тебя?

Мальчик резко обернулся. Он был явно потрясен, а в его глазах стоял вопрос.

— Что вы хотите сказать? Вы говорите, что... — выражение его лица внезапно изменилось, а щеки залились краской стыда. — Ну конечно... конечно, ему приходилось все покупать, так же, как папе. А я даже не думал об этом! Тогда они в любом случае ваши! Они принадлежат вам. Может, этого недостаточно, но все же они помогут!

— Это десятидолларовые золотые монеты, сэр, — важно произнес Ларсон, — и тут их сто да шесть. Всего ровнехонько тысяча шестьдесят долларов, как я прикинул.

Симеон Холли, несмотря на свой знаменитый самоконтроль, почти вскочил со стула.

— Тысяча шестьдесят долларов! — выдохнул он. А потом обратился к Давиду:

— Мальчик, во имя небес, кто ты такой?

— Я не знаю, — просто Давид.

Он говорил устало, с горестными всхлипами. Давид был утомлен, сбит с толку и немного сердит. Раз уж золото никому не было нужно, он хотел бы забрать его наверх и положить в шкафчик за камином или, если это вызовет возражения, хотя бы взять его назад и уйти к той прекрасной музыке и добрым людям, которые всегда поймут, что он хочет сказать своей игрой.

— Не стану говорить, — робко вступил Перри Ларсон, — что я хоть самую малость разберу в Господних путях, мистер Холли, но и до меня доходит, что эти деньги для вас вроде как небесное благословение.

Симеон Холли вновь опустился на стул. Он не сводил глаз с золота, но вокруг его рта залегли суровые складки.

— Эти деньги принадлежат мальчику, Ларсон. Они не мои, — сказал он.

— А он вам их дает.

Симеон Холли покачал головой.

— Давид — всего лишь ребенок, Перри. Он совсем не понимает, что делает, и насколько ценен его дар.

— Я знаю, сэр, но вы и вправду взяли его к себе, когда остальные-то отказались, — заспорил Ларсон. — И, как бы там ни было, вы ж можете у него занять, хотя бы он и был ребенок? Вернете когда-нибудь. А пока будете его холить да учить, а это не пустяк какой.

— Я знаю, знаю, — задумчиво кивнул Симеон Холли, переводя взгляд с золота на лицо Давида.

Потом, вслух, но словно про себя, он выдохнул:

— Мальчик, ох, мальчик, кем же был твой отец? Со всем этим золотом — и бродяга!

Давид внезапно выпрямился. Его глаза сверкали.

— Я не знаю, сэр. Но я точно знаю одно: он их не украл!

Миссис Холли, сидевшая напротив, коротко вздохнула и ничего не сказала — но ее глаза умоляли. Миссис Холли вообще редко говорила, когда ее муж решал заковыристую задачу, — разве что глазами. А тут она была просто ошарашена тем, что ее муж так терпеливо слушал Ларсона, — да и сам Ларсон удив-

лялся этому не меньше. Симеон Холли вдруг наклонился вперед. Суровые складки у его рта разгладились, а на лице отразилась борьба эмоций. Он притянул к себе Давида.

— Ты хороший сын, мальчик, — хороший верный сын, и... как бы я хотел, чтобы ты был моим сыном! Я тебе верю. Он не украл их, и я тоже не украду. Но я ими воспользуюсь, раз ты так добр. Но это будет заем, и однажды, с Божьей помощью, ты все получишь назад. А пока ты мой мальчик, Давид, ты мой!

— О, спасибо, сэр! — обрадовался Давид. — И, конечно, когда ты нужен, это гораздо лучше, чем начало, правда?

— Лучше чем... что?

Давид переменял позу. Этого он совсем не хотел говорить.

— Н-ничего, — произнес он, заикаясь, и оглянулся в поисках пути к бегству. — Это... просто так, — завершил он.

К его неизмеримому облегчению, мистер Холли не стал настаивать на прояснении этого вопроса.

Глава XIX

Не прекрасный мир

Несмотря на восторг отречения и радость от того, что Давид вновь стал «нужен», причем нужен особенным образом, эти дни в начале сентября бывали непростыми для мальчика. Только оставив все надежды на «начало», он полностью осознал, что значила для него надежда.

Конечно, порой он чувствовал только искреннюю радость от того, что смог помочь Холли. Но в другие моменты он испытывал одну лишь сердечную боль, потому что точно знал: никогда уже он не будет делать важную работу в большом мире. Напротив, предстояло немедленно заняться немилым делом. Сказать по чести, все представления Давида о жизни превратились в клубок обескураживающих противоречий.

Чтобы поговорить об этих сложных вещах, Давид однажды отправился к мистеру Джеку. Нет, он не рассказал ему о золотых монетах и о том, каким неожиданным образом их пришлось использовать — напротив, мальчик решил по возможности никогда не упоминать о них в разговоре с теми, кто был не в курсе. В противном случае его ожидали вопросы, снова вопросы и объяснения, а ему уже хватило и того, и другого. Но однажды, оставшись наедине с мистером Джеком, он спросил:

— Мистер Джек, сколько человек живет у вас в голове?

— Э-э... О чем это ты, Давид?

Давид повторил вопрос и сопровождал его объяснением.

— Я имею в виду тех, кто заставляет вас делать разные вещи.

Мистер Джек рассмеялся.

— Ну, — сказал он, — некоторые утверждают, что у них целая толпа, и, наверное, у каждого есть свои доктор Джекил и мистер Хайд.

---

* Доктор Джекил и мистер Хайд — персонажи повести английского писателя Роберта Стивенсона (1850—

— Кто это?

— Неважно, Давид. В любом случае, я полагаю, ты не знаком с этими джентльменами. Они немного похожи на девчушку с кудряшкой*. Один действительно очень, очень хороший, а другой — просто ужасный.

— Нет, я их знаю, — со вздохом отозвался Давид. — В последнее время они часто приходили.

Мистер Джек уставился на мальчика.

— Неужто?

— Да, в этом-то и проблема. Как их можно выгнать? Ну, то есть плохого.

— Ох, не уверен, что могу тебе помочь, — признался мистер Джек. — Видишь ли, иногда эти джентльмены посещают и меня.

— О, правда?

— Да.

— Я так рад, то есть я имею в виду, — поправился Давид, заметив поднятые брови ми-

1894) «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», две личности одного и того же человека. Доктор Джекил — достойный и уважаемый всеми человек, а мистер Хайд — отвратительный преступник.

* Девчушка с кудряшкой — героиня стихотворения «Жила-была девчушка» американского поэта Генри Уодсфорта Лонгфелло (1807–1882).

стера Джека, — рад, что вы понимаете, о чем я говорю. Видите ли, я попробовал вчера вечером с Перри Ларсоном — попросил его сказать, что мне делать. Но он только уставился на меня и рассмеялся. А под конец почти даже рассердился и сказал, что по моей милости чувствует себя «жутко», словно он «сбрендил», и... даже не посмеет посмотреть в зеркало, если я продолжу, потому что оттуда может выскочить кто-то незнакомый.

Мистер Джек издал смешок.

— Подозреваю, Давид, Перри знал одного из твоих джентльменов под именем «совесть». А еще подозреваю, что совесть здесь очень даже подходит, и тебе пришлось с ней побороться. А? Так в чем же проблема? Расскажи мне.

Давид беспокойно заерзал. Вместо ответа он задал еще один вопрос:

— Мистер Джек, этот мир прекрасен, да?

Последовала короткая пауза, а потом тихий голос ответил:

— Так сказал твой отец, Давид.

Давид снова поерзал.

— Да, но папа был на горе. А здесь, внизу... ну, здесь много такого, о чем он, кажется, не знал.

— О чем, например?

— Ну, здесь много всякого — слишком долго рассказывать. Конечно, есть такие вещи, как рыбная ловля и убийство птичек, белочек и других существ ради еды, а еще издевательства над кошками и собаками. Папа никогда не назвал бы это прекрасным. Еще есть другое — например, Джимми Кларк, который не может ходить, и тот больной человек у Марстонов, и слепой Джо Гласпел. И еще совсем другое — как с сынишкой миссис Холли. Перри говорит, он сбежал много-много лет назад, и его родные от этого очень несчастны. Папа не назвал бы этот мир прекрасным, правда? И как же такие люди могут не фальшивить? А еще есть принцесса и нищий, о которых вы рассказали.

— О, моя история?

— Да. Они тоже не могут быть счастливы, и, конечно, не могут считать этот мир прекрасным.

— Почему же?

— Потому что у них все закончилось неправильно. Они не поженились и не стали жить-поживать и добра наживать.

— Ну, я бы не стал об этом беспокоиться, Давид, — по крайней мере, насчет принцессы.

Предполагаю, что для нее этот мир всегда был прекрасен. Нищий — да, он, возможно, был не особо счастлив. Но, в конце концов, Давид, ты же знаешь, что счастье внутри тебя. Может, половина этих людей по-своему счастлива.

— Вот! И в этом другая проблема, — вздохнул Давид. — Видите ли, я и сам это понял — про счастье внутри — довольно давно. И рассказал об этом Госпоже Роз. Но сейчас... у меня у самого не получается сделаться счастливым.

— Что случилось?

— Понимаете, тогда должно было кое-что случиться — кое-что приятное. И я обнаружил, что при одной мысли об этом можно спокойно собирать сено и мотыжить и все такое. Вот я и рассказал Госпоже Роз, что, даже если ничего прекрасного не ожидается, она могла бы просто вообразить, что оно произойдет, и это совершенно одно и то же, ведь именно мысли сделали мои часы солнечными. А вовсе не само событие. Я сказал, что знаю об этом, потому что ничего еще не произошло. Понимаете?

— Думаю... да, Давид.

— Так вот, я обнаружил, что это совсем не одно и то же. Теперь, когда я знаю, что это прекрасное событие никогда не случится, я

могу думать и думать целый день, и ну ничегошеньки хорошего от этого не происходит. Солнце такое же жаркое, и моя спина так же сильно болит, и поле такое же бесконечное, каким оно было, когда я решил не считать все эти часы. Так в чем же дело?

Мистер Джек рассмеялся, но немного грустно покачал головой.

— Ты зашел в слишком глубокие для меня воды, Давид. Подозреваю, ты бултыхаешься в море, где с начала времен перевернулось множество лодок с мудрецами. Но что же такое приятное теперь не произойдет? Возможно, с этим я мог бы помочь.

— Нет, вы не могли бы, — нахмурился Давид. — И никто бы не мог, знаете, потому что теперь я не вернусь назад и не дам этому случиться, по крайней мере, пока я сознаю, что делаю. Если бы я так поступил, то не осталось бы никаких солнечных часов — даже после четырех. Я... я бы чувствовал себя очень плохим человеком! Но чего я не понимаю, так это что теперь делать с Госпожой Роз.

— А какое она имеет к этому отношение?

— Ну, в самом начале, когда она сказала, что у нее не бывает солнечных часов, я рассказал ей...

— Что она сказала? — перебил мистер Джек, вдруг резко выпрямившись.

— Что у нее не было часов, которые могла бы сосчитать.

— Сосчитать?

— Да, как солнечные часы. Разве я вам не рассказывал? Да точно рассказывал — о словах на циферблате — о том, что пасмурные часы не считаются. А она сказала, что ей нечего считать, потому что для нее никогда не светит солнце.

— Как же так, Давид? — усомнился мистер Джек дрожащим голосом, — ты уверен? Именно так она и выразилась? Наверное... ты ошибаешься, ведь у нее есть... есть все, чтобы быть счастливой.

— Нет, я не ошибаюсь, ведь я сам сказал ей то же самое потом. А еще я сказал ей, когда сам это понял, ну, вы знаете... что считается только то, что у нас внутри. И спросил ее, не могла бы она думать о каком-нибудь приятном событии, которое когда-нибудь случится.

— Ну и что она ответила?

— Она покачала головой и сказала: «Нет». А потом отвернулась, и ее глаза стали нежными и темными, как маленькие омуты, где ручеек останавливается отдохнуть. И она ска-

зала, что когда-то надеялась на одно событие, но его не случилось, и, чтобы оно произошло, необходимо больше, чем воображение. И теперь я знаю, что она хотела сказать, потому что одного воображения не хватает, правда?

Мистер Джек не ответил. Он поднялся и принялся беспокойно мерить шагами веранду. Один или два раза он обращал взгляд к башням «Солнечного холма», и Давид заметил, что лицо его приняло новое выражение.

Однако очень скоро его взгляд вновь стал усталым, и он снова сел, пробормотав: «Дурак! Конечно, она говорила не... об этом!».

— О чем?

Мистер Джек вздрогнул.

— Э-э... ни о чем. Ты все равно не поймешь, Давид. Продолжай... свой рассказ.

— А я уже закончил. Это все. Только сейчас я думаю — как же у меня получится узнать здесь про этот прекрасный мир, чтобы... рассказать отцу?

Мистер Джек поднялся. У него был вид человека, который решительно взвалил на себя тяжелый груз.

— Ну, Давид, — улыбнулся он, — как я уже говорил, ты все еще плаваешь в море, где

очень много перевернутых лодочек. Возможно, на этот вопрос найдется немало ответов.

— Мистер Холли говорит, — печально сказал Давид, размышляя вслух, — что нет никакой разницы, считаем ли мы вещи прекрасными или нет. Мы здесь, чтобы сделать в этом мире что-нибудь серьезное.

— Чего-то в этом роде я и ждал от мистера Холли, — мрачно отреагировал мистер Джек. — Он так и поступает — и выглядит соответствующим образом. Но... полагаю, что ты не скажешь этого отцу.

— Нет, сэр. Думаю, нет, — торжественно согласился Давид.

— У меня есть идея. Должно быть, как и говорил твой отец, ты найдешь ответ в своей скрипке. Попробуй и выясни, так ли это. Ты сделаешь прекрасным все, что не кажется таким, ведь мы находим то, что ищем, — а ты ищешь прекрасное. И, знаешь, если выйти вперед с гордо поднятой головой и со всей мочи петь свою песенку, думаю, окажешься близко к цели. Ну вот! У меня вышла проповедь, хотя я вовсе не хотел... Но, честно говоря, я скорее обращался сам к себе, потому что... я тоже ищу прекрасный мир.

— Да, сэр, я знаю, — с жаром ответил Давид.

И мистер Джек, глядя в сияющие темные глаза, в которых явно читалось сочувствие, вновь задался вопросом, мог ли Давид это знать.

Мистер Джек до сих пор не привык к Давиду — его было «слишком много». Был мальчик, был художник и еще третья личность — такая неуловимая, что для нее не удавалось подобрать название. Мальчик был радостный, порывистый, доверчивый и восторженный — прямо-таки брызжащий весельем озорник. Художник был как натянутая струна — готовый найти мелодию и ритм в любой мелькнувшей мысли или летящем облачке. Третий — этот загадочный третий, которому не получалось подобрать имя — был мечтателем, провидцем и бесплотным существом, парившим так высоко над вашей головой, что его нельзя было поймать, утянуть вниз и хорошенько рассмотреть. Обо всем этом мистер Джек размышлял, глядя в сияющие глаза Давида.

Глава XX

Незнакомый путь

В сентябре Давид пошел в местную школу. Школа и Давид не сразу приспособились друг к другу. Учительница уверенно принялась за проверку новичка, но эта уверенность тут же отступила, когда она выяснила, что его знание латыни угрожающе подобралось к ее собственному (а французский, который она не должна была преподавать, он знал намного лучше), а из истории Соединенных штатов он имел самое примерное представление о некоторых периодах и не мог назвать ни одной битвы. В большинстве предметов он значительно опередил мальчиков своего возраста, но на каждом шагу ей попадались загадочные нестыковки, которые делали обычную оценку знаний совершенно невозможной.

Манера Давида отвечать на уроках тоже была довольно необычной, а порой приводи-

ла в замешательство. Кроме того, он не стеснялся говорить вслух, когда ему хотелось, а также подниматься с места и переходить в любую часть класса по первой своей прихоти. Конечно, со временем все это изменилось, но, чтобы мальчик научился вести себя, не нарушая все приличия и не разнося класс в клочья, потребовалось несколько дней.

За стенами школы у Давида теперь было мало работы, хотя оставалось несколько легких домашних дел. Жизнь на ферме Холли почти не изменилась для него — за одним исключением. Это исключение состояло в том, что теперь его принимали с радостью, а не держали в доме исключительно из чувства долга. Были и другие отличия, довольно тонкие и, возможно, почти незаметные, но все же они были.

Мистер и миссис Холли еще активнее, чем когда-либо, учились смотреть на мир глазами Давида. Как-то, в один прекрасный день, они даже отправились с ним в лес на прогулку. Никогда еще Симеон Холли не оставлял работу ради такого легкомысленного занятия!

Но Давид мог бы рассказать, что прогулку удалось устроить не без усилий. Была суббота — ясный, свежий и красивый день. В

воздухе уже чувствовалось близость октября, и Давиду до зуда хотелось вырваться на свободу. Миссис Холли пекла пироги — и никто не слушал птичек, поющих за стеной ее кладовки. Мистер Холли копал картошку — и никто не замечал облаков, плывущих над его головой.

Все утро Давид умолял и уговаривал. Если хоть раз, ну хоть разочек, они оставят все и пойдут с ним, они совершенно точно не пожалеют! Но Холли качали головами и говорили: «Нет-нет, это невозможно!». После обеда пироги были испечены а картошка — выкопана, и Давид вновь принялся молить и убеждать. Если только один разочек они прогуляются с ним в лесу, он будет так счастлив, необыкновенно счастлив! И они согласились — исключительно ради того, чтобы порадовать мальчика.

Это была любопытная прогулка. Элен Холли ступала робко, испуганно глядя по сторонам. Было очевидно, что она не умеет заниматься чем-то ради удовольствия. Симеон Холли вышагивал рядом — суровый, молчаливый и занятый своими мыслями. Было очевидно, что он не только не умел развлекаться, но даже и не хотел учиться этому.

Мальчик легко шагал впереди и говорил на ходу. У него был вид монарха, показывающего свое королевство. Его пристальное внимание привлекал то островок мха с одной стороны, то ползучее растение с прелестными завитками — с другой. Тут рос цветок поинтереснее многих историй, а там — кустик со своим захватывающим секретом. Даже Симеон Холли несколько разбурчался и стал подавать признаки жизни, когда Давид ошибочно выделил и назвал по именам ель, пихту, сосну и лиственницу, а затем, в ответ на бормотание миссис Холли: «Но, Давид, в чем же разница! Они так похожи!», сказал:

— Но на самом деле это не так. Посмотрите, у этих хвоинки гораздо острее, чем у тех елей, а ветки растут прямо в стороны, как руки, и они гладкие и заканчиваются кончиками, как кошкин хвостик. А у тех елей — у них ветки растут вниз и в стороны. Разве вы не заметили? И они очень густые, а заканчиваются как хвост у белочки. О, они совсем разные! А вот впереди лиственница — вон та, с лохматыми ветками очень близко к земле. Я бы легко на нее забрался, а на вон ту сосну — нет. Видите, как высоко у нее ветки — не достанешь ногой! Но я люблю сосны. Там,

в горах, где я жил, они были такие высокие, словно Бог иногда подпирали ими небо.

Симеон Холли услышал и ничего не сказал, и его молчание — особенно в ответ на компетентные рассуждения Давида по поводу земного и небесного устройства — только подтвердило, что он действительно учился смотреть на мир глазами мальчика, и учился хорошо.

Это были далеко не все давидовы друзья, которых он представил мистеру и миссис Холли во время той памятной прогулки. Были еще птицы, белки, и, если сказать точнее, абсолютно все живое. Каждого он радостно приветствовал по имени — как друга, у которого бывал дома и которого хорошо знал. Вот чудесный дятел, а там — прекрасная голубая сойка. А яркое цветное пятнышко, мелькнувшее на тропинке, — это танагра*. В какой-то момент, пересекая открытое пространство, Давид углядел далеко в небе длинную черную полосу, двигавшуюся на юг.

---

* Танагра — птица из отряда воробьиных с очень ярко окрашенным оперением, обитающая в Западном полушарии.

— Ой, видите! — воскликнул он. — Вороны! Видите? Там, высоко? Как здорово было бы тоже так уметь — и лететь сотни и сотни миль, а может быть, тысячу!

— Ох, Давид, — с сомнением произнесла миссис Холли.

— Но это правда! Эти, похоже, уже отправились на юг, но если так, что-то рано они. Большинство не улетает до октября. А в марте они возвращаются, знаете. Хотя там, на горе, они оставались со мной весь год. Ах! Я бы с радостью посмотрел на их отлет, — тихо сказал Давид, провожая взглядом быстро исчезавшую черную линию. — Многих птиц за этим не застанешь. Они улетают ночью — дятлы, иволги, кукушки и многие другие. Наверное, боятся, как вы думаете? Но я их видел. И наблюдал. Они сообщают друг другу, когда будут вылетать.

— Ох, Давид, — повторила миссис Холли с упреком во взгляде. В то же время она была явно зачарована.

— Но они правда говорят друг другу, — упорствовал мальчик, а глаза его сияли. — По-другому не получится! Однажды вечером звучит сигнал, и они начинают собираться со всех сторон. Я сам видел. А потом они вдруг

взлетают и отправляются на юг — не одной большой стаей, а мелкими стайками, одна за другой, с таким приятным шумом крыльев. У-уф! У-уф! У-уф! И вот их уже нет, до следующего года не встретишь. Но вы же видели ласточек, да? Их легче всего отличить: они улетают днем и двигаются очень быстро, по прямой. Разве вы не видели, как улетают ласточки?

— Ну, я... я не знаю, Давид, — пробормотала миссис Холли, беспомощно взглянув на мужа, продвигавшегося вперед. — Я и не думала, что можно знать... такие вещи.

Давид рассказал гораздо больше, прежде чем прогулка подошла к концу. И хотя, когда она закончилась, ни Симеон Холли, ни его жена не сказали ни слова о том, что она была полезной или приятной, на их лицах лежал отблеск мира, отдыха и покоя, оставленный покинутым ими лесом.

Сентябрь выдался прекрасный, и Давид не упускал ни одной его возможности. Если он не был в школе, то проводил время на свежем воздухе. Он часто виделся с Джеком и Джилл и так же часто бывал у Госпожи Роз. Для Давида она оставалась Госпожой Роз, хотя теперь сад был багряным, лиловым и

желтым от астр, шалфея и золотых шаров вместо пышно цветущих ароматных роз.

В поместье «Солнечный холм» Давид чувствовал себя почти как дома. Он знал, что его с радостью примут, когда бы ему ни вздумалось прийти. Даже слуги были добры к нему — и пожилая кузина, которую Давид редко видел, но знал, что она живет здесь в качестве компаньонки его Госпожи Роз.

Пожалуй, больше всего после сада Давиду нравилась комната в башне — возможно, потому, что сама мисс Холбрук часто приглашала его туда. Именно там он однажды мечтательно сказал:

— Мне нравится это место — тут так высоко. Только иногда оно напоминает мне о принцессе, потому что дело было в похожей башне, знаете.

— Сказки, Давид? — беззаботно спросила мисс Холбрук.

— Нет, не вполне, хотя в этой истории была принцесса. Ее рассказал мистер Джек, — Давид не отводил глаз от окна.

— О, мистер Джек! И часто он рассказывает тебе истории?

— Нет. От него я слышал только одну — и, наверное, поэтому хорошо ее помню.

— Ну и что же наделала эта принцесса? — голос мисс Холбрук оставался безразличным и она по-прежнему была занята своими мыслями. Ее внимание, очевидно, было целиком отдано рукоделию.

— Она кое-чего не сделала, и в этом вся беда, — вздохнул Давид. — Она не помахала платком.

Иголка в руке мисс Холбрук зависла в воздухе, нитка повисла.

— Не... помахала? — запнулась она. — Что... ты имеешь в виду?

— Ничего, — рассмеялся мальчик, отворачиваясь от окна. — Я забыл, что вы не знаете эту историю.

— А может, знаю... то есть... о чем была история? — спросила мисс Холбрук, облизывая внезапно пересохшие губы.

— Ой, правда? Интересно, откуда! Это не «Принц и нищий», а «Принцесса и нищий», — поведал Давид, — и у них был обычай подавать знаки взмахом платка и отвечать флагами. Вы знаете эту историю?

Ответа не последовало. Мисс Холбрук дрожащими руками убирала рукоделие. Давид заметил, что она даже укололась, торопясь поскорее воткнуть иголку в подушечку. Потом

она притянула мальчика на оттоманку рядом с собой.

— Давид, расскажи, пожалуйста, эту историю, — сказала она, — так же, как мистер Джек рассказал ее тебе. Пожалуйста, будь внимателен и ничего не упусти, потому что я... я хочу все узнать, — закончила она со странным смешком.

Давиду показалось, что от этого смешка на ее щеках зажглись ярко-красные пятна.

— Вы правда хотите ее услышать? Тогда я расскажу, — радостно воскликнул Давид.

Рассказывая истории, он получал почти столько же удовольствия, сколько слушая их.

— Понимаете, в начале... — Давид без обиняков приступил к вступлению.

Он хорошо знал ее, эту историю, и если что и забыл, то вряд ли многое. Возможно, он не всегда говорил словами мистера Джека, но передавал смысл в точности, и мисс Холбрук очень напряженно слушала рассказ Давида о мальчике и девочке, взмахах платком и флагах — синем, черном и красном. Один раз она рассмеялась — над шуткой с колокольчиками, которую девочка сыграла над своим другом, но ничего не говорила, пока Давид не дошел до первого возвращения принцессы и как

мальчик на крошечной террасе все ждал и ждал взмаха белым платком в башенном окне.

— Ты хочешь сказать, — вмешалась тогда мисс Холбрук, почти вскочив на ноги, — что мальчик ожидал...

Она резко остановилась и упала на стул. Красные пятна на ее щеках превратились в розовое сияние, залившее все лицо.

— Ожидал чего? — спросил Давид.

— Н-ничего. Продолжай. Мне было очень... очень интересно, — сказала мисс Холбрук слабым голосом. — Продолжай.

История ровно ничего не потеряла в его устах. Более того, она кое-что приобрела, потому что теперь была проникнута очень сильным сочувствием мальчика, который любил нищего за его горе и ненавидел принцессу за то, что она послужила тому причиной.

— Так что, — заключил он скорбно, — как видите, история вышла не очень, потому что закончилась нисколько не хорошо. Они должны были пожениться, жить-поживать и добра наживать. Но этого не случилось.

Мисс Холбрук как-то неуверенно перевела дыхание, и подняла руку к горлу. Из красного ее лицо превратилось в абсолютно белое.

— Но, Давид, — сказала она, запнувшись, после недолгой паузы, — может, он... нищий... больше... не любил принцессу.

— Мистер Джек сказал, что любил.

Ее белое лицо вдруг вновь порозовело.

— Тогда почему он не пошел к ней и... и не сказал об этом?

Давид поднял подбородок. Со всем достоинством, в точности передавая слова и манеру мистера Джека, он ответил:

— Нищие не ходят к принцессам и не говорят: «Я тебя люблю».

— Но, быть может, если бы они так поступали... то есть... если... — мисс Холбрук закусила губу и не закончила предложения.

Она еще долго ничего не говорила, но явно не забыла об истории. Давид понял это, потому что позже она начала осторожно спрашивать его о множестве мелких деталей, о которых он совершенно точно рассказал. Она так долго беседовала с Давидом на эту тему, что он спросил, не собирается ли она рассказать историю кому-то еще, но она только покачала головой. Больше она его не спрашивала. И довольно скоро Давид отправился домой.

Глава XXI

С тяжелыми сердцами

Целую неделю Давид не приближался к «дому, который построил Джек», да и Джилл несколько дней сидела дома с простудой. Девочка уже собиралась расстроиться, поскольку любимый товарищ по играм очевидно не проявлял к ней интереса. Но в первый же день после болезни она вернулась из школы испуганной.

— Джек, Давид нисколечко не виноват! — воскликнула она с горячим сожалением. — Он болен.

— Болен!

— Да, ужасно болен. Пришлось вызывать врачей и все такое.

— Как, Джилл? Ты уверена? Кто тебе сказал?

— Сегодня в школе все об этом говорили.

— Но что случилось?

— Какая-то лихорадка. Одни думают, что это брюшной тиф, другие, что скарлатина, а третьи — что-то еще, я не помню. Но все говорят, он ужасно болен. Кое-кто считает, что он и Гласпеллов заразил, а другие уверены, что не заразил. Но, так или иначе, Бетти Гласпелл чем-то болеет, и на этой неделе они никого к себе не пускают, — закончила Джилл с расширенными от ужаса глазами.

— Гласпеллы? Но что Давид у них делал?

— Ну как же, ты и сам знаешь. Он нам как-то говорил, что учит Джо играть на скрипке. Давид часто у них бывал. Ведь Джо слеп, совсем ничего не видит, но очень любит музыку и прямо сошел с ума от давидовой скрипки. Вот Давид и отдал ему вторую, ну, ты знаешь, отцовскую, и показал, как наигрывать мелодии, чтобы у Джо появилось занятие и чтобы он не так расстраивался из-за слепоты. Ну, Джек, разве это не в духе Давида? Джек, я не переживу, если с ним что-то случится.

— Нет, дорогая, конечно, не случится! Я боюсь, никто из нас этого не переживет, — вздохнул Джек, беспокойно нахмутив лоб. — Я завтра спущусь к Холли, Джилл, прямо с утра, и спрошу, не можем ли мы чего-нибудь

сделать. А пока не принимай это слишком близко к сердцу, милая. Может, все совсем не так плохо, как ты думаешь. Школьники всегда преувеличивают такие вещи, — он говорил беззаботно, что вовсе не отражало его истинные чувства.

На самом деле он ощущал глубочайшее беспокойство. Джеку пришлось признать, что в словах Джилл могла быть доля правды, и, охваченный глубоким чувством, он понял, какое место этот загадочный мальчик занял в его собственном сердце. На следующее утро он не нуждался в беспокойном «ну скорее, Джек!» со стороны Джилл, чтобы со всех ног помчаться на ферму Холли. Почти у поворота к дому он повстречал Перри Ларсона и сразу же его остановил.

— Доброе утро, Ларсон. Я слышал, Давид очень болен... Надеюсь, это не так?

Ларсон снял шляпу и свободной рукой нашел на голове особое место, к которому тянулся всегда, когда его снедало беспокойство.

— Ну да, сэр, боюсь, так оно и есть, мистер Джек... э-э... мистер Гернси, я хочу сказать. Ужась какой больной, бедный парнишка. Вот оно какое дело — совсем плохое!

— Какая жалость! Я думал, слухи преувеличивают. Спустился вот, чтобы спросить, нельзя ли... как-то помочь.

— Уж конечно, можете спросить, супротив этого законов нету, и бояться не надо. Люди говорили, у него хвороба заразная, да якобы он и Гласпеллов-то заразил, но неправду говорили-то. Дохтур сказал, евойную болезнь подхватить и нельзя. У него голова да мозг не в порядке, и жар ужась какой. Все ж пугливый да нервный был малец. Ну и, как я говорю, конечно спросить-то не возбраняется, но, как по мне, так вряд ли вы чем подсобите. Уж все они-то для него делают, все, что можно. По правде сказать, всю работу они оставили, знай ухаживают за ним. Даже сестричек со Станции позвали — ученых таких, в чепцах, которые как заговорят, так выходит, они все знают, а ты пень неотесанный. А тут же мистер и миссис Холли. Будь их воля, они б ни на шаг от мальчика не отходили, вот как маются.

— Полагаю, они много думают о мальчике... как и все мы, — запнувшись, пробормотал молодой человек.

Ларсон нахмурил лоб, напряженно размышляя.

— Да, и уж вот чего я в толк не возьму, — медленно ответил он, — так это что случилось с ним, с мистером Холли то есть. Конечно, от нее можно было бы ждать, ведь она своего мальчика-то потеряла, а сама сердечная, душа у ней добрая. Но он — это ж другое совсем. Вы не хуже меня знаете, какой есть мистер Холли — да все знают, так что я поклепу не навожу. Хороший он человек, сильный, и к работникам справедливый, лучше хозяина не найдешь. Да только всегда был наизнанку вывернут — нитки во все стороны торчали, хватай, да тяни! Но, чтоб мне провалиться, если малец все шовчики-то не убрал да не разгладил его. А как уж сумел, вот этого не пойму. Вот ведь миссис Холли, так уж силилась выровнять его за сорок лет, что они вместе прожили — за это я ручаюсь. Но, скажу я вам, никогда ни одной ниточки не довелось ей убрать. Больше скажу, с ней совсем наоборот получилось. Это она все терлась о его швы-то, да глаже становилась, и до того дошло, что скажи он, что ейная душа кому другому принадлежит, она б ни словечком перечить не стала!

Джек Гернси вдруг закашлялся.

— Жаль, что я не могу помочь, — неуверенно сказал он.

— Уж вряд ли это возможно, пока мистер и мисс Холли стоят на своих двоих. На все они для него готовы. Вы подумайте, вчерась мистер Холли весь лес Сойера прочесал, да под дождем, чтоб добыть кусочек мха — малец его просил. Вы только подумайте! Симеон Холли бегаёт за мхом! И он нашел и домой притащил, да, говорят, просто ужас как расстроился, когда малец отвернулся и даже не заметил мха-то. Вы ж понимаете, конечно, сэр, что парнишка-то не в себе, так что половину времени он сам не ведаёт, что говорит.

— Ох, как же его жаль! — воскликнул Гернси, отворачиваясь, и заторопился к дому.

Он тихо постучал. Открыла сама миссис Холли. Она выглядела бледной и усталой.

— Спасибо, сэр, — поблагодарила она в ответ на предложение помощи, — но помочь-то нам и нечем, мистер Гернси. Мы делаем все, что можем, и все очень добры к нам. У нас очень хорошая сиделка, и доктор Кеннеди советовался с доктором Бенсоном со Станции. Они делают все возможное, конечно же, но говорят, что... что теперь все дело решит хороший уход.

— Тогда я за него не боюсь, — с жаром заявил мужчина.

— Я знаю, но... о да, мы обеспечим ему наилучший уход.

— Не сомневаюсь. Так я совсем-совсем ничем не могу помочь?

Женщина покачала головой.

— Нет. Конечно, если ему полегчает... — она замялась, а потом повыше подняла подбородок. — Когда ему полегчает, — отважно исправилась она, — он захочет вас увидеть.

— И он меня увидит, — заверил Гернси. — Он поправится, миссис Холли. Я в этом уверен.

— Да-да, конечно, только... о, мистер Джек, он так болен! Ужасно болен! Доктор говорит, у мальчика необычайно чувствительная натура. И считает, что в последнее время его что-то беспокоило.

Голос миссис Холли дрогнул, и она умолкла.

— Бедняжка.

В быстром взгляде миссис Холли читалась благодарность за сочувствие.

— И вы полюбили его, я знаю, — выдохнула она. — Он говорит о вас часто... очень часто.

— Конечно, я его люблю! Да и кто бы его не полюбил?

— Таких нет, мистер Джек — это верно. И с тех пор, как он заболел, мы чаще, чем раньше, гадаем, кто же он. Понимаете, мне все кажется, что где-то у него есть друзья, и необходимо, чтобы они узнали, где он — как можно скорее.

— Да, я понимаю, — кивнул мужчина.

— Он необычный мальчик, мистер Джек. Его многому научили — вежливому обращению, поведению за столом и такому прочему. И многое из того, что говорил его отец, просто прекрасно! Никакой он не бродяга, и никогда им не был. А его игра. Вы знаете, как чудесно он играет.

— О да! Должно быть, вам не хватает его игры.

— Не хватает. Он и об этом говорит, — торопливо продолжала она, нервно сплетая пальцы, — но чаще всего он говорит о пении, и я не вполне понимаю почему, ведь он никогда не пел, вы знаете.

— О пении? И что же он говорит?

Мистер Джек задал этот вопрос, чтобы дать утомленной маленькой женщине возможность излить душу, ведь это приносило ей облегчение. Но при первых ее словах он вдруг насторожился.

— Все твердит о «своей песне», как он это называет — постоянно. Много не говорит, но я заметила, что он все повторяет одно и то же, примерно так: «Я буду шагать и шагать вперед с гордо поднятой головой и петь ее изо всех сил». А когда я спрашиваю, что же он будет петь, он все время отвечает: «Мою песню... мою песню» — вот и все. Как вы думаете, мистер Джек, у него была... песня?

— Думаю, была, миссис Холли, и... думаю, он пел ее.

В следующую секунду, быстро подняв шляпу и пробормотав: «Я скоро зайду», он развернулся и быстро зашагал по подъездной дорожке.

Он шагал так стремительно и был так поглощен своими мыслями, что не заметил экипажа, пока чуть не попал под колеса. Пропуская его, мистер Джек серьезно, с достоинством поднял шляпу и увидел пару прекрасных вороных, кучера в ливрее и потрясенные глаза, смотревшие прямо на него. Чего он не увидел, так это как мисс Холбрук хотела быстрым жестом остановить экипаж.

Глава XXII

Глазами Перри

Дни шли один за другим, а взволнованные наблюдатели, дежурившие у постели Давида, говорили только одно: «Почти ничего не изменилось». Джек Гернси часто заходил на ферму узнать о здоровье мальчика. И часто видел Перри Ларсона, который никогда не отказывался поговорить о Давиде. Именно от Перри Гернси начал узнавать о мальчишке вещи, о которых не имел ни малейшего понятия.

— Что удивительно, — сказал однажды Перри, — так это сколько народу спрашивает про мальчика. Вот уж я не думал, что они его знают, да что им дело есть, живой он или нет. Вот старая миссис Сомерс, к примеру. Вы знаете, какова она — кислая как лимон и вяжет как черемуха. Так она вчера мне целый букет дала для него. Сама, говорит, растила и, говорит, евойные это цветочки. Я-то сначала и не разобрал, о чем это она, ну, прямо и спросил.

И, кажись, в первый-то раз Давид на ейный сад-то наткнулся и углядел большую красную розу на кусту. Вроде как скрипочка у него с собой была, да он и заиграл — что роза-то растет (ну, вы знаете, как у него заведено!), а она услышала, и давай кричать да спрашивать, что это он себе думает. Ну так любой мальчишка-то убежал бы, ведь нрав ее всем известен — но уж не Давид. Стоит такой смелый весь и говорит, что роза-то, верно, так счастлива, ведь от нее весь жуткий сад таким миленьким стал. А потом, веселый, словно жаворонок, уходит, наигрывая на ходу. Так миссис Сомерс мне как на духу выложила, что она, мол, уж очень разозлилась, ведь сад-то ее и впрямь жутко углядел, да она и сама знала. Говорит, забросила его совсем с тех пор, как ее Бесси померла. Но как Давид сказал про розу-то, она хоть и разозлилась, но задело ее это. И прям не могла она забыть, круглые сутки думала про то, как роза у ней растет такая красивая да смелая. Ну и, наконец, только чтоб успокоиться, не удержалась и побежала в саду разбираться, и давай полоть и граблями работать. В общем, ежели какое растение живое осталось, она его уж выходила. А потом на Станцию послала за цветами в горшках, потому как са-

жать-то поздно было. И теперича у нее уж такая красота, вот она букшет-то Давиду и послала. Я миссис Холли как рассказал, она прям рада была, потому как, мол, миссис Сомерс надо было отвлечься, и, как по мне, так она и добрее с виду стала, миссис Сомерс, — словно черемуха расцвела, скажу так.

— А еще вдовая Гласпелл, — продолжал Перри после паузы. — Она-то, понятное дело, отчего горюет — Давид уж так добр к ее мальчонке-то был, на скрипочке учил его. Так миссис Гласпелл говорит, Джо прямо извелся весь и к скрипочке-то не притрагивается, хотя, когда Давид его учил, прямо с ума от радости сходил. И мальчишка у Кларков — он хромой, ну вы знаете — уж так ему нравилось, как Давид играет. Ясно, вы и еще мисс Холбрук — всегда про него спрашиваете и посылаете всякое, но понятно, вы-то друзья евойные. Но остальные как — прямо в толк взять не могу! Случается, иду и прямо казенная живая душа об нем спрашивает и желает ему на поправку идти. Бывает, ребятня подойдет, с которой он вроде как играл, и, пусть я лопну, ежели один такой не сказал, что Давид его разок побил из-за кошки или еще чего, а больше они и не разговаривали.

Так тот малец Давида с тех пор очень уважает, хотя Давид якобы и не знает об том. Вы только послушайте, диво-то какое! А как-то женщина одна подошла, да все никак не отпускала, но я только одно смог выпытать: вроде как Давид присаживался к ней на крыльцо и играл ее ребеночку раз-другой, как будто в том что особенное есть! А самое-то занятное было, когда женщина сказала, мол, ей гораздо сподручнее было посуду мыть, как она увидит, что он мимо идет да наигрывает. И еще Билл Дауд. Вы же знаете, у него правда не все дома, и все говорят, что он самый настоящий местный дурачок. Так знаете, что он сказал?

Мистер Джек покачал головой.

— Ну так он сказал, что надеется, мол, ничего с мальцом не случится, потому что очень уж он, Билл-то, любит, когда тот улыбается. А Давид, мол, всегда улыбался ему при встрече. Так и что вы об этом думаете?

— Ну, я думаю, Перри, — серьезно сказал мистер Джек, — что, говоря это, Билл Дауд вовсе не паясничал, как это с ним случается.

—Хм-м, может и так, — задумчиво пробормотал Перри. — Только, как по мне, все ж странно это было.

Он помолчал, а потом вдруг хлопнул ладонью по колену.

— А скажите-ка, я вам рассказывал о старике Стритере и о грушевом дереве?

И вновь мистер Джек покачал головой.

— Значится, расскажу, — радостно объявил Ларсон. — И, слышьте, как я погляжу, и вы не сможете это объяснить, а я и подавно! Ну, вы знаете Стритера, да кто не знает, так что я тут поклепу не навожу. Он сдвинутый, а сдвиг евойный — на деньгах. Вам уж ведомо, что он пальца не поднимет, ежели к нему доллар не прилип, и что он ничегошеньки ни для кого не сделает, если в том денежному интересу нету. Как по мне, так коль он на небо попадет, то перья из своих крыльев повыдергает и продаст по сходной цене.

— Ох, Перри! — усовестил его мистер Джек сдавленным голосом.

Перри Ларсон только усмехнулся и невозмутимо продолжал.

— Раз мы оба знаем, какой он есть, слушайте-ка, что он сделал. Иду я, значится, а он за своим забором, здоровым таким, — подзвал меня и говорит: «Как там мальчик?». Я чуть на месте не упал. Стритер, да спрашивает о больном мальчишке! И, кажись, ему правда

было до того дело. Чтоб у него так лицо вытянулось — я не видал с тех пор, как ему по одной закладной уплатили, когда он уже причмокивал, потому как дюже лакомый кусок ему в руки шел, цельная большая ферма! Ну я прямо извелся, так уж хотелось разузнать, отчего Стритеру до мальчонки дело есть. Вот я и разведал кой-чего окольными путями, ведь у самого-то у него не допросишься. Так знаете, чего оказалось? Наш плутишка-то самого скрягу окрутил — Стритера! Да, и соседи сказали, малец частенько к нему приходил, а Стритер в нем души не чаял! Даже, вроде как, дал ему цент, хотя уж на это я не куплюсь. Так они сказали, соседи-то, что все с груши началось — с большого такого дерева слева от евойного дома. Может, помните. Ну, оно вроде как старое и плодов больше не дает, но цветет каждый год — с ума сойти, как цветет! Только попозже, чем остальные груши-то, и подольше, будто знает, что других дел у него больше нету. Ну так старик Стритер и велел его срубить. То ли солнце оно ему загораживало, то ли дождевую воду отнимало у дерева на другой-то стороне, а та, другая груша, еще плодоносит, то есть, значит, чего-то стоит! И вот зовет он работника с топором и уже готов рубить, а

тут Давид. Малец в первый раз там появился. Пошел гулять, да и наткнулся на эту грушу, всю в цветах. И вы уж знаете, что от него можно ждать. Груша, да вся в цветах — картина та еще. Ну вот он и давай плясать да хлопать в ладоши, как умалишенный, — скрипочки-то с собой у него не было. И тут видит работника-то с топором и старого Стритера, а Стритер, значит, видит Давида. А потом, говорят, такое было — Билл Уорнер-то за забором стоял и слышал. Говорит, Давид, как понял, что будет, совсем сбрендил и давай бушевать, да так, что старый Стритер стоял да тарачился. Только и смог проворчать: «Слушай, мальчик, от этого дерева больше толку нету». Билл говорит, малец тут прямо взвился. «Толку нету! Толку нету! — кричит, — от такой-то красоты толку нету! Да никакого толку не надо, раз оно так прекрасно! На него надо смотреть, его надо любить и быть счастливым!». Вообразите-ка, сказать такое старику Стритеру! Поглядел бы я на его лицо. Так Билл говорит, мальчонка-то гораздо больше насказывал всякого. Мол, деревья — подарок Бога, а от того, чем Он дает нам любоваться, толку не меньше, чем от того, что Он дает нам в пищу, и, мол, звезды, закаты, снежинки

да облачные кораблики и не знаю, чего там еще, в Оркестре Жизни важны не меньше репы да тыквы. А потом, Билли говорит, как бросится к ногам Стритера и как давай умолять, чтоб тот подождал, пока он вернется со скрипочкой и расскажет, какое распрекрасное это дерево. Ну, хотите верьте, хотите нет, а старика Стритера прямо оторопь взяла. Так он и отослал человека с топором, а дерево-то до сих пор стоит, вона как! — закончил он.

Затем, внезапно помрачнев, Ларсон добавил осипшим голосом:

— Уж я только надеюсь, что я и о мальчике то же самое скажу — через месячишко.

— Будем надеяться, — с жаром вздохнул его собеседник.

Так дни проходили один за другим, и весь городок ждал, а в большой, полной воздуха «парадной спальне» в доме Холли один мальчик боролся за свою жизнь. Потом наступили самые черные сутки, когда весь городок мог только смотреть и ждать — и уже утратил надежду; когда доктора только качали головами и отводили глаза от взгляда миссис Холли; когда пульс на тонком запястье, лежавшем на покрывале, играл в прятки с прохладными, настойчивыми пальцами, так упорно искав-

шими его; когда Перри Ларсон невесть сколько бессонных часов сидел на кухне у плиты и со страхом прислушивался к шагам в коридоре; когда мистер Джек на крыльце и мисс Холбрук у башенного окна вместе с Давидом спустились в темную долину и так близко подошли к бурной реке, что жизнь, с такими мелочами как гордость и предубеждения, навсегда для них переменялась.

А потом, после самых темных суток, пришел рассвет, как это всегда бывает после чернейших дней и ночей. Пульс на тонком запястье, лежавшем поверх покрывала, наконец, появился и стал устойчивым. На лбу под пальцами сиделки выступила испарина. И тогда доктора закивали головами и стали смотреть всем прямо в глаза. «Он будет жить, — сказали они, — кризис прошел». Перри у кухонной плиты услышал в коридоре шаги и вскочил, но при первом же взгляде на мокрое от слез, но сияющее лицо миссис Холли его ноги подкосились и он упал на стул.

— Ух! — выдохнул он. — Знаете, вот уж я не думал, что стану так переживать за мальцато! Пойду-ка расскажу мистеру Джеку. Он ждет вестей.

Глава XXIII

Загадки

Выздоровление Давида было в своем роде живописным. Как только мальчик смог сидеть, он словно король занял место на троне, начал принимать подданных — и оказался весьма милостивым монархом. Его комната утопала в цветах и фруктах, а кровать стонала под тяжестью книг, игрушек и игр, которые несли со всех сторон. Каждый подарок он встречал восторженными криками, будь то роскошно переплетенные романы Вальтера Скотта от мисс Холбрук или коробка мраморных шариков от маленького хромоножки Джимми Кларка.

Только две вещи казались Давиду странными: почему все были так добры к нему и почему он никогда не имел удовольствия побывать в обществе мистера Джека и мисс Холбрук одновременно.

Давид открыл это любопытное обстоятельство, касающееся мистера Джека и мисс Холбрук, как только начал выздоравливать. На второй день после обеда мистера Джека допустили к больному. Давид слушал последние новости о Джилл и Джо, как вдруг заметил странную перемену в лице посетителя.

Из окон «парадной спальни» Холли была отлично видна дорога. Мистер Джек как раз смотрел в одно из окон. Давид, сидевший на кровати, увидел, что к дому стремительно приближается запряженный парой вороных открытый экипаж, который, как ему было известно, принадлежал мисс Холбрук. Мальчик с нетерпением наблюдал за ним, пока не увидел, что лошади поворачивают на подъездную дорожку к дому Холли, и тогда выразил свой восторг восклицанием:

— Это моя Госпожа Роз! Она приехала ко мне. Смотрите! О, я так рад! Теперь вы ее увидите и узнаете, какая она красивая. О, мистер Джек, вы же не уйдете сейчас, — Давид увидел, как мистер Джек вскочил на ноги, и прервался, чтобы немедленно выразить разочарование.

— Думаю, придется, если ты не возражаешь, Давид, — ответил мужчина как-то нерв-

но и торопливо. — А ты не будешь возражать, раз мисс Холбрук уже здесь. Я хочу поговорить с Ларсоном. Он был в поле минуту назад. Думаю, я выйду через окно, Давид. Не хочу упустить Перри, а так я скорее его поймаю, — закончил он, поднимая раму.

— О, но, мистер Джек, пожалуйста, подождите минуту, — взмолился Давид, — я хотел, чтобы вы увидели мою Госпожу Роз, и...

Но мистер Джек уже был на земле за низким окном, и через секунду с улыбкой и веселым кивком опустил за собой раму и поторопился уйти.

Почти сразу же в дверях спальни появилась мисс Холбрук.

— Миссис Холли сказала, я могу войти, и вот я здесь, — начала она весело. — О, молодой человек, вы выглядите гораздо лучше, чем в понедельник!

— Я уже лучше, — пропел Давид, — и сегодня мне особенно хорошо, потому что здесь был мистер Джек.

— О, мистер Джек приходил тебя навестить? — голос мисс Холбрук неувовимо переменялся.

— Да, только что. Да он еще был здесь, когда вы заезжали во двор.

— Здесь, когда я... Но я не встретила его... в коридоре.

— Он ушел не по коридору, — радостно рассмеялся Давид. — Он ушел прямо через вон то окно.

— Окно! — мисс Холбрук до самого лба залилась гневным румянцем. — В самом деле, ему понадобилось прыгать в окно, чтобы сбежать...

Она закусила губу и резко остановилась.

Глаза Давида немного расширились.

— Сбежать? О, он-то куда не сбегал. Это все Перри. Мистер Джек боялся, что не успеет его поймать. Он заметил его из вон того окна, уже когда увидел вас, и сказал, что хочет поговорить с ним и что боится, как бы он не ушел. Так что он выпрыгнул прямо из окна. Видите?

— О да, я... вижу, — пробормотала мисс Холбрук, и ее голос показался Давиду немного необычным.

— Я хотел, чтобы он остался, — неуверенно нахмурился Давид. — Хотел, чтобы он увидел вас.

— Ох, Давид, надеюсь, ты не сказал ему этого.

— Как раз сказал. Но он и тогда не смог остаться. Видите ли, он хотел поймать Перри Ларсона.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — резко ответила мисс Холбрук, так сильно подчеркивая каждое слово, что Давид снова взглянул на нее с некоторым беспокойством.

— Но он скоро вернется, я уверен, и, возможно, вы тоже будете здесь. Я так хочу, чтобы он увидел вас, Госпожа Роз!

— Чепуха, Давид! — немного нервно рассмеелась мисс Холбрук. — Мистер Гернси не хочет меня видеть. Он уже видел меня десятков раз.

— О да, он говорил мне, что видел вас давным-давно, — серьезно кивнул Давид, — но не похоже, чтобы он хорошо это помнил.

— Правда! — засмеялась мисс Холбрук, вновь покрасневшись. — Ну, дорогой, я уверена, что мы не станем слишком сильно напрягать память бедного джентльмена. Лучше давай посмотрим, что я тебе принесла, — весело закончила она.

— О, что это? — выкрикнул Давид, глядя, как быстрые пальцы мисс Холбрук снимают обертку и показывается коробка, которая, когда ее открыли, оказалась полным-полна

цветных деревянных кусочков странной формы, смешавшихся в беспорядочную кучу.

— Это головоломка, Давид. Если правильно собрать все кусочки, будет картинка. Я пробовала вчера вечером, и у меня не получилось. Вот, принесла тебе — может, у тебя выйдет.

— Спасибо! Я с удовольствием попробую, — обрадовался мальчик.

И, обнаружив два кусочка, которые самым волшебным образом подошли друг к другу, очарованный Давид вроде бы вовсе забыл о мистере Джеке — и, казалось, мисс Холбрук это было весьма по душе.

Желание Давида увидеть мистера Джека и Госпожу Роз вместе у своей постели сбылось почти через целую неделю. Это был тот день, когда мисс Холбрук принесла ему чудесный набор красиво переплетенных романов Вальтера Скотта. Более того, он еще торжествовал по поводу нового приобретения, когда мистер Джек внезапно появился на пороге.

— Привет, мой мальчик, я только... О, прошу прощения. Я полагал, мы одни, — сказал он, запнувшись и сильно покраснев.

— Он один... то есть, очень скоро останется в одиночестве... если не считать вас, ми-

стер Гернси, — беззаботно улыбнулась мисс Холбрук, поднявшись.

— Нет-нет, умоляю вас, — заикаясь, сказал мистер Джек, багровея еще сильнее. — Я не хочу выго... то есть, я хочу сказать, не уходите, пожалуйста. Я не знал. И не мог предположить, ведь я не видел... Вашего экипажа сегодня не было у дверей.

Брови мисс Холбрук поднялись на дюйм.

— Я отослала его домой. Хочу пройтись. Мне надо сделать несколько визитов по пути, и теперь как раз пора уходить. До свидания, Давид.

— Но, Госпожа Роз, пожалуйста, пожалуйста, не уходите! — взмолился Давид, в смятении переводя взгляд с одного на другого.

Но ни уговоры, ни споры не возымели действия, и, прежде чем Давид сообразил, что случилось, он остался наедине с мистром Джеком.

И тогда одно разочарование наложилось на другое, потому что визит мистера Джека вопреки обычному не стал для мальчика источником безоблачной радости. Сначала мистер Джек был почти сердит, а потом притих, забеспокоился и начал рывками пе-

редвигаться по комнате, что очень досаждало Давиду.

Мистер Джек принес с собой книгу, но сегодня это только ухудшило дело. Увидев прекрасно переплетенные тома, только подаренные мисс Холбрук, он нахмурился и сказал мальчику, что, вероятно, его подарок вовсе не нужен, когда есть такие чудесные книги. И Давид никак не мог объяснить, что одна книга от мистера Джека была не менее дорога ему, чем весь набор, подаренный Госпожой Роз.

Этот визит явно не принес удовлетворения никому и в первый раз в жизни Давид был почти рад, что мистер Джек ушел и оставил его наедине с книгами. Книги, сказал себе Давид, понять можно, а мистера Джека сегодня — нет.

Несколько раз после этого случая Госпожа Роз и мистер Джек случайно приходили в одно и то же время, но Давиду никак не удавалось убедить двоих своих друзей остаться вместе. Если один приходил, а другой уже был на месте, этот другой удалялся, несмотря на заверения Давида в том, что двое гостей совершенно не утомят его и что он уже не раз принимал двоих. Хотя во всех остальных от-

ношениях его друзья были сговорчивы и всегда стремились угодить Давиду, здесь они оказались непреклонны и ни за что не соглашались остаться вместе.

Они не сердились друг на друга — в этом Давид был уверен, поскольку они были всегда особенно вежливы при встрече: поднимались и кивали самым изысканным образом. Но все же иногда ему казалось, что они не особенно любят друг друга — потому что всегда, когда один из них уходил, оставшийся становился тихим и почти суровым, если это был мистер Джек, и раздумывавшейся и нервной, если это была мисс Холбрук. Но почему оно было так, Давид понять не мог.

Пара прекрасных вороных в эти дни весьма часто заворачивала к дому Холли, а впоследствии случалось и так, что она увозила бледного мальчика со счастливыми глазами на сиденье рядом с мисс Холбрук.

— Ох, я не понимаю, почему это все настолько добры ко мне! — воскликнул однажды Давид, обращаясь к Госпоже Роз.

— Ну, это вполне понятно, Давид, — улыбнулась она в ответ. — Единственная проблема в том, чтобы выяснить, чего ты хочешь — ты слишком малого просишь.

— Но мне и не надо просить — вы обо всем знаете заранее, — заверил мальчик, — вы, мистер Джек и все остальные.

— Правда? Это хорошо.

Мисс Холбрук замялась, а потом, словно между прочим, спросила:

— Полагаю, он продолжает рассказывать тебе истории, этот мистер Джек, — как и раньше?

— Ну, когда-то давно он рассказал мне только одну, но с тех пор, как я заболел, были и другие.

— О да, я помню, та, давнишняя, называлась «Принцесса и нищий», верно? Так рассказал ли он тебе что-нибудь... в том же духе?

Мальчик решительно замотал головой.

— Нет, ничего похожего он не рассказывает... да я и сам этого не хочу.

Мисс Холбрук довольно странно хохотнула.

— А почему, Давид? Что с ней не так? — любопытствовала она.

— Все дело в конце. Он не счастливый, знаете.

— О, да... я... я помню.

— Я просил изменить его, — продолжил Давид расстроенным голосом. — Прямо на днях просил, но он не стал.

— Может, он... не хотел, — мисс Холбрук говорила очень быстро, но так тихо, что Давид едва ее слышал.

— Не хотел? Конечно, он хотел! Он был ужасно серьезный, как будто его это сильно волновало, знаете. И сказал, что отдал бы все на свете, лишь бы только изменить это, но он не может.

— Он так... и сказал? — выдохнула мисс Холбрук, подавшись вперед.

— Да, именно так, и я этого не понял, — продолжал Давид. — Потому что я не возьму в толк, почему историю — просто историю, выдуманную кем-то — нельзя изменить, как угодно. Так я ему и сказал.

— Ну и что же он тебе ответил?

— Он целую минуту ничего не говорил, и пришлось повторить вопрос. Тогда он вдруг выпрямился, словно до этого спал, знаете, и сказал: «Э-э... что, Давид?». И тогда я снова все повторил. На этот раз он покачал головой и улыбнулся такой... улыбкой, которая на самом деле не улыбка, знаете, и что-то сказал об истории из настоящей жизни, у которой есть только одно завершение, и это завершение логическое. Госпожа Роз, что такое логическое завершение?

Госпожа Роз внезапно рассмеялась. На ее щеках зажегся яркий румянец, который всегда нравился Давиду, а глаза вдруг засверкали. Отвечая, она несколько раз прерывалась на короткие смешки:

— Ну, Давид,... не думаю, что могу... сказать. Но, может быть... я могу это выяснить. В одном, однако же... я уверена: логическое завершение мистера Джека... не по мне!

Давид не понял, что она имела в виду, а она не ответила на вопросы. Но несколько дней спустя мисс Холбрук послала за ним, и Давид, уже способный идти, куда ему хотелось, с превеликой радостью ответил на призыв.

Был ноябрь, и сад стоял голый и холодный, но в библиотеке в камине танцевал яркий огонь, и мисс Холбрук пододвинула поближе к нему два низких стульчика.

Давид подумал, что в этот момент она была особенно хороша. Казалось, румянец на ее щеках был отсветом глубокого красного цвета платья. Ее глаза ярко сияли, а губы улыбались, однако она казалась странно нервной и беспокойной. Сначала мисс Холбрук вроде принялась за рукоделие, взявшись за лоскуты белого и желтого шелка, но вскоре оставила его и начала вязать — спицы из слоновой кости за-

мелькали над голубой шелковистой сеточкой. Но и это продлилось недолго. На низкой подставке со стороны Давида были разложены книги и картинки, и она еще какое-то время говорила о них. Потом она вдруг спросила:

— Давид, как ты думаешь, когда ты... увидишь мистера Джека?

— Завтра. Я иду в «дом, который построил Джек» на чай и останусь на ночь. Будет Хэллоуин* — то есть на самом деле это не Хэллоуин, потому что уже слишком поздно. Я его пропустил, потому что болел, знаете. Так что мы будем его изображать, и мистер Джек покажет, как это бывает. Они с Джилл всегда так поступают — когда с настоящим не получается, делают понарошку. Мистер Джек много напланировал для нас с Джилл — будут орехи, яблоки и свечи, знаете. Я иду к ним завтра вечером. Тогда мы и увидимся.

— 3-завтра? Так... так скоро? — запнувшись, спросила мисс Холбрук.

---

* Хэллоуин — праздник, который в англоязычных странах отмечают 31 октября, в канун Дня всех святых. Сопровождается карнавалами, играми, гаданиями.

Традиционная игра, в которую играют во время Хэллоуина, — вылавливание яблок зубами из сосуда, наполненного водой.

Давид в изумлении смотрел на нее. Ему даже показалось, что мисс Холбрук ищет, куда бы сбежать и где спрятаться. Потом она решительно, словно ухватившись за что-то обеими руками, наклонилась вперед, посмотрела Давиду прямо в глаза и начала торопливо, но очень отчетливо говорить.

— Давид, послушай. Нужно кое-что передать мистеру Джеку, только точно. Это касается той истории... про принцессу и нищего. Думаю, тебе не надо напоминать, ведь ты отлично запомнил все подробности. Сможешь передать? В точности то, что я тебе сейчас скажу.

— Ну конечно, я передам! — без колебаний пообещал Давид, хотя в его взгляде еще читалось удивление.

— Это насчет... конца, — сказала мисс Холбрук, запинаясь. — То есть, это может... иметь некое отношение к концу... вероятно, — путано закончила она.

И снова Давид заметил, что ее взгляд мечется, словно в поисках пути к отступлению. Затем она вновь решительно подняла подбородок и начала говорить еще быстрее.

— Итак, слушай, — серьезно начала мисс Холбрук.

И Давид стал слушать.

Глава XXIV

История на новый лад

Хэллоуин понарошку имел огромный успех. Давиду так понравилось ловить зубами яблоки и грызть орехи, что он напрочь забыл передать мистеру Джеку слова Госпожи Роз. Мальчик вспомнил об этом, только когда Джилл ушла наверх в спальню, а сам он уже собирался взять из рук мистера Джека маленькую зажженную лампу.

— Ох, мистер Джек, я забыл, — воскликнул он тогда. — Я собирался кое-что вам сказать.

— Давай не сегодня, Давид, уже очень поздно. Думаю, до завтра подождет, — предложил мистер Джек, все еще протягивая Давиду лампу.

— Но я обещал Госпоже Роз, что скажу сегодня, — забеспокоился Давид.

Молодой человек вдруг отвел лампу назад.

— Госпожа Роз! Ты хочешь сказать... она послала весточку... мне? — спросил он.

— Да, насчет истории «Принцесса и нищий», знаете.

С потрясенным восклицанием Джек поставил лампу на стол и направился к стулу. Очевидно, он уже не торопился пойти в постель.

— Так, Давид, может, подойдешь, сядешь и объяснишь мне подробно, что ты хочешь сказать? Прежде всего, что именно Госпожа Роз знает об этой... истории?

— Ну как же, она ее знает от начала до конца, — удивленно ответил мальчик. — Я ей сам рассказал.

— Ты... рассказал... ей? — мистер Джек обмяк на своем стуле. — Давид!

— Да, и ей было очень-очень интересно.

— Не сомневаюсь! — мистер Джек мрачно вато поджал губы.

— Только ей не понравился конец.

Мистер Джек выпрямился.

— Ей не понравился конец? Она так сказала?

Давид задумчиво нахмурился.

— Ну, я не помню в точности ее слова, но уверен, что ей он не понравился, ведь прямо

перед этим она сказала, что именно нужно вам передать. И сказала она, что... что, возможно, это касается конца вашей истории. И все же, — Давид остановился и задумался еще глубже, — если подумать, мне кажется, ее слова не могут ничего поменять. В любом случае, они не поженились и не стали жить-поживать и добра наживать.

— Да, но что она сказала? — спросил мистер Джек нетвердым голосом. — Теперь будь внимателен, Давид, и передай мне в точности ее слова.

— Да, я так и сделаю, — кивнул Давид. — Она тоже сказала, что надо сделать так.

— Правда? — мистер Джек наклонился вперед. — Но скажи, как вышло, что она вообще... начала об этом говорить? Лучше начни с самого начала — с самого первого упоминания, Давид. Я хочу все об этом услышать!

Давид довольно вздохнул и устроился поудобнее.

— Ну, для начала надо сказать, что я еще давно рассказал ей эту историю. Это было до того, как я заболел, и ей было очень интересно. Она задавала много-много вопросов. Потом, в другой раз, речь зашла о конце — не помню, как это случилось, — и я сказал ей, что

очень старался убедить вас изменить его, а вы никак не хотели. И она стал быстро говорить, что, вероятно, вы и не желали его менять, в любом случае. Но, конечно, этот вопрос я разрешил без проблем, — доверчиво продолжал Давид. — Я прямо сказал: вы отдали бы все на свете, лишь бы изменить его.

— Именно так... ты и сказал, Давид? — вскричал мужчина.

— Ну да, мне пришлось, — удивленно ответил Давид. — Иначе как бы она поняла, что вы правда хотели изменить конец? Разве вы не понимаете?

— О да! Я... понимаю многое... из того, что, как видно, не понимаешь ты, — пробормотал мистер Джек и упал на стул.

— Ну тогда я и сказал ей про логическое завершение, о котором говорили вы, знаете. Ах, да! Тогда я и понял, что конец ей не нравится. Она засмеялась так странно и покраснела, и сказала, что вряд ли может объяснить мне про логическое завершение, но постарается выяснить и, в любом случае, она бы придумала другой конец — в этом она уверена.

— Давид, она так и сказала — правда? — мистер Джек вскочил.

— Да, а вчера она попросила меня зайти и еще поговорила — ну, об этой истории, — только уже не о конце. О нем она вообще больше не упоминала, за исключением малости, которую я сейчас передал.

— Да, да, но что она сказала? — с нетерпением спросил мистер Джек, вдруг перестав мерить шагами комнату.

— Она сказала: «Передай мистеру Джеку, что я знаю об этой истории кое-что, возможно, ему неизвестное. Прежде всего, я лучше него знаю принцессу, и она вовсе не похожа на описанную им девушку».

— Да! Продолжай, продолжай!

— Например, она сказала: «Передай мистеру Джеку, что, когда юноша пришел с визитом во время первого возвращения девушки, и ему это не понравилось, потому что речь шла только о колледжах, путешествиях и так далее, на самом деле девушка очень-очень надеялась, что он заговорит о старых временах и общих играх. Но сама она, конечно, не могла начать первой, ведь он ни разу не навестил ее за все эти недели, и вел себя так, словно обо всем забыл».

— Но она не помахала платком... эта принцесса! Не помахала ни разу, — заспорил мистер Джек, — а юноша этого ждал.

— Да, она упомянула и это, — ответил Давид. — Но она сказала, ей не кажется, что принцессе стоило махать юноше платком, ведь она была уже совсем большой, и потому никак не могла махать юноше! Она сказала, что ей самой на месте принцессы было бы очень стыдно это сделать.

— Неужели! — вяло бросил мистер Джек, вдруг опускаясь на стул.

— Да, так она и сказала, — повторил Давид, с достоинством подняв подбородок.

Было очевидно, что мальчик, сам того не сознавая, сменил объект симпатий.

— Но... Нищий...

— Да, и это она тоже упоминала, — перебил Давид. — Госпожа Роз сказала, что ей нисколько не нравится это имя, и оно, в любом случае, несправедливо, ведь юноша совсем не нищий. А в описании счастливейшей принцессы в окружении роскоши все полная неправда. Она знает, что принцесса вовсе не счастлива, одинока и очень скучает по разным вещам и людям из своего детства.

И вновь мистер Джек вскочил. Минуту он ходил по комнате взад-вперед, ничего не говоря, а потом спросил дрожащим голосом:

— Давид, ты... ты это не придумываешь? Ты говоришь то... что сказала тебе мисс Холбрук?

— Ну, конечно, я не придумываю, — обиженно запротестовал мальчик. — Это история Госпожи Роз. Она ее придумала — только, конечно, говорила так, словно это все на самом деле, прямо как вы. И еще кое-что она сказала. Что Принцесса окружила себя великолепием, желая посмотреть, не сделает ли оно ее счастливей, но ничего такого не случилось, и теперь у нее есть только одно место — маленькая комнатка — где все осталось так же, как во времена ее детства, и она часто ходит туда и сидит там подолгу. И еще она сказала, что из комнатки видно жилище мальчика, и он тоже мог бы видеть ее окно каждый день. Не будь он таким слепым, он мог бы посмотреть прямо сквозь серые стены и увидеть это и еще многое, многое другое. А что она имела в виду, мистер Джек?

— Я не знаю... Не знаю, Давид, — почти простонал мистер Джек. — Иногда мне кажется, она имеет в виду... А потом я думаю, что это просто невозможно.

— Но как вы думаете, это как-то поможет изменить... историю? — упорствовал маль-

чик. — Она ведь лишь немного рассказала о принцессе. И ничего особенно не поменялось — по крайней мере, конец.

— Но она сказала, что он может поменяться... Сказала, что может! Разве ты не помнишь? — воодушевленно воскликнул мужчина.

Это воодушевление не показалось Давиду странным. Давным-давно мистер Джек уже говорил, что был бы очень рад, будь у истории более счастливый конец.

— Подумай, пожалуйста, — продолжал мужчина, — может, она сказала что-то еще. Это точно все?

Давид медленно покачал головой.

— Нет, разве... да, была еще одна мелочь, но она не меняет дела, потому что это всего лишь предположение. Она сказала: «Представь, что спустя все эти годы принцесса узнала о тогдашних чувствах юноши, и еще представь, что однажды он взглянул на башню в тот же час, что и в детстве, и увидел, как ему машут один, а после паузы — еще один раз, подавая сигнал «приходи ко мне». По твоему мнению, как бы он поступил?». Но, конечно, ничего хорошего из этого не выйдет, — мрачно закончил Давид, поднимаясь, чтобы идти в постель, — ведь это все только предположения.

— Конечно, — уверенно сказал мистер Джек.

Давид не знал, что только строжайший самоконтроль позволял ему сохранять твердость в голосе, когда весь мир вдруг запел для него ликующую мелодию.

Давид не знал также, что на следующее утро задолго до восьми часов мистер Джек стоял у некоего окна, не сводя глаз с серых башен «Солнечного Холма». Зато вскоре, как только пробило восемь, он увидел, как мистер Джек широким шагом пересек комнату, где они с Джилл играли в шашки, накинул пальто и шляпу, а потом буквально поскакал по ступенькам, ведущим к мостику у подножия холма.

— Да что же такое с Джеком? — выдохнула Джилл и в изумлении умолкла.

А потом спросила:

— Давид, а люди сходят с ума от радости? Понимаешь, вчера Джек получил две чудесные новости. Одна была от доктора. Джека осмотрели, и доктор говорит, все в порядке, так что теперь он может в любой момент ехать в город и возвращаться на работу. Тогда я пойду в школу, ну, ты знаешь, в школу для юных леди, — завершила она важно.

— Он здоров? Как чудесно! А какая же вторая новость? Ты сказала, их было две, только лучше этой и быть не может. Он выздоровел — совсем выздоровел!

— Вторая? Ну, просто оказалось, что его ждут в старом месте в городе. Он состоял в важной адвокатской фирме, знаешь, и, конечно, хорошо, когда тебе есть куда вернуться. Но не думаю, что из-за этого можно так себя вести. А ты что думаешь?

— Почему же нет, — заключил Давид. — Он нашел свою работу — понимаешь? Там, в большом мире. И он будет ее делать. Я знаю, что бы чувствовал, если бы нашел свою, о которой говорил отец! Чего я не понимаю, так это почему, хотя мистер Джек узнал обо всем этом вчера, он не радовался так и ждал сегодняшнего дня?

— Да, интересно, — сказала Джилл.

Глава XXV

Прекрасный мир

Ранней зимой Давид открыл в своей скрипке много новых песен, и все они были очень красивы. Сначала в них отразились добрые взгляды и поступки, которыми забрасывали мальчика со всех сторон. А еще была первая снежная буря, когда пушистые хлопья превратили весь мир в волшебное белое царство. Однажды Давид сыграл об этом мистеру Стритеру и страшно разочаровался, когда выяснилось, что тот не понимает смысла песни.

— Но разве вы не видите? — взмолился Давид. — Я рассказываю, как грушевые цветы вернулись и говорят вам, как они рады, что вы их тогда не убили.

— Грушевые цветы — вернулись! — воскликнул старик. — Ну нет, этого я не вижу. Где же твои цветы?

— Ну как же, за окном и везде, — подсказал мальчик.

— Там! Чтоб я провалился! Мальчик, ты... ты уж верно не о снеге говоришь!

— Конечно, о снеге! Неужели вы не видите? Дерево было как большое облако снежинок, разве вы не помните? Ну а теперь этого нет, зато гораздо больше деревьев стоят в облаках, и белые лепесточки танцуют, празднуя и говоря вам, что обязательно вернутся на следующий год.

— Ух, чтоб я провалился! — снова воскликнул мужчина. Потом он вдруг от души расхохотался, закинув голову. Давида не обрадовал ни этот смех, ни пятицентовик, который мужчина сунул ему чуть позже, но он не знал, что и этот смех, и подаренная монетка были настоящими вехами на незнакомом пути для этого нечувствительного человека.

Вскоре Давида ждал большой сюрприз — он узнал, что его любимая Госпожа Роз и не менее любимый мистер Джек поженятся в начале нового года. Мальчик был так поражен этой новостью, что даже его скрипка умолкла, и сам он тоже сразу не смог ничего сказать. Но однажды он заявил мистеру Джеку, как мужчина мужчине:

— Я думал, мужчины, когда хотят жениться, ухаживают за женщинами. Так бывает в книгах. А вы... вы почти ни слова не сказали моей прекрасной Госпоже Роз. А однажды, давно, говорили, что едва ее помните. Так как же это объяснить?

И мистер Джек рассмеялся, но одновременно покраснел, а потом рассказал все — что у них с мисс Холбрук на самом деле произошла история принцессы и нищего и что Давид невольно обеспечил им часть ухаживаний.

Как же Давид смеялся, обхватив себя руками от радости! И какую же прекрасную, прекрасную мелодию он обнаружил в звучных струнах своей скрипки, когда взялся за нее!

Случилось так, что именно эту песню он играл в своей комнате в субботу, в послеобеденный час, когда на ферму Холли пришло письмо от давно потерянного сына Джона.

Внизу, на кухне стоял Симеон Холли, держа в руке письмо.

— Элен, у нас письмо от... Джона, — сказал он.

То, что Симеон Холли вообще об этом говорил, свидетельствовало, как далеко, очень далеко прошел он по своей незнакомой дороге со времени предыдущего письма от сына.

— От... Джона? О, Симеон! От Джона?

— Да.

Симеон сел и вставил кончик ножа под клапан конверта, пытаясь скрыть дрожь.

— Посмотрим, что... он пишет.

У постороннего слушателя могло бы сложиться впечатление, что письма от Джона приходят каждый день.

В письме говорилось:

«Дорогой отец,

Я уже дважды писал тебе, но не получил ответа. Однако я собираюсь сделать еще одно усилие и попросить о прощении. Нельзя ли мне приехать к вам на это Рождество? Теперь у меня самого есть сын, и я очень тоскую по вам. Я знаю теперь, что чувствовал бы, повтори он мой поступок в будущем.

Не стану тебя обманывать — я не бросил искусство. Однажды ты велел мне выбирать между тобой и ним — полагаю, выбор я сделал. По крайней мере, я сбежал. Но, несмотря на это, спрашиваю тебя еще раз: нельзя ли мне приехать на Рождество? Ты мне нужен, отец, и мама нужна мне тоже. И я хочу, чтобы вы увидели моего мальчика».

— Ну? — сказал Симеон Холли, пытаясь говорить холодно и спокойно, чтобы не показать, насколько глубоко тронут. — Ну, Элен?

— Да, Симеон, да! — задыхаясь, ответила его жена, и в ее умоляющем взгляде и голосе отразился целый мир материнской любви и тоски. — Да, ведь ты разрешишь!

— Дядя Симеон, тетя Элен, — позвал Давид, топоча вниз по лестнице, — в моей скрипке нашлась такая прекрасная песня, и я буду играть ее снова и снова, чтобы точно запомнить ее для папы — ведь этот мир прекрасен, дядя Симеон, правда? А теперь послушайте.

И Симеон Холли слушал — но слышал не скрипку. Для него звучал голос кудрявого мальчика из прошлого.

Когда чуть позже Давид закончил игру, на него смотрела только женщина — мужчина уже сел за письменный стол с ручкой в руках.

Джон, жена Джона и сын Джона приехали за день до Рождества, к сильнейшей радости всех обитателей фермы Холли. Джон оказался большим, сильным и загорелым после долгих этюдов под открытым воздухом — сын, которым стоит гордиться и на которого можно положиться на склоне лет. Миссис Джон, говоря словами Перри Ларсона, оказалась

«уж такая куколка». По словам матери Джона, молодая леди была невероятно точным воплощением дочери, о которой миссис Холли так долго и отчаянно мечтала, — милой, обаятельной и красивой. А маленький Джон — маленький Джон был самим собой и не стал бы лучше, будь он херувимом, спустившимся с небес, — каковым его и считали обожающие его бабушка и дедушка.

Джон Холли не успел пробыть в отцовском доме и четырех часов, когда наткнулся на скрипку Давида. В этот момент в комнате были только его мать и отец. Покосившись на родителей, он взял в руки инструмент. Джон Холли не забыл свое отрочество, когда его игра на скрипке вовсе не приветствовалась.

— Скрипочка! А кто играет? — спросил он.

— Давид.

— О, мальчик. Говоришь, ты... взял его к себе? Кстати, он престранный паренек! Никогда не видел мальчика, похожего на него.

Симеон Холли сердито вскинул подбородок.

— Давид — хороший мальчик, очень хороший, правда, Джон. Мы о нем самого высокого мнения.

Джон Холли добродушно хохотнул, но продолжал задумчиво хмуриться. Он все еще не мог понять двух вещей: откуда в отце эти неопределенные перемены и какое положение в доме занимает Давид — Джон Холли все еще помнил пережитые в отрочестве притеснения.

— Хм-м, — пробормотал он, легко касаясь струн пальцем, а потом робко проводя по ним смычком. — У меня дома есть скрипочка, и я иногда играю. Не возражаешь, если... я ее настрою?

В глазах отца промелькнуло нечто, весьма похожее на веселье.

— О нет. Мы нынче... к этому привыкли.

И снова Джон Холли вспомнил детство.

— Ничего себе! Да у парнишки шикарный инструмент, — поразился он, роня смычок, которым только что извлек полдюжины потрясающе глубоких, вибрирующих нот, и поднося скрипку к окну. Через секунду он издал потрясенное восклицание и обратил к отцу ошарашенный взгляд.

— Силы небесные, отец! Где мальчик взял этот инструмент? Я знаю кое-что о скрипках, даже если особо не играю, и это! Откуда он ее взял?

— Полагаю, у отца. Так или иначе, он с ней пришел.

— Пришел с ней! Но, отец, ты говорил, он был бродягой, и... о, ну же, расскажи мне, что здесь за тайна! Вот я возвращаюсь домой и вижу, что в гостиной у отца лежит себе спокойно скрипка, которой, насколько я знаю, цены нет. В любом случае, я уверен, ее цена измеряется в тысячах, а не в сотнях. А ты с тем же спокойствием говоришь, что ею владеет мальчик, который, можно не сомневаться, вряд ли способен верно сыграть шестнадцатую, не говоря уже о том, чтобы оценить свою игру, и который, по твоим же словам, всего лишь...

Взметнувшаяся вверх рука отца остановила Джона Холли, и слова замерли у него на губах. Он обернулся и увидел в дверях самого Давида.

— Заходи, Давид, — тихо сказал Симеон. — Мой сын хочет послушать, как ты играешь. Мне кажется, он еще не слышал.

И снова в лице Симеона Холли промелькнуло что-то, явно напоминающее веселье.

С видимой неохотой Джон Холли передал скрипку мальчику. На лице его отражалось предчувствие неминуемой муки. Но, словно вынужденный задать вопрос, он все же осведомился:

— Мальчик, где ты взял эту скрипку?

— Не знаю. У нас она всегда была, сколько я помню. Эта и другая.

— Другая!

— Отцовская.

— О, — он поколебался, а потом с некоторой суровостью заметил:

— Это ценный инструмент, мальчик, — очень ценный инструмент.

— Да, — с радостной улыбкой кивнул Давид. — Папа так говорил. Мне тоже он нравится. Это Амати, а другая — Страдивари. Иногда я не знаю, какая мне нравится больше, но моя только эта.

Издав полузадушенное восклицание, Джон Холли обмяк и откинулся назад.

— То есть... ты знаешь? — спросил он с вызовом.

— Знаю — что?

— Ценность инструмента в твоих руках.

Ответа не последовало. В глазах мальчика был вопрос.

— Я имею в виду, сколько он стоит.

— Как же, нет... да... то есть для меня он дороже всего на свете, — ответил сбитый с толку Давид.

Джон Холли отбросил эту версию нетерпеливым жестом.

— Ну а другая? Где же она?

— У Джо Гласпелла. Я ему дал, потому что у него не было скрипки, а ему так нравится играть.

— Ты дал ему... Страдивари!

— Одолжил, — тревожно поправил его Давид. — Она отцовская, так что я никак не мог отдать ее. Но Джо... Джо надо было на чем-то играть.

— На чем-то играть! Отец, он же не о Гласпеллах с Ривер-стрит? — крикнул Джон Холли.

— Думаю, о них. Джо — внук старого Пелега Гласпелла.

Джон Холли поднял руки.

— Страдивари — внуку старого Пелега. О боги! — пробормотал он. — Ну, я буду... — предложения он не закончил.

По знаку Симеона Холли Давид начал играть.

Со стула у плиты отец наблюдал за сыном — и улыбался. Он видел, как на лице Джона отражается борьба потрясения, неверия и восторга. Но прежде чем игра закончилась, Перри Ларсон по какому-то делу вызвал хозяина на кухню. Именно туда чуть позже во-

рвался Джон Холли с горящими глазами и щеками.

— Отец, где, во имя неба, ты откопал этого мальчика? — потребовал он ответа. — Кто научил его так играть? Я пытался выяснить у него самого, но, думаю, и Шерлок Холмс ни слова не разобрал бы в его тарабарщине насчет домов в горах и Оркестра Жизни! Что это значит, отец?

Тогда Симеон Холли послушно рассказал историю — более полно, чем в прошлый раз. А еще он принес письмо с загадочной подписью.

— Может, ты разберешь это, сын, — засмеялся он. — У нас у всех не получилось, хотя я давно уже никому это не показывал. Уже и отчаялся узнать, что здесь написано, раз ни у кого не выходит.

— Разберу ли я! Разберу ли! — взволнованно воскликнул Джон Холли. — Должен сказать, что я это разберу! Это имя одного из величайших скрипачей за все времена.

— Но как... что... как вышло, что он оказался в моем амбаре? — потребовал ответа Симеон Холли.

— Легко догадаться — из письма и из того, что известно всем, — ответил Джон еще дрожащим от волнения голосом. — Вроде как он

всегда был странным и имел собственные представления о жизни. Шесть или семь лет назад умерла его жена. Говорят, он боготворил ее, и несколько недель отказывался даже прикасаться к скрипке, а потом, внезапно, исчез вместе с четырехлетним сыном — совершенно пропал из вида. И кое-кто догадался о причине. Я знал человека, который был хорошо знаком со скрипачом, и немало рассказал мне, когда тот исчез. Этого человека совсем не удивило произошедшее, ведь уже с полдюжины родственников высказали, как стоит воспитывать Давида, и у него появились все шансы избаловаться от такого внимания и постоянной лести. Отец же решил сделать из сына прекрасного музыканта. Он как-то сказал, что, по его мнению — и это мнение разделяют многие — человека формируют первые двенадцать лет его жизни, и если бы он мог сам воспитывать ребенка все это время, то рискнул бы остальным. И вот, получается, он следовал этому принципу, пока не заболел и не был вынужден выйти к людям — бедняга!

— Но почему он прямо не сообщил, кто он такой? — Симеон Холли был крайне раздражен.

— Он думал, что сообщил, — рассмеялся его собеседник. — Подписался и считал, что этого достаточно, ведь его имя так хорошо известно. Поэтому он и скрывался, пока жил на горе, и поэтому сам Давид не знал своей фамилии. Конечно, если бы его узнали, всем планам пришел бы конец, и он в этом не сомневался. Так что он решил, что в итоге достаточно подписать записку, все поймут, кто он есть, а Давида сразу же отправят к близким. (Кажется, у него есть тетя и кузены). Понимаешь, он не рассчитывал, что никто не сможет прочесть его имя, и, кроме того, был так болен, что вряд ли мог мыслить ясно.

— Понимаю, понимаю, — кивнул Симеон Холли, слегка нахмурившись. — И конечно, если бы мы разобрали, кто-нибудь, наверное, узнал бы его. Теперь, когда ты напомнил, мне кажется, я сам слышал его в давние времена — хотя имена таких людей мало что значат для меня. Но, несомненно, кто-нибудь его узнал бы. Однако это уже дело прошлое.

— Да, и все сложилось хорошо. Мальчику повезло попасть в хорошие руки. Правда, скоро тебе придется с ним распрощаться.

— Распрощаться? О нет, я оставлю Давида у себя, — решительно заявил Симеон Холли.

— Оставишь его! Ох, отец, ты забываешь, кто он такой! Мальчика ждут друзья, родственники, восторженная публика и куча денег. Его нельзя оставлять. И ты ни за что не смог бы так надолго задержать его в маленьком городке, не будь этот городок затерян в забытой долине высоко в горах. Как только выяснится, что он здесь, весь мир окажется у твоих дверей, и горы их не остановят. Кроме того, это его близкие, и у них есть права.

Ответа не последовало. Лицо старшего мужчины вдруг стало старым и утомленным. Он отвернулся.

Спустя полчаса Симеон Холли поднялся по лестнице в комнату Давиду и рассказал о важном и прекрасном событии, которое должно было произойти с мальчиком, так мягко и просто, как только мог.

Давид был поражен, но невероятно рад. То, что он оказался сыном известного человека, никак не тронуло его. Самое большее, его порадовало, что отец займет достойное место в глазах окружающих — а для самого Давида он всегда был совершенством. Но отъезд — чудесный отъезд — стал источником волнения и множества вопросов.

— Получается, я уеду и буду учиться, то есть, тренироваться... и лучше узнаю мою скрипку?

Симеон Холли побледнел. Однако он знал, что Давид не нарочно делает это таким трудным.

— Да.

— Так это же будет мое «начало» — то, что я хотел получить с помощью золотых монет! — радостно закричал Давид.

— Твое — что?

— Н-ничего, правда, мистер Холли... дядя Симеон, ничего.

То ли от возбуждения мальчика, то ли от неловкого упоминания золотых монет в глазах Симона Холли вдруг появились тревога и подозрение.

— Твое «начало» — золотые монеты? Давид, что ты имеешь в виду?

Давид покачал головой. Он не собирался рассказывать. Но Симеон Холли продолжал мягко и настойчиво расспрашивать, пока вся эта жалостливая история не открылась ему полностью: надежды, воздушный замок, жертва.

И Давид увидел, как бывает, когда сильный человек не может совладать с захватив-

шими его эмоциями. Это зрелище и пугало, и вызывало благоговение.

— Мистер Холли, это потому, что я... уезжаю, вы так... расстроены? Я никогда не думал и не предполагал, что вам... не все равно, — запинаясь, сказал Давид.

Ответа не последовало. Симеон Холли отвел глаза и смотрел в сторону.

— Дядя Симеон, пожалуйста! Думаю... думаю, я так и так не хочу уезжать. Я... уверен, что не хочу уезжать — и оставлять вас!

Тогда Симеон Холли повернулся к нему и заговорил.

— Уезжать? Конечно, ты уедешь, Давид. Думаешь, я привяжу тебя к себе теперь? — сказал он, задыхаясь. — Я всем обязан тебе — домом, сыном, счастьем! Уезжать? Конечно, ты уедешь. Неужто ты впрямь думаешь, что я дам тебе остаться! Пойдем, спустимся к матери и скажем ей. Подозреваю, она захочет прямо сегодня приняться за починку твоих носков!

Настала очередь Симеона Холли совершить огромную жертву. Он принял это с гордо поднятой головой и решительным шагом первым спустился вниз.

Друзья, родственники, восторженная публика, головокружительные счета в банках — все это теперь есть у Давида. Но каждый год он, уже взрослый человек, берет скрипку и едет в маленький городок высоко в горах. Там, на тихой кухне, он играет старику и старушке, и всегда говорит себе, что тренируется, готовясь к моменту, когда со скрипкой наготове, касаясь струн смычком, он отправится на встречу с отцом в далекую страну и расскажет ему, какой прекрасный мир оставил здесь.

Оглавление

Глава I. Дом в горах	3
Глава II. Тропинка	15
Глава III. Долина	29
Глава IV. Два письма	41
Глава V. Диссонансы	58
Глава VI. Досадная необходимость и прочие досады	72
Глава VII. «Ты нужен! Ты нужен!»	88
Глава VIII. Загадочные «надо» и «нельзя»	101
Глава IX. Джо	115
Глава X. Госпожа Роз	130
Глава XI. Джек и Джилл	144
Глава XII. Непонятные ответы	154
Глава XIII. Сюрприз для мистера Джека	162
Глава XIV. Окно в башне	174
Глава XV. Секреты	185
Глава XVI. Воздушные замки Давида	196
Глава XVII. «Принцесса и нищий»	207
Глава XVIII. Давид приходит на помощь	222
Глава XIX. Не прекрасный мир	237
Глава XX. Незнакомый путь	248
Глава XXI. С тяжелыми сердцами	260
Глава XXII. Глазами Перри	269
Глава XXIII. Загадки	278
Глава XXIV. История на новый лад	292
Глава XXV. Прекрасный мир	302

Литературно-художественное издание

Портер Элинор

ПРОСТО ДАВИД

Перевод с английского — Таира Мамедова

Редактор — Алексей Чепелов

Оформление и верстка — Илья Соколов

Подписано в печать 29.04.21. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,0. Тираж 5000 экз. Заказ 2661/21.

Издательство «Благовест»

Адрес: 123182, г. Москва, ул. Авиационная, д. 13.

Отпечатано в «Издательско-полиграфическом
комплексе Парето-Принт»

170546, Тверская область, Калининский район,

Бурашевское сельское поселение,

промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А»,

тел.: (4822) 62-00-17

**ПОСЕТИТЕ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
издательства «БЛАГОВЕСТ»**

WWW.BLAGOVEST-MOSKVA.RU

**много православных книг и икон, акции и скидки
для ОПТОВЫХ И РОЗНИЧНЫХ покупателей**

Телефон: (495) 374-50-72

8-800-333-11-78

звонок из любого региона России – БЕСПЛАТНО!

ISBN 978-5-9968-0669-0

9 785996 806690

